

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093**)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2014

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2014
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

INTELLIGENTIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2014

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2014
© Ivanovo State University, 2014

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), архиепископ; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторацк**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Польшвинный**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy** (Tshurov), archbishop; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Moscow Pedagogical State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ В. С. МЕМЕТОВА

- «За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...» (Интервью *Е. М. Раскатовой* с *В. С. Меметовым*) 9
- Межвузовские научные центры в интеллектуальном и образовательном пространстве постсоветской России (Материалы круглого стола) 30
- Будник Г. А.* Пространство творчества (к 20-летию Проблемного совета «Интеллигенция. Культура. Власть» и Межвузовского центра РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества») 46
- Солодовниченко Л. Я., Шимельфениг О. В.* Комплексный феномен школы интеллигентоведения профессора В. С. Меметова 52
- Меметов В. С., Комиссаров В. В.* Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций 70

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Соловьёв А. А.* Земская интеллигенция Верхнего Поволжья в деле создания общественных публичных библиотек во второй половине XIX — начале XX века 80
- Пестерев Е. В., Кондрашёва М. И.* Выдвиженчество как проблема в работе уральских органов юстиции в 20-е годы XX века 93
- Величко С. А.* Интеллигенция Сибири и выборы народных депутатов СССР 1989 г. (25-летию событий посвящается) 104

<i>Лапина И. К., Ионова Е. Н.</i> Латинoамериканская интеллигенция в Конгрессе США: эволюция политического участия (1980—90-е годы)	113
---	-----

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

<i>Полозова К. А., Федотов А. А.</i> Роль интеллигенции в проведении антицерковных репрессий в 1958—1964 годах	125
--	-----

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Васильев Н. Н.</i> Трансформация мировоззренческих ориентиров научно-технической интеллигенции на рубеже веков	134
<i>Аннотации</i>	150
<i>Информация для авторов</i>	158

CONTENTS

TO V. S. MEMETOV'S ANNIVERSARY

- «Over these years several generations of the intelligentsia researchers have formed...» (*E. M. Raskatova* interviews *V. S. Memetov*)..... 9
- Inter-University research centers in the intellectual and educational space of the Post-Soviet Russia (Round table materials) 30
- Budnik G. A.* The area of creation (on the twentieth anniversary of the Problem council «Intelligentsia. Culture. Power», and the Inter-University Center of the Russian Federation «Political culture of the intelligentsia, its place and role in the history of the Fatherland»)..... 46
- Solodovnichenko L. Y., Shimelfenig O. V.* The complex phenomenon of the intelligentsia studies school of Prof. V. S. Memetov 52
- Memetov V. S., Komissarov V. V.* The Soviet intelligentsia in the Soviet historiography: once more on the problem of definitions 70

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Soloviev A. A.* The intelligentsia of Zemstvo of the Upper Volga region and its role in the public libraries opening in the late XIX — the early XX century 80
- Pesterev E. V., Kondrashova M. I.* The system of the nomination on the senior authority positions («vidvizhenchestvo») as a problem in the work of justice agencies of the Ural region in the 1920s. 93

<i>Velichko S. A.</i> Intelligentsia in Siberia and the people's deputies elections in the USSR in 1989 (to the twenty-fifth anniversary of the events)	104
<i>Lapshina I. K., Ionova E. N.</i> The Latin American intelligentsia in the United States Congress: evolution of the political participation (1980—1990ies)	113

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

<i>Polozova K. A., Fedotov A. A.</i> The role of intelligentsia in the repressions against the church in 1958—1964	125
--	------------

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

<i>Vasilyev N. N.</i> Transformation of the worldview key points of the scientific and technical intelligentsia between the two ages.....	134
<i>Annotations</i>	154
<i>Information for authors</i>	158

К ЮБИЛЕЮ В. С. МЕМЕТОВА

ББК 60.543.132.1

«ЗА ЭТИ ГОДЫ СЛОЖИЛОСЬ НЕСКОЛЬКО ПОКОЛЕНИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДОВ...» (Интервью Е. М. Раскатовой с В. С. Меметовым)

В канун юбилея главного редактора журнала «Интеллигенция и мир» профессора В. С. Меметова состоялась его беседа о проблемах современного интеллигентоведения. Беседу вела доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета, профессор Е. М. Раскатова.

Е. М. Раскатова: Уважаемый Валерий Сергеевич, Вы по праву принадлежите к поколению, чье становление (гражданское, профессиональное, в целом личностное) пришлось на годы оттепели — ощущаете ли Вы себя шестидесятником?

В. С. Меметов: Думаю, не всё выглядит так однозначно.

Хотел бы заметить, что для меня, утверждающего обязательность в историческом процессе определенных этапов: генезис, формирование, становление, развитие, деятельность и т. д.,

© Раскатова Е. М., Меметов В. С., 2014

Раскатова Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры Ивановского государственного химико-технологического университета. elenarackatova@mail.ru

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета, директор НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир». vs_memetov@mail.ru

является закономерностью и прохождение таких же ступеней жизни любым человеком. В моем понимании *становление* ассоциируется с завершением предшествующего этапа жизни человека, оно как бы предшествует понятию *развитие*. Эта схема работает на всех исторических этапах жизнедеятельности человека. Следовательно, и шестидесятые годы XX века являлись лишь частью данного исторического этапа.

Как и у большинства шестидесятников, у меня было военное детство, тогда началось наше становление = взросление. Мы все повзрослели «до срока», видели горе и человеческие трагедии. Не обошли они и мою семью. Все мужчины вернулись с фронта ранеными. Их рассказы о войне — первое приближение к теме, которая для меня как ученого в дальнейшем станет важнейшей.

А еще война, как бы ни показалось странным, — это реальная (понимаете, какое сильное впечатление осталось в детском сознании) встреча с врагом. Физическое ощущение его жестокости, и в то же время первое приблизительное, пока еще неясное, осознание, что не все немцы — фашисты.

А затем была учеба в школе: с 1946 по 1956 год, служба в Советской Армии: с сентября 1958 до конца июня 1961 года. Как мне представляется, эти годы были очень важными ступенями моего становления. Именно тогда закладывались нравственные основания, формировались ценности и приоритеты личностного и гражданского развития.

В процессе моего становления и развития исключительно велика была роль книги. Читал всё, что попадалось под руку, днем и ночью, дома и в школе. И если «выпроваживали» меня из класса, то только за чтение книг на уроках. Скажу больше, — будучи изгнанным, я устраивался под дверьми класса и продолжал читать. Я буквально проживал судьбы героев прочитанных книг и в своем воображении, вместе с ними, как бы совершал подвиги. В послевоенное время почти вся литература была заполнена героями Великой Отечественной войны — солдатами, офицерами, подпольщиками и партизанами. Но самое сильное впечатление, насколько помню, на меня производили герои-разведчики, владеющие немецким языком, работающие в тылу врага и добывающие для советского командования архиценные сведения. Так, видимо на подсознательном уровне, формировался мой собствен-

ный герой, на которого хотелось быть похожим. Он должен был обладать такими важными качествами, как смелость, решительность, целеустремленность. В юношеском воображении я рисовал свое будущее как человека высокообразованного и владеющего иностранным языком. Хотя поначалу всё это воспринималось лишь на *интуитивном* уровне.

Не хочу вдаваться в детали реализации этой мечты, этого желания, хочу лишь заметить, что практически углублять свои знания немецкого языка я начал не в школе, а в годы службы в армии. Приобрел небольшой немецко-русский словарь в 25 тыс. слов и начал планомерно и систематически заучивать слова. Был несказанно рад, когда к окончанию третьего года службы мог мгновенно ответить на вопросы дежуривших офицеров РЛС (радиолокационной станции), как переводится то или иное немецкое слово. И не случайно, когда в 1961 году солдатам и сержантам разрешили сдавать вступительные экзамены в вузы страны, я подал документы в Московский институт иностранных языков на немецкое переводческое отделение.

Однако здесь я сразу же потерпел фиаско на собеседовании с представителем деканата и комсомольским секретарем вуза. Они «похвалили» за то, что я выучил немецко-русский словарь, но прямо сказали, что без знания грамматики невозможен немецкий язык, тем более на переводческом отделении. В качестве смягчения пилюли мне предложили: «Товарищ сержант, попробуйте поискать своего счастья в Московском госпединституте, там есть профильные (языковые) факультеты и исторический факультет, где готовят по специальности “история на иностранном языке”».

Я последовал этому совету, успешно сдал вступительные экзамены и поступил в 1961 году на исторический факультет Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Однако желанной группы, история на немецком языке, на истфаке не оказалось. Была спецгруппа — история на английском языке, но, увы, я тогда не знал ни одного английского слова.

В сложившейся ситуации, по-видимому, главным было то, что я не отказался от своей мечты — стать современным образованным человеком, что для меня предполагало обязательное знание иностранного языка. Раз цель ясна, значит, следовало заняться определением конкретных задач.

Изначально мне было ясно, что осуществление самого фантастического (для того времени) плана — перевод в группу с преподаванием истории на английском языке — возможно только при успешной учебе на истфаке. Здесь у меня были определенные достижения: я учился только на «хорошо» и «отлично». Что касается английского языка, то первыми моими учителями были студенты группы и живущие в общежитии. К весне 1962 года я добился разрешения от деканата на посещение занятий с группой, изучавшей историю на английском языке. Интенсивная самостоятельная работа по освоению языка (с помощью знаменитого учебника Натальи Александровны Бонк, записанного на магнитофонную ленту) продолжалась все лето, и днем и ночью. В сентябре 1962 года комиссия кафедры английского языка признала меня *способным* к изучению иностранного языка, и я был переведен в спецгруппу «история на английском языке». Уже на втором курсе меня ставили в пример другим. В общем, я заговорил по-английски и продолжаю это делать иногда до сих пор.

Е. Р. Ваша студенческая юность прошла в легендарном вузе нашей страны — Московском государственном педагогическом институте (сейчас МПГУ). Что сегодня кажется особенно важным в той вузовской жизни? Что запомнилось — события, друзья, учителя?

В. М. Да, мне действительно повезло с вузом. Этот институт был и остается *педагогическим* не только по названию, но и по своему *сущностному содержанию*. Лично у меня сохранились самые теплые и добрые воспоминания о моих преподавателях. Они, как мне представляется, никогда не забывали, что они Педагоги, работают в Педагогическом вузе и готовят Педагогов. Это ощущалось буквально во всем. Может быть, я идеализирую в чем-то ситуацию, ведь я вернулся после трех лет службы в армии, но...

Помогали мне многие. Так, в случае с моим стремлением во что бы то ни стало осилить английский язык, это был декан исторического факультета, профессор **Петр Васильевич Гора**. Внимательно выслушав меня, расспросив про армию, семью, ничего не обещая, сказал: «Будем думать». Его поддержку я ощущал постоянно, на протяжении всех лет учебы.

Мне несказанно повезло с преподавателем, который, по сути, определил мою будущую научную судьбу — изучение проблем

интеллигенции. Это известный всем, кто занимается историей интеллигенции, доктор исторических наук, профессор **Лев Константинович Ерман**, который читал нам курс истории КПСС. Ведущий специалист по истории дореволюционной российской интеллигенции, он в лекциях искусно перемежал курс истории партии с историей интеллигенции. Это было так интересно, что я сразу записался в научный кружок, которым он руководил.

На 4-м курсе, уже прилично владея английским языком, я написал под его руководством научную работу «Фальсификация истории советской интеллигенции в англо-американской литературе». Работу заметили, я получил специальный Диплом Оргкомитета на Московском конкурсе студенческих научных работ. Это также убедило меня в правильности избранного пути — наука, аспирантура.

Наша дружба с Л. К. Ерманом продолжалась и на 5-м курсе, мы уже обговаривали с ним тему диссертации, но он серьезно заболел...

Теперь о других Учителях, которых запомнил и которые, без сомнения, оказали влияние на мое становление как начинающего исследователя.

Это было время, когда в МГПИ им. Ленина собрался цвет интеллектуальной элиты — специалистов по зарубежной и отечественной истории, на книгах которых выросло не одно поколение ученых. Среди них хотелось бы вспомнить педагога от Бога — профессора **Михаила Абрамовича Барга**, доктора исторических наук, европейского уровня специалиста по всеобщей истории, точнее в области истории Великобритании¹. О научном авторитете М. А. Барга свидетельствует избрание его Членом Королевского исторического общества Великобритании. Он работал в МГПИ им. В. И. Ленина в 1956—1968 годы, а потом — в Институте всеобщей истории Академии наук СССР.

Или совсем другой ученый — **Исаак Израилевич Минц** — глава официальной отечественной исторической школы (член редколлегии многотомных изданий «История Гражданской войны» и «История КПСС»). Именно он возглавлял Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции». С 1950 по 1972 год Исаак Израилевич был заведующим кафедрой истории СССР Московского педагогическо-

го института имени В. И. Ленина. Он читал удивительные лекции по истории культурной революции в годы Гражданской войны, сопровождая чтение совершенно замечательными подробностями мемуарного характера о личном участии в качестве бойца легендарной Первой конной армии. События далеких лет, окрашенные революционной романтикой, оживали на наших глазах, позволяли сопереживать героям прошлого.

Не могу не вспомнить еще одного замечательного ученого и учителя — **Виктора Федоровича Семенова**, на учебниках которого по истории Средних веков² выросли и мы, и наши дети. Его работы по истории английского крестьянства заняли достойное место в историографии этой страны, отмечены специалистами. Слушать его было непросто. Удивительно мягкий добрый человек, внимательный к студентам педагог.

Эти и многие другие преподаватели МГПИ имени В. И. Ленина не просто читали лекции как настоящие ученые, они предлагали студенту погружение в собственную исследовательскую лабораторию. Не случайно, немало участников спецсеминаров этих известных ученых — сами в дальнейшем стали исследователями. Именно тогда начали формироваться и мои научные интересы.

Е. Р. Вы их слушали в годы оттепели. Но когда уже Вы начинали преподавать, наступали другие времена, утвердились иные границы, иные правила, иные возможности... Вот тогда Вы поняли, что лекции многих ученых в МГПИ были открытиями-откровениями?

В. М. Думаю, да. Но и тогда, в оттепельные годы, такие лекции позволяли себе не все преподаватели. И. И. Минц, Э. Н. Бурджалов, Л. К. Ерман — именно они широко употребляли понятия «интеллигент», «интеллигенция». Они постоянно обращали внимание на роль интеллигенции в истории нашей страны. Полагаю, что это серьезно повлияло на мое самосознание.

События развивались не только в учебной, но, скорее, во внеучебной жизни. Дело в том, что еще в армии я стал кандидатом в члены Коммунистической партии. По решению XX съезда КПСС, кандидатский испытательный срок сокращался до одного года. В октябре 1961 года, уже на 1-м курсе, партийная организация истфака МГПИ решала вопрос о моем вступлении в ряды КПСС. Я сразу окунулся с головой в общественную работу. На

факультете и в комитете ВЛКСМ я отвечал за идейно-воспитательную работу. Интересно, что, выполняя различные поручения, организуя всевозможные мероприятия, я смог увидеть, услышать и познакомиться с такими известными всей стране людьми, как писателями И. Эренбургом, К. Симоновым, поэтами А. Вознесенским и Е. Евтушенко, бардами А. Якушевой и многими другими.

Именно в эти годы появились в моей жизни настоящие друзья, друзья на всю жизнь. Среди них — **Владимир Владимирович Москвин**. К сожалению, его уже нет. Этого замечательного человека помню и как талантливую Ученого, щедрого и внимательного Учителя. То же самое могу сказать и о **Захаре Григорьевиче Дайче**.

Е. Р. Как Вы пришли в науку? В то время не особенно приветствовались занятия историей интеллигенции. Почему Вы выбрали именно это научное направление? Этапы вашего научного пути, факторы (книги, встречи, люди и др.), определившие ваше научное кредо?

В. М. Это не совсем так... Дело в том, что именно в оттепельные годы началась *научная реабилитация* истории интеллигенции. Именно тогда вышла в свет первая обобщающая работа под редакцией М. П. Кима³, которая послужила базой для многих исследователей, работавших в 1960—80-е годы над этой проблемой. Вслед за монографиями Л. К. Ермана, В. Р. Лейкиной-Свирской⁴, посвященными истории интеллигенции в досоветский период, появились работы об интеллигенции советского периода. Выходили очерки, раскрывающие пути становления и совершенствования системы подготовки и использования различных отрядов советской интеллигенции⁵. Но, конечно, эти работы выполнены во многом по правилам и в рамках официальной советской историографии.

Что касается этапов моего научного пути, то здесь, скажем прямо, также не всё было ровно. Уже на пятом курсе, определившись с темой будущей научной работы, я неожиданно был оставлен моим будущим научным руководителем **Геннадием Даниловичем Комковым** (в связи с болезнью Л. К. Ермана меня прикрепили на время соискательства к другому крупному ученому — Г. Д. Комкову). Во второй половине 1960-х годов он работал по совместительству на кафедре истории КПСС МГПИ, а по основ-

ной своей деятельности — был директором издательства «Наука» СССР. Он широко известен научной общественности страны как ведущий специалист по идеологической работе партии в годы Великой Отечественной войны. Запомнился он как порядочнейший и ответственнейший человек, многому меня научивший.

При первой ознакомительной встрече Геннадий Данилович высказал мнение, что сама тема разоблачения буржуазных фальсификаторов советской интеллигенции не отвергается, а приветствуется им, но она должна вестись не посредством одного языка, а нескольких (не менее трех) языков. А так как он специалист по Великой Отечественной войне, то есть резон подумать о жизнедеятельности того или иного отряда интеллигенции в годы войны. Эта первая встреча, конечно же, в корне изменила цели и задачи моей будущей исследовательской работы. Единственное, что тогда было сохранено — это такая научная категория, как «субъект», т. е. сама «интеллигенция».

Если перечислять следующие этапы моего научного пути, то вначале была диссертация по столичной интеллигенции в период битвы под Москвой, а затем докторская диссертация — по художественной интеллигенции СССР в 1941—1945 годы.

Уже к началу и в ходе перестройки у меня, как, видимо, и у многих других коллег, стали возникать многочисленные вопросы — что же такое «интеллигенция»? Каково ее действительное место и роль в жизнедеятельности различных общественных объединений и государств? Правомерно ли ее рассматривать только с положительным знаком, или возможны и необходимы иные оценки? При отсутствии дифференцированного подхода к понятийному ряду «интеллигенция», «интеллектуалы», «элита» и т. п., стали возникать объективно закономерные вопросы, настоятельно требующие решения.

Е. Р. Думаю, очевидно, что дать ответы на эти и многие другие возникавшие вопросы, решить некоторые научные проблемы и др., невозможно в границах традиционной методологии. Необходимы новые подходы. Поиск новых эффективных методов исследования привел к пониманию необходимости междисциплинарных исследований проблем теории и истории интеллигенции.

Научные межвузовские центры в РФ — география, роль, место в постсоветском научном и образовательном пространстве?

В. М. Полагаю, появление межвузовских научных центров было велением времени. Активность интеллигенции накануне и в начале перестройки была архивысокой в плане утверждения значимости, места и роли ее в жизнедеятельности общества и государства. В особенности велика была общественно-политическая деятельность интеллигенции в организации и создании различных демократических и политических объединений и организаций.

Это время научных обсуждений важнейших проблем истории отечественной интеллигенции. Изменение политической ситуации в обществе сделало возможным дискуссии специалистов гуманитарных наук по проблемам «Интеллигенция и народ», «Интеллигенция и Власть», «Художник и Власть»⁶, была обозначена как *перспективная* исследовательская проблема — самосознание интеллигенции⁷. Симптоматично появление книги Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова⁸, работ, подобных статье А. Ю. Зудина⁹.

Сейчас ругают «лихие девяностые» (мне трудно с этим не согласиться), но у этого времени есть одна замечательная особенность — можно было выйти с самым невероятным, самым сумасшедшим предложением и получить поддержку на самом высоком уровне. Так было и с будущим ивановским центром. Обратясь с соответствующим предложением в министерство, я получил право разработать документы для участия во всероссийском конкурсе. Такие материалы были подготовлены мною и отвезены в Москву. Через некоторое время пришло положительное решение. В числе семи первых межвузовских центров на официальном уровне, т. е. поддержанных приказом Комитета по делам высшей школы Российской Федерации, был и Межвузовский центр РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» при Ивановском госуниверситете. Под него первоначально было выделено две преподавательские ставки, а спустя три года, после успешной работы Центра, дополнительно выделили еще три ставки. Для того времени это была большая победа. Мы начали работать! Главная моя мечта — междисциплинарное исследование проблем интеллигенции, и с гордостью могу сказать, что мне удалось привлечь к работе в Центре лучших ученых-гуманитариев, представителей разных научных школ и развернуть их работу в русле интеллигентоведения.

Е. Р. Вы проработали в Ивановском государственном университете практически четверть века — 25 лет вашей научно-педагогической жизни... Что, на ваш взгляд, самое важное из достигнутого за эти годы?

В. М. Думаю, главное, что удалось за эти годы — создать и развить новое научное направление — *интеллигентоведение*. Сошлюсь на мнение **Варлена Львовича Соскина**, одного из ведущих специалистов России по вопросам истории советской культуры и интеллигенции, талантливому организатору науки в нашей стране, который в 1990-е годы так отозвался об ивановской школе интеллигентоведения и ее руководителе: «...практика еще раз доказала великую роль личной инициативы. В центре России, но отнюдь не в ее столице, возникла новая научная ячейка, ставшая в последние годы наиболее активным организатором и координатором изучения интеллигенции в стране. Заслуга в этом во многом принадлежит Валерию Сергеевичу Меметову... Думается, в ближайшие годы нынешняя роль Центра сохранится, хотя формы его деятельности, следует полагать, будут совершенствоваться»¹⁰.

Ежегодные конференции (в 2014 г. будет юбилей — 25 лет), дискуссии, опубликованные материалы только подтверждают продуктивность данного научного подхода к изучению этого сложного культурного феномена. Ученые из всех регионов нашей страны и ближнего зарубежья, в первую очередь Белоруссии, занимающиеся проблемами теории, истории отечественной и зарубежной интеллигенции, собираются на ежегодные научные встречи. Важно, что многие идеи, впервые апробированные на ивановских конференциях, получили признание в профессиональной среде, результаты опубликованы в лучших научных журналах, монографиях, получают развитие в работах уже учеников участников первых научных форумов.

Именно на конференциях в Иванове загорелась звезда **А. В. Квакина**, здесь впервые услышали новационные выступления исследовательских творческих союзов (**В. Л. Соскин — С. А. Красильников**, **В. Г. Рыженко — В. Ш. Назимова**, **Г. В. Корзенко — И. И. Шевчук**, **Л. Я. Солодовниченко — О. В. Шимельфениг**) и др. Мне удалось пригласить таких известных специалистов страны по проблемам интеллигентоведения, авторов уже признанных книг, как **В. С. Волков**, **В. Л. Соскин**, **М. Е. Главацкий**, **М. И. Кон-**

драшёва, Э. Б. Ершова, А. И. Аврус и др. Своеобразную научную школу на ивановских конференциях проходили тогда молодые ученые, имена и монографии которых составляют сегодня гордость современной российской культурной истории (М. Р. Зезина, И. В. Купцова, С. А. Красильников, В. П. Корзун и др.). За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов. Особенно благодарен тем, кто и сегодня, когда заниматься этими проблемами стало конъюнктурно невыгодно, продолжает благородное дело: И. В. Сибиряков, Е. М. Раскатова, О. В. Золотарёв, Г. А. Будник, Ф. Х. Соколова, А. А. Соловьёв, Д. А. Смирнов и др.

Убежден, что такого научного результата мы смогли достичь благодаря новым организационным формам — созданному в 1992 году Межвузовскому научному центру «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», а в 1998 году — НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете.

Чрезвычайно продуктивными считаю регулярные научные семинары в Центре, по результатам которых рождаются статьи, монографии, вырабатываются необходимые рекомендации. Так, одно время вызывали большой интерес и руководства вузов, и самих студентов учебные курсы по проблемам интеллигентоведения. Мы даже провели по этому поводу три тематические научно-методические конференции. Убежден и сегодня — воспитанием интеллигенции нужно и можно заниматься. (Иначе самолеты будут падать, несмотря на освоение выпускниками новых современных технологий.)

Считаю, что следующим и закономерным шагом в развитии Центра стал журнал «Интеллигенция и мир», качество публикаций которого подтверждается включением издания в 2010 году в список ВАК. Я благодарен членам редколлегии нашего журнала, тем, кто стоял у истоков — это профессора Ю. М. Воронов, В. П. Раков, Г. С. Смирнов, доценты С. С. Садина и Н. Г. Юркин.

Следующей ступенью развития стала подготовка и выпуск коллективных монографий, которые явились своеобразным отражением самосознания научной интеллигенции, занимающейся исследованием проблем теории и истории интеллигенции. Теоретический разговор о методологии изучения интеллигенции вели ученые — представители разных научных специальностей (фило-

софы, филологи, историки, политологи и др.)¹¹. Особого внимания заслуживает работа философа Г. С. Смирнова¹² об особой миссии российской интеллигенции и ее способности выполнить эту миссию. Теоретические подходы и методики анализа конкретных явлений могут дать много полезного для осмысления интересующих нас проблем.

Очень рад, что в те трудные времена удалось сохранить всех преподавателей на кафедре, которой пришел руководить. Тогда был сильный профессорско-преподавательский состав: уже работали три профессора — Бритов Валериан Макарьевич, Силин Василий Кузьмич и Лутовинов Иван Семенович, ведущие доценты — Л. В. Набиркина, Р. С. Мочалова, из молодежи — Г. П. Красина, О. А. Гулякина и др. В перестройку начались сокращения. Надо признать, что тогда нам много и заинтересованно помогал ректор ИВГУ профессор Владимир Николаевич Латышев.

Не обошлось без курьезов! Надо было не просто продолжать, но и развивать научно-исследовательскую работу... Начинали с того, что на деньги, вырученные от полученных ваучеров, мы (С. Моисеев, А. Данилов, А. Рябинкин, В. Веселов, А. Семенов и я) купили бумагу!!! Именно на этой бумаге издавались первые работы по проблемам истории и теории интеллигенции.

Е. Р. Вас как ученого знают в стране и за рубежом, Вы — активный участник международных конференций. Не могли бы Вы назвать наиболее знаковые форумы для истории интеллигенции? Чьи доклады, выступления произвели особое впечатление? Кто особенно созвучен Вам? С кем установились тесные научные творческие контакты?

В. М. Действительно, проблемам интеллигенции за последние двадцать лет было посвящено немало научных форумов и в России, и в ближнем зарубежье. На первых конференциях, которые прошли в 1992 году, почти одновременно в Иванове и в Кемерово, прозвучали поистине *революционные* доклады. Там и завязались многие научные контакты, продолжающиеся по сегодняшний день. Мне особенно был созвучен, близок по мироощущению, мировоззрению профессор **Владимир Тихонович Ермаков** (Институт российской истории РАН). Тогда же были установлены деловые связи, научные контакты с такими авторитетными

структурами, как Институт российской истории РАН, институт Всеобщей истории РАН и др.

Работа «Русская интеллигенция: история и судьба», вышедшая в издательстве «Наука» под редакцией Д. С. Лихачева, помогает составить представление об участии в исследовании обозначенной проблемы известных ученых-гуманитариев, наших соотечественников. Это и М. Гаспаров, и И. Кондаков, и С. Аверинцев и многие другие. С некоторыми из них мне посчастливилось быть знакомым лично, участвовать в научных конференциях, слушать их доклады. Вы помните, что в начале перестройки академик Д. С. Лихачев стал фигурой общенационального масштаба благодаря его выступлениям в защиту культуры. Одна из самых ярких и важных работ Д. С. Лихачева — «О русской интеллигенции». В ней ученый доказывает, что свобода для интеллигента — это нравственная категория. По его мнению, не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Совесть в представлении Д. С. Лихачева — это «рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни»¹³.

Запомнилась и другая встреча — с **Георгием Степановичем Кнабе**, которого также сегодня уже нет. Он по самосознанию, по образу мыслей и образу жизни — настоящий интеллигент. Таких уже почти не осталось... Я увидел его лично на одной из международных конференций. Скромный человек сидел неподалеку и тихо переговаривался со спутницей. Прошло некоторое время, его пригласили на трибуну, и весь зал (!!!) встал и долго приветствовал этого ученого. Выступая, он продолжил научную дискуссию, соглашаясь на английском и немецком, возражая на французском и итальянском языках — эрудиция потрясающая. Георгий Степанович владел двадцатью языками, у него внушительный список публикаций, в основном посвященных античности, но последние пятнадцать лет он писал еще и о русской интеллигенции, есть интересные статьи о кино и режиссерах, о рок-музыке и др. В одной из его работ об Б. Окуджаве — замечательные размышления о судьбе русской интеллигенции на сломе советской и постсоветской эпохи¹⁴.

Надо сказать, что феномен российской интеллигенции изучают и за рубежом. Материалы наших конференций и журнал востребованы в крупнейших библиотеках не только РФ. Деятельность ивановского Центра в середине 1990-х, да и в последующие годы вызывала серьезный профессиональный интерес у известных ученых-гуманитариев, специалистов по проблемам истории культуры и интеллигенции не только в России. Важно подчеркнуть, что западноевропейские ученые сами находили нас (по работам, материалам конференций и т. п.) и предлагали разные формы сотрудничества. Так, в 1995—1996 годы у меня состоялись интересные и продуктивные встречи с профессором Венецианского университета, директором Итальянского института культуры, первым советником по вопросам культуры Посольства Италии в России — Витторио Страда. Одна из бесед прошла непосредственно в посольстве, в итальянском Институте культуры, который запомнился мне огромными книжными стеллажами. Тогда же мы обменялись книгами. В. Страда подарил мне знаменитый первый Лотмановский сборник¹⁵ (1995 г.), я передал ему сборники трудов по интеллигентоведению, издаваемые в Ивановском государственном университете.

Е. Р. Научные конференции, семинары не ограничиваются официальным аудиторным пространством, знаменитые «дрозсооры» Тимофеева-Ресовского, «капичники» старшего Капицы и другие формы вошли в историю науки как эффективные практики научного общения, обсуждения важнейших проблем, особенно трудных вопросов, по сути — складывания научных школ, воспитания научной смены, учеников. Многие помнят «вечера у Меметова» — содружество близких по духу людей. Что Вы особенно цените в людях, кого назовете друзьями?

В. М. Вы правы — научные конференции, конечно же, не заканчиваются и не ограничиваются аудиторным пространством. Существует определенная закономерность — на одни конференции обязательно стараются попасть, а на другие — не особенно. И решающее значение здесь имеет не только тематика научного форума, состав участников, трудности с организацией основного рабочего графика и т. д., но и другие «житейские» обстоятельства. Знакомство с новым городом, вузом — организатором конференции — начинается с «обыденных» вопросов: как и на каком

транспорте добраться до города Иваново? как доехать до университета? в какой гостинице поселиться? И многие другие, казалось бы, мелкие, но важные вопросы всегда решали и решают мои помощники (сотрудники Центра, аспиранты, студенты и др.). Мы всегда встречаем и помогаем поселиться, обязательно заботимся о питании в нашей столовой и др. Многие организационные трудности помогают решать администрация г. Иваново и Ивановского государственного университета. В этом году вернулась практика встреч ведущих ученых — гостей конференции с руководителями региона. А кто из участников сможет забыть ставшие давно традиционными поездки в Плес!

Но главное, ради чего приезжают ученые из разных регионов России и ближнего зарубежья, это — интеллектуальное общение духовно близких людей. Так сложилось, что есть постоянные участники конференций, которые приезжают и, надеюсь, будут приезжать, несмотря ни на что. Они не представляют своей научной жизни без ежегодных встреч в Иваново, где апробируются идеи, происходит обмен опытом, участие в дискуссиях и т. д., и т. п. Чрезвычайно важно, продуктивно и потому — обязательно участие в конференциях членов Проблемного совета «Интеллигенция. Культура. Власть». Это 15 ведущих интеллигентов страны, те, кто стоял у истоков создания направления и кто сегодня составляет его интеллектуальный «штаб», у них молодые исследователи всегда могут получить нужный совет и рекомендации. Не случайно, одной из важных форм работы внутри конференции стало обсуждение концепций будущих диссертаций. Руководство Проблемного совета определяет и стратегию развития данного научного направления: от тематики будущих научных форумов до вопросов, предлагаемых к обсуждению в очередном номере журнала «Интеллигенция и мир».

За эти годы сложилась также и традиция «вечерних» заседаний, во время которых продолжается обсуждение важнейших для всей вузовской интеллигенции проблем: судьба высшей школы России, современные студенты, молодой преподаватель в новом университете и т. д., и т. п. Мы говорим о самом главном и насущном, что волнует разные поколения отечественных ученых. Эти вечера у супругов Меметовых собирают очень близких по духу людей разных поколений. За столько лет (более 20) определился

свой круг — содружество единомышленников. Позволю предположить, что представителей этого сообщества отличает подлинная интеллигентность, в первую очередь, высокая нравственность, что особенно ценю в людях, в моих друзьях.

Е. Р. Вы как профессор востребованы в разных российских университетах, Вы работали и в разных ивановских вузах. Что можно сказать об особенностях в стиле работы коллег, отношениях со студентами и др.?

В. М. Да, мне пришлось поработать в трех вузах Иванова: начинал в Ивановском государственном энергетическом институте, затем в Ивановском государственном университете, Ивановском государственном химико-технологическом и вновь, с 1988 года по сегодняшний день, в Ивановском госуниверситете. Время работы в этих вузах вспоминаю с благодарностью и скажу, что переходил «по велению партии».

Высшие учебные заведения нашего Ивановского региона — это совершенно особые учебные заведения. Технические вузы, в которых мне довелось работать, являлись и продолжают оставаться лидерами подготовки специалистов для промышленности нашей страны. Инженеров-энергетиков ИГЭУ, химиков-технологов ИГХТУ ждут на предприятиях, эти вузы — лидеры в общероссийском рейтинге. Думаю, что ключ такого устойчивого успеха не только в качественной профессиональной подготовке (а состав ППС гарантирует такое качество), но и в особом неформальном внимании к тому, что сегодня называют «внеаудиторной» работой со студентами. Многие преподаватели этих вузов — подлинные интеллигенты, они всегда выступали в авангарде важных начинаний в стране. Их заботливое, я бы сказал «отеческое», отношение к студентам никогда не исключало высокой требовательности к ним, выработки чувства гордости и ответственности за свою профессию, за свой вуз, который с любовью все поколения студентов называют «альма-матер».

Я проработал в ИХТИ почти 12 лет и могу с уверенностью сказать — в этом вузе никогда, и в постперестроечные годы, не забывали о студентах после занятий. Здесь сохранили институт кураторства, первыми организовали студенческое Правительство, у них существует внутривузовский конкурс грантов на научные

исследования молодых, в том числе и по гуманитарным наукам, там один из лучших в стране студенческих клубов и т. д., и т. п. Образно говоря, это — *студенто-центричный вуз*.

Важно и другое — именно там, тогда еще в ИХТИ, мне удалось сформировать в то непростое время научный коллектив, занимавшийся проблемами истории советской интеллигенции. На кафедре работали специалисты по истории разных отрядов советской интеллигенции (Г. П. Соколова занималась сельской интеллигенцией, Л. М. Малкова — инженерно-технической, С. С. Садина — журналистами, Н. М. Губина — научно-технической, а молодые, только что пришедшие на кафедру О. Е. Богородская и Е. М. Раскатова, продолжили мою тему — занялись изучением художественной интеллигенции). Эта научно-исследовательская работа была высоко оценена специалистами, известными учеными — по предложению С. А. Федюкина меня включили в состав Проблемного совета страны по истории культуры и интеллигенции.

Е. Р. Вы создали научный журнал, с момента основания является его главным редактором, вывели это издание в разряд журналов ВАК, наиболее цитируемых и уважаемых в профессиональной среде изданий. Как складывался круг «своих» авторов? Чьих работ особенно ждете как читатель? Как Вам видится будущее журнала — проблемы, рубрики, авторы?

В. М. Да, журнал «Интеллигенция и мир» — это особая «песня» в моей судьбе, мы долго к этому шли, понимая серьезность такого начинания. Думаю, что наш журнал — заметная страница в истории высшей школы не только нашего региона, но и страны. Название журнала отразило высокий смысл — миссию российской интеллигенции в современном обществе и историко-культурном прошлом страны.

Важно отметить, что подобные издания не могут появиться без согласованных действий многих заинтересованных сторон, в нашем случае — Ивановского государственного университета, администрации области и города. Самое активное участие в его создании принимал тогда заместитель Губернатора Ивановской области, доктор политических наук, профессор Юрий Михайлович Воронов. Он по сегодняшний день с нами, являясь членом редакционной коллегии журнала. В состав редакционного совета вошли

и плодотворно работают такие известные специалисты по истории культуры и интеллигенции, как В. С. Волков, И. В. Кондаков, Д. А. Макеев, В. А. Мансуров, С. Н. Полтарак, Д. И. Польшанский, Е. М. Раскатова, И. В. Сибиряков, В. Л. Соскин и др.

Конечно же, плодотворная работа журнала во многом зависит от разных факторов. Определяющим, на мой взгляд, является отношение администрации к появлению и функционированию ваковского журнала. Могу сказать, что Дмитрий Игоревич Польшанский — наш проректор по науке — всегда оказывал и оказывает посильную помощь журналу «Интеллигенция и мир». Он активно вникает в работу НИИ интеллигентоведения, редколлегии и редакционного совета журнала.

Приятно добавить, что некоторые члены редакции — мои ученики: у Владимира Вячеславовича Комиссарова, Николая Георгиевича Юркина и Александра Константиновича Калинина я был научным руководителем по кандидатским диссертациям, а у Сергея Михайловича Усмана — консультантом по докторской диссертации на ее завершающем этапе. Уважаемый профессор, доктор философских наук Григорий Станиславович Смирнов курирует философское направление нашего журнала. Считаю нужным отметить достойную работу Марины Борисовны Балябиной, бессменного редактора нашего журнала.

Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий по трем научным направлениям: истории, философии и политологии. Совсем недавно, мы с моим учеником, коллегой Н. Г. Юркиным проанализировали публикации за более чем 10 лет существования журнала¹⁶. Исследование подтвердило продуктивность начатых в свое время научных дискуссий (о времени возникновения интеллигенции, о сущностных чертах, типологии и внутренней дифференциации интеллигенции, о ее миссии и функциях в обществе и др.); сохраняется интерес и авторов, и читателей к научно-методическим проблемам, стали появляться работы о меняющейся роли ученого-педагога в новом информационно-образовательном пространстве и т. п.; по-прежнему актуальной остается тема взаимоотношений власти и интеллигенции, но изменился ракурс рассматриваемых проблем — в связи с появлением в Ивановском государственном университете исследований современных политических

систем и политических элит разных стран (в первую очередь под руководством профессором: Д. И. Польшанного, В. Л. Чернопёрова, С. М. Усманова); анализируются не только отношения противостояния интеллигенции и власти, но и ее активная конструктивная деятельность во власти. Думаю, что подобных работ по изучению современного российского общества следует ожидать в ближайшем будущем, надеюсь на беспристрастный анализ.

Интересной могла бы стать заявленная рубрика — публикация источников. И конечно, самые интересные открытия происходят на стыке научных дисциплин, при применении современных методик — авторов именно таких работ ждем в нашем журнале.

Е. Р. Ваши ученики: что удалось передать, развить, чего ждете от лучших из них?

В. М. На сегодняшний день, говоря «военным» языком, подготовлен целый «взвод» моих коллег и учеников: 7 докторов исторических наук и 26 кандидатов наук. Я им всем безмерно благодарен, потому что все состоялось, они живут и будут жить в моем сердце, пока оно бьется. Выделять кого-либо — не в моих правилах.

Е. Р. Валерий Сергеевич, возвращаюсь к вопросу о шестидесятниках и Вашем сходстве/различии с ними. Считается, что они были поколением последних «революционных романтиков». Действительно, многие из них разделяли идеи ленинизма, верили в возможность построения социализма, но социализма «с человеческим лицом» и т. п. Знаю, что Вы сохранили верность идеалам своей юности. Что для Вас сегодня идея социализма?

В. М. Для меня и сегодня социализм — будущее человечества. Идеи социальной справедливости не могут не привлекать образованных и порядочных людей в России. Считаю, что уроки социалистического прошлого необходимо усвоить и современной власти, особенно — успешные социальные программы Советской власти.

Вы знаете, мне удивительно созвучны мысли, высказанные уже в 2000-х годах А. Зиновьевым — самым известным в свое время диссидентом. В сборнике «Несостоявшийся проект» представлены его книги, в том числе — «Русская трагедия». В них автор рассказывает об истинных причинах краха советской политической системы. Он пишет: «...мы уже имели наилучшие для

условий России и для населяющих ее народов социальное устройство... советский социальный строй, политическая система, система воспитания, система образования и просвещения, система жизненных ценностей, тип культуры и так далее были вершиной русской истории вообще...» Я полностью с этим согласен, хотя, как и Зиновьев, не хочу этим сказать, будто советская система организации жизни общества является наилучшей и очень хорошей. Я согласен с Зиновьевым и в следующем: «... всё то, что было в России до советской системы, было неизмеримо хуже, и то, что пришло ей на смену — есть упадок, деградация невероятная».

О продуктивности социалистического этапа в истории нашей страны я бы сказал так: прекрасно, что мы не копировали Запад, особенно в вопросах образования и культуры. Наша система образования оправдала себя высочайшими достижениями соотечественников в области науки и техники, искусства и др.; не случайно же у нас были при многих университетах спецшколы по различным дисциплинам для одаренных детей. Комиссии творческих союзов искали молодые таланты по всему Советскому Союзу.

В основе воспитания была нравственность. Ее формировала и история, и литература, и искусство... Конечно, где-то и перебор бывал, но в основе своей — все только положительное. Нас учили, что человек человеку — друг, товарищ и брат. Мы гордились НАШИМ советским строем, нашей советской страной. Думаю, что советский опыт еще далеко не изучен и не осмыслен.

Примечания

¹ *Барг М. А.* Кромвель и его время. М., 1950 ; *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962 ; *Барг М. А.* Народные низы в английской революции XVII в. : движение и идеология истинных левеллеров. М., 1967 ; *Барг М. А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973 ; *Барг М. А.* Шекспир и история. М., 1976 ; *Барг М. А.* Эпохи и идеи : становление историзма. М., 1987 ; и др.

² *Семенов В. Ф.* История средних веков. М., 1970 и др. издания. *Семенов В. Ф.* Восстание на Севере Англии в 1569—1570 гг. // Из истории крестьянских движений в Англии во второй половине XVI в. М., 1955. С. 190—204.

³ *Ким М. П.* 40 лет советской культуры. М., 1957.

- ⁴ *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966 ; *Лейкина-Сви́рская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.
- ⁵ Из истории советской интеллигенции. М., 1966 ; Советская интеллигенция : история формирования и роста, 1917—1965. М., 1968 ; КПСС во главе культурной революции в СССР. М., 1972 ; Советская интеллигенция : краткий очерк истории, 1917—1975. М., 1977.
- ⁶ См., напр.: Освобождение духа / под ред. *А. А. Гусейнова, В. И. Толстых.* М., 1991 ; Искусство кино. 1989. № 5 ; Философские науки. 1990. № 7 ; 1991. № 3, 6 ; Кентавр. 1992. № 11—12 ; Судьбы русской интеллигенции : материалы дискуссий 1923—1925 гг. / отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск, 1991 ; и др.
- ⁷ *Березовая Л. Г.* Самосознание русской интеллигенции начала XX века. М., 1993 (деп. в ИНИОН) ; *Кормер В. Ф.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура : ст. М., 1997.
- ⁸ *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура : субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.
- ⁹ *Зудин А. Ю.* Культура советского общества : логика политической трансформации // ОНС. 1999. № 3. С. 59—72 ; и др.
- ¹⁰ *Соскин В. Л.* Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996. С. 8—9.
- ¹¹ Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции : монография / под ред. *В. С. Меметова.* Иваново, 2008 ; Интеллигенция: вопросы теории и методологии: монография / под ред. *В. С. Меметова.* Иваново, 2010.
- ¹² *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера. Иваново, 2007.
- ¹³ См.: Новый мир. 1993. № 2.
- ¹⁴ *Кнабе Г. С.* Финал: Арбатская эпопея // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2000. С. 326—365 ; см. также: *Кнабе Г. С.* Древо познания — древо жизни. М., 2006. С. 674—692.
- ¹⁵ Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1.
- ¹⁶ *Меметов В. С., Юркин Н. Г.* Листая страницы журнала... : (основные тенденции современного интеллигентоведения) // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 105—119.

МЕЖВУЗОВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (Материалы круглого стола)

В канун юбилея главного редактора журнала «Интеллигенция и мир» профессора В. С. Меметова в редколлегии издания прошел заочный круглый стол, посвященный месту и роли межвузовских научных центров в интеллектуальном и образовательном пространстве современной России. В обсуждении приняли участие ведущие ученые-интеллектоведы. Организатором и фактическим модератором круглого стола стала доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и культурологии ИГХТУ, профессор Е. М. Раскатова. Ниже приводятся выступления основных участников этого научного форума.

В. С. Волков, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

В связи с обсуждением нами вклада В. С. Меметова в развитие интеллектоведения необходимо оценить и его деятельность как организатора науки. Талант организатора научных исследований, может быть, более редкий, чем талант исследователя. Природа наградила Валерия Сергеевича способностями привлекать к исследовательской работе широкий круг ученых, организовать их творчество (в проведении научных конференций, издании коллективных книг и сборников статей, журнала «Интеллигенция и мир» и т. п.), обеспечить гласность его результатов, внедрение их в учебный процесс.

Благодаря усилиям Валерия Сергеевича на базе Ивановского государственного университета создан и успешно функционирует юридически закрепленный и общепризнанный Центр изучения интеллигенции, который разными способами направляет и координирует исследовательскую деятельность сотен ученых в России и ближнем зарубежье. Этот Центр, основой которого является ивановское ядро научной школы профессора В. С. Меметова, сложился в начале 1990-х годов, как говорится, в нужное

время и в нужном месте. Главное, в это непростое для науки время появился ученый, добровольно, в силу общественного долга взявший на себя функцию собирателя и координатора научных сил, которые были привержены изучению истории интеллигенции. В. С. Меметов вступил на широкую научную арену в тот момент, когда по ряду причин другие относительно сплоченные группы интеллигентов стали терять свою устойчивость и утрачивать функции координаторов совместных исследований.

Напомню, что в 1970—80-х годах роль такого, причем официального, координатора играл Проблемный совет «Культурное строительство в СССР и духовное развитие советского общества» при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР, который возглавляли заведующий кафедрой истории КПСС Уральского государственного университета профессор В. Г. Чуфаров и его заместитель профессор М. Е. Главацкий. Но в связи со сменой власти в стране в 1991 году Совет прекратил существование. К тому же безвременно, в расцвете сил скончался В. Г. Чуфаров, являвшийся его душой. Нужно отдать должное профессору М. Е. Главацкому, ученому-энтузиасту, который попытался подхватить эстафету Совета и создал на базе Уральского университета Научно-исследовательский центр «XX век в судьбах интеллигенции России», выступивший организатором ряда конференций. Однако по причине тяжелой болезни своего создателя и руководителя после 2005 года Центр перестал действовать.

В 1970—80-е годы существенное влияние на изучение истории интеллигенции оказывали ученые Ленинграда, где, с известной условностью наименования, сложилась ленинградская школа интеллигентоведения, у истоков которой стоял Б. И. Сандин; продолжить его дело выпала честь вашему покорному слуге. События 1991—1993 годов, ликвидация в Ленинградском педагогическом институте (теперь Российском государственном педагогическом университете) имени А. И. Герцена кафедры истории КПСС, которая была в Ленинграде опорной базой историков интеллигенции, ослабили связи с историками страны и даже внутри города, переименованного в Санкт-Петербург.

В развитии интеллигентоведческих исследований в 1970—80-х годах важную роль играли ученые Новосибирска, сплотившиеся вокруг одного из признанных лидеров интеллигентоведе-

ния — профессора В. Л. Соскина. Однако судьба этого неформального центра изучения интеллигенции аналогична судьбе ленинградской школы интеллигентоведения.

В изучении истории интеллигенции общепризнаны заслуги московских историков — М. П. Кима, Л. К. Ермана, С. А. Федюкина, В. Т. Ермакова, Л. М. Зака и более молодых их коллег, но они, даже находясь в дружеских отношениях, не пытались сформировать какое-либо объединение, предпочитая активно сотрудничать с уральской, новосибирской, ленинградской группами исследователей.

В эти относительно стабильные сообщества органически вошел молодой, инициативный, креативный историк В. С. Меметов, громко заявивший о себе в 1979 году монографией «Защита Москвы. Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой».

В связи с начавшимся на рубеже 1980—90-х годов пересмотром методологических основ изучения интеллигенции потребность в координации усилий интеллигентоведов резко усилилась. И вот в такой момент эту потребность взялся удовлетворить Валерий Сергеевич Меметов, чему, помимо глубоких знаний и организаторского таланта, способствовал его переход в Ивановский государственный университет на должность заведующего кафедрой истории и культуры России, которую он в короткий срок сумел при поддержке руководства университета превратить в базу для Проблемного совета «Интеллигенция. Культура. Власть», НИИ интеллигентоведения, журнала «Интеллигенция и мир».

На протяжении двух последних десятилетий они возглавляют поистине всероссийский фронт научных исследований интеллигенции. Москвичи, уральцы, ленинградцы-петербуржцы, сибиряки, ученые других регионов видят свой долг в поддержке этих учреждений, с удовольствием сотрудничают с ними и чтят их отца-основателя.

Э. Б. Ершова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва), действительный член Академии гуманитарных наук, академик.

В 1992 году я узнала об Ивановском центре «Политическая культура интеллигенции», который был создан по инициативе профессора Валерия Сергеевича Меметова. С того времени и до

сего дня я участница всех научных форумов, если иногда не в очию, то с тезисами обязательно. На конференциях обстановка всегда доброжелательна по отношению не только к корифеям исторической науки, но и к молодым ученым. Дискуссии бывали горячими, но при этом толерантными, благодаря терпимости Валерия Сергеевича, его умению снимать накал страстей и переводить их в русло мирных доказательств каждым из тех, кто жаждал убедить всех в своей правоте.

На конференции в Иваново съезжались все ученые-светилы по истории культуры и интеллигенции: В. В. Москвин (Москва), В. И. Старцев и В. С. Волков (Санкт-Петербург), М. Е. Главацкий и М. И. Кондрашёва (Екатеринбург), В. Л. Соскин (Новосибирск), ученые из Ростова-на-Дону, Омска, Курска, Минска и других регионов. Это был такой величайший конгломерат интеллигентоведов под руководством Валерия Сергеевича Меметова, что подобные дочерние и сыновнии научные центры распространились по России. Он всем показал путь к их созданию. И они живут и продолжают традиции отечественного интеллигентоведения!

Поздравляя нашего любимого Валерия Сергеевича с юбилеем, хочется много-много раз повторять: Дорогой Валерий Сергеевич! Неиссякаемой молодости Вам, неуемной научной мысли, огромных сил и терпения ко всем нам, разноликим и разномастным, умения прощать нам то, в чем мы сделали ошибки и чего еще не поняли в жизни, хотя и сами уже не подростки.

И. В. Купцова, доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Деятельность региональных научно-исследовательских центров — важная составляющая интеллектуальной жизни современной России. Недостаточное финансирование науки, распад связей между научными и образовательными институтами в 1990-е годы поставили на повестку дня проблему поиска новых форм выживания научной интеллигенции и продолжения своих исследований. В таких условиях образование региональных научно-исследовательских центров стало уникальным опытом решения этих задач. Так, в 1992 году В. С. Меметов организовал Межвузовский центр по изучению проблем интеллигенции, а в

1998 году — НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, к работе в которых были привлечены ведущие специалисты из РФ и стран ближнего и дальнего зарубежья. Можно выделить два наиболее важных направления работы Центра: координация усилий исследователей на актуальных проблемах изучения интеллигенции и проведение фундаментальных и прикладных исследований. Успех Центра — заслуга его руководителя — В. С. Меметова, который своим интеллектуальным потенциалом, творческой энергией и личным обаянием сумел объединить вокруг себя единомышленников, создать новое направление в исторической науке и подготовить не одно поколение интеллигентоведов.

О. Ю. Олейник, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой связи с общественностью и массовые коммуникации Ивановского государственного энергетического университета.

С того момента, как в нашей стране начали осуществляться кардинальные изменения в общественном и государственном строе, прошло четверть века. Интеллигенция оказалась в эпицентре этого сложного и противоречивого процесса. И не случайно, что он сопровождался мощным приливом внимания ученых, политиков, публицистов к истории интеллигенции, ее сущностным чертам, социальному назначению и деятельности. В результате на историографическую почву лег богатейший пласт научного знания.

Произошло становление интеллигентоведения как самостоятельного синергетического научного направления. Сложились научные центры и школы, плодотворно развивающие это направление. Важно подчеркнуть, что их возникновение и функционирование есть, прежде всего, результат подвижнической деятельности конкретных выдающихся ученых.

Одним из наиболее ярких их представителей является Валерий Сергеевич Меметов. На сегодняшний день его по праву можно назвать признанным патриархом интеллигентоведения, которому оно, собственно, и обязано своим рождением.

Созданные и бессменно возглавляемые Валерием Сергеевичем Проблемный совет и НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете стали не только средоточием интеллектуального творчества, но и подлинным родником

духовности. Это действительно уникальная лаборатория самопознания интеллигенции и изучения наследия ее представителей.

Миссия такого рода центров заключается не только в проведении научных исследований, но и в трансляции их результатов в различных сферах: образовательной, культурной, социальной, экономической, политической, правовой. Тем самым обществу предоставляется возможность познакомиться с конкретными образцами нравственности и достоинства, патриотического служения Отечеству, социально-ответственного поведения, гуманного отношения к миру и человеку. Это особенно важно с точки зрения формирования гражданского самосознания, обеспечения преемственности традиций и ценностей, являющихся существенными чертами интеллигенции.

Сегодня нередко приходится слышать, что интеллигенция как особая социально-профессиональная группа исчезает в современном информационном обществе. Однако актуальность изучения интеллигенции не только не ослабевает, но и выходит на прежде не изведанные рубежи.

Во многом этому способствует деятельность научных центров, подобных тому, что возглавляет Валерий Сергеевич Меметов.

Глубоко убежден, что накопленный здесь опыт исследования интеллигенции является тем достоянием, которое обеспечивает дальнейшее продвижение научного знания к новым достижениям и вершинам.

По своему совокупному значению этот опыт, без преувеличения, может быть назван уникальными «Вехами» осмысления на рубеже II и III тысячелетий судеб не только интеллигенции, но и всего нашего многонационального народа и Отечества.

Е. М. Раскатова, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета.

Научные исследовательские межвузовские центры РФ занимают в современном интеллектуальном и образовательном пространстве особое место: они позволили российской интеллигенции сохранить себя как некую корпорацию, помогли сохранить традиционные и продуцировали развитие новых форм горизонтальных связей ученых. В их границах проводились конференции, продолжались научные дискуссии, возникали журналы,

рождались книги и многое другое, что и позволяет подлинному научному сообществу оставаться таковым.

Полагаю, что 1990-е годы в России (при всей современной сложности определения этого периода) — время поворота новой власти к гуманитарной науке и гуманитарному образованию. Утверждение о том, что век XXI состоится, если сможет стать гуманитарным, на какое-то время заставило и наших политиков задуматься о будущем страны, стратегии ее духовного развития. Отсюда — особое внимание к гуманитаризации образования, в первую очередь высшего, и создание новых организационных форм деятельности научной интеллигенции — межвузовские научные центры при университетах (на конкурсной основе).

На протяжении первого постсоветского десятилетия еще сохранялись традиционные межрегиональные центры исследования проблем художественной интеллигенции — Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск и др., но появились новые — Иваново, Омск, Пермь, Кубань и др. У каждого исследовательского центра сложились свои традиции, тематические предпочтения, методологические приоритеты.

Так, межвузовский центр «XX век в судьбах интеллигенции России» (Уральский государственный университет, г. Екатеринбург, руководитель — доктор исторических наук, профессор М. Е. Главацкий)¹ в 1990-е годы исследовал «белые пятна» истории российской интеллигенции, восстанавливал добрые имена героев далеких и недавних лет. Именно на конференциях и заседаниях круглых столов в Екатеринбурге впервые открыто обсуждались проблемы: художник и власть, тоталитаризм и культура, репрессивность системы в отношении инакомыслящих художников и т. д. Исследование этих и других вопросов, занимавших историков в начале 1990-х годов, логично привело к постановке таких проблем, как конформизм интеллигенции (С. А. Красильников), типы и формы конформизма (Г. А. Бордюгов), свобода выбора интеллигенции в тоталитарном и посттоталитарном государстве (М. Е. Главацкий) и т. п. На конференциях, проводимых М. Е. Главацким, царил особый дух свободомыслия, интеллектуального равноправия, бережного и уважительного отношения к новаторским, подчас дерзким, спорным научным идеям. Обязательная составляющая этих научных форумов — доклад извест-

ного ученого, ведущего специалиста по вопросу, близкому тематике встречи, и последующее обсуждение поднятых проблем (Г. А. Бордюгов, А. С. Ахиезер, П. Ю. Уваров и др.). Делом жизни профессора М. Е. Главацкого стала реабилитация имен незаслуженно забытых представителей российской интеллигенции, в первую очередь тех, чья судьба была связана с Уралом. К сожалению, в 2005 году Центр прекратил существование.

Особое место в постсоветском интеллектуальном пространстве занимают вузовские и академические научные центры Сибири (Новосибирск, Омск, Томск и др.). В. Г. Рыженко, В. Ш. Назимова, Д. А. Алисов, В. П. Корзун и др. создали и развивают еще один научный центр, где исследователи занимаются проблемами интеллигенции в контексте развития городов российской провинции (сначала на рубеже веков, позже — в советское время²). Тесные научные контакты с ведущими академическими институтами (Институт всеобщей истории Российской академии наук, Институт культурологии др.), продуктивное использование новейших методик гуманитарных исследований позволили ученым развивать такие актуальные научные направления, как культурная история, интеллектуальная биография, феноменология советской культуры и др. Яркой особенностью многих проводимых в Омске научных конференций стало приглашение к участию деятелей современной культуры города, организация совместных заседаний с музейными работниками непосредственно в залах музеев; культурная программа конференций логически продолжает начатый разговор и т. д., и т. п. Высокий теоретический уровень осмысления проблем интеллигенции в городе российской провинции часто помогает выработать практические рекомендации по формированию эффективной культурной политики в городах Сибири.

Совершенно особое место в интеллектуальном и образовательном пространстве современной РФ занимает Межвузовский центр «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» (Ивановский государственный университет, руководитель — доктор исторических наук, профессор В. С. Меметов³). За время работы, с 1992 года его сотрудники организовали и провели 24 конференции, издали более 30 сборников научных трудов, включая коллективные монографии⁴; с 2001 года из-

дается междисциплинарный научный журнал «Интеллигенция и мир». Уровень публикаций обеспечил его включение ВАК в список рецензируемых журналов РФ. В центре внимания специалистов Центра — генезис российской интеллигенции, определение ее сущностных черт, аспекты проблем «интеллигенция и власть», «интеллигенция и народ» и др. Сегодня все чаще обсуждаются проблемы жизнестворчества российской интеллигенции на переломе разных социальных, культурных и других эпох. Профессор В. С. Меметов смог собрать вокруг себя представителей разных научных специальностей (философов, историков, культурологов, политологов, филологов и др.), увлечь их междисциплинарными исследованиями проблем интеллигенции и тем самым заложил основы Ивановской школы интеллигентоведения. Да и сам термин родился на Ивановской земле, в дискуссии на одной из первых конференций. Вокруг Центра за столько лет сложилось содружество нескольких поколений интеллигентоведов, представителей университетской интеллигенции разных регионов нашей страны и ближнего зарубежья.

Полагаю и надеюсь, что продолжающееся финансирование Центра отражает понимание и современной властью миссии данного научно-образовательного подразделения.

Р. С. Долгих лет жизни и творчества Центру и руководителю — Заслуженному работнику высшей школы РФ, доктору исторических наук, профессору Валерию Сергеевичу Меметову!!!

В. Г. Рыженко, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Почти десять лет назад в статье, посвященной уральскому Центру «XX век в судьбах интеллигенции России», действовавшему с 1994 года (руководитель М. Е. Главацкий), я предложила рассматривать появление специальных исследовательских подразделений, возникших в начале 1990-х годов по инициативе отдельных ученых, в качестве одной из примечательных черт становления интеллигентоведения как междисциплинарного сегмента российского гуманитарного знания. На тот момент, в 2004 году, уже была очевидна особая пионерная роль созданного

при Ивановском государственном университете по инициативе В. С. Меметова Проблемного совета, а затем НИИ интеллигентоведения. «Территория интеллигентоведения» приобрела институциональное ядро. Проведение в Иванове ежегодных международных конференций по разным аспектам теории и истории интеллигенции стало важным фактором консолидации российского интеллектуального пространства 1990-х годов и восстановления коммуникативного поля исторической науки.

В первое десятилетие XXI века координирующее значение научных центров, сформированных по инициативе «снизу» и получивших поддержку «сверху», возрастает. Начинается процесс уплотнения «сетей общения». Для закрепления горизонтальных научно-образовательных коммуникаций внутри сообщества российских гуманитариев оказалась значимой деятельность организованного в 2000 году Центра интеллектуальной истории при Институте всеобщей истории РАН (руководитель Л. Р. Репина). Ивановский и московский центры выпускают периодические издания, входящие в перечень журналов ВАК РФ. Примечательно, что оба центра органично соединяют в своей деятельности науку и образование, что отражается в структуре журнала «Интеллигенция и мир» (главный редактор В. С. Меметов) и альманаха «Диалог со временем» (главный редактор Л. П. Репина). В обоих случаях мы наблюдаем процесс сгущения общего коммуникативного поля гуманитарных наук, притягивающего единомышленников из академической и вузовской среды. За последние два десятилетия их усилиями удалось создать интеллектуальное пространство «без границ», в котором принцип диалога становится ведущим. Хотелось бы надеяться, что достигнутые результаты дадут нам силы противостоять разрушительным «оптимизационным» проектам.

С. С. Садина, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета.

Мне довелось работать с В. С. Меметовым сначала на кафедре истории КПСС Ивановского химико-технологического института (ныне университета), которой он руководил, а затем — в коллективе ивановского центра интеллигентоведения, который он создал. Видимо, яркие организаторские способности, про-

явившиеся у Валерия Сергеевича со времен комсомольской юности в стенах Московского государственного педагогического университета, не давали ему жить спокойно, требовали приложения. Юридически Межвузовский центр Российской Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» был оформлен при Ивановском госуниверситете в июле 1992 года. Думаю, коллеги помнят, какое это было время. Профессор Меметов, как и многие из нас, близко к сердцу принимал крушение нравственных идеалов, распад Советского Союза — всю ту смуту, которая царила тогда в обществе. Именно в то время целеустремленность и упорство, настойчивость и верность своим убеждениям подвигли В. С. Меметова на решительный шаг: взвалить на себя ношу огромного труда — объединить единомышленников, ученых — исследователей интеллигенции, чтобы попытаться сохранить таким образом целостность интеллектуального пространства нестабильной в то время страны. Цель такого объединения была понятна, а формы работы подсказывали те исследователи, кто откликнулись, приехали, прислали тезисы выступлений на конференциях, рассказали о своих трудностях и сомнениях.

Материалы первой, после официального признания ивановского центра интеллигентоведения (сентябрь 1993 г.), конференции наглядно демонстрируют, как горячо, с какой искренней заинтересованностью известные в стране историки-интеллигентоведы — В. Л. Соскин (Институт истории Сибирского отделения РАН), В. Г. Чуфаров (Уральский университет), В. С. Волков (Российский государственный педагогический университет им. Герцена), В. Р. Веселов (Костромской государственный педагогический университет им. Н. А. Некрасова) и, конечно, В. С. Меметов — высказывали свое мнение об острых проблемах теории, методологии, источниковедения и историографии, о поиске новых подходов к изучению интеллигенции. Судя по отзывам участников, эта и последующие конференции были восприняты ими как коллективные уроки научного поиска, в котором, следует отметить, с самого начала участвовали не только историки, но и философы, политологи, культурологи, психологи, правоведы и представители других гуманитарных дисциплин из разных уголков России, а также Белоруссии, Украины, Прибалтики.

Поскольку подавляющее большинство приезжающих в Иваново интеллигентоведов были одновременно преподавателями вузов и передача исторического знания, формирование исторического мышления молодежи было для них не только профессиональным долгом, призванием, но и особо ответственным деянием, то можно считать естественным, что в следующем, 1994 году, ученые-исследователи говорили о преподавании. Республиканская научно-методическая конференция в Иваново «Проблемы изучения истории российской интеллигенции и культуры в вузовских исторических курсах» была посвящена, как отмечалось на пленарном заседании, «общепризнанному исследователю проблем интеллигенции, ведущему историографу страны, доктору, профессору, заместителю председателя Проблемного совета “Интеллигенция. Культура. Власть”, руководителю научной программы “XX век в судьбах интеллигенции Урала” ...автору современных научно-методических пособий, сборников документов для вузов, средней школы» — М. Е. Главацкому. Тогда, в условиях ломки прежней научной парадигмы, многие вузовские преподаватели, даже слушатели курсов повышения квалификации в Москве, Санкт-Петербурге, Сибири, по свидетельству В. Л. Соскина, не знали, как изучать проблемы культуры и интеллигенции советского периода. «Соединить поиск новых источников с выработкой новой теоретической концепции — так представляется нам основная задача сегодняшнего дня», — высказывал свою позицию вузовским преподавателям этот известный ученый. Практические советы исследователей-интеллигентоведов по методике чтения спецкурсов по истории российской интеллигенции и культуры, а также представленные в материалах конференции разнообразные программы таких спецкурсов оказались в то «смутное время» надежной поддержкой многим работникам высшей школы.

Постепенно ивановский центр интеллигентоведения набирался опыта. Ежегодные конференции стали традицией, а внешний вид издаваемых материалов этих конференций теперь вполне достоин их глубокого содержания. Наконец, наступило время, когда усилиями В. С. Меметова при поддержке руководства ИвГУ издается журнал «Интеллигенция и мир», который сейчас является ваковским. Безусловно, это создало площадку нового уровня для выражения мнений, дискуссий исследователей. Гря-

дет юбилейная, XXV научно-теоретическая конференция интеллигентоведов в Иванове. Кажется, все хорошо. Однако в своей вступительной статье к материалам недавно состоявшейся XXIV конференции Валерий Сергеевич Меметов признается, что его «не покидает чувство неудовлетворения своей научной работой и окружающим миром с господствующими в нем политико-экономическими отношениями». В то же время, разъясняя затем свою позицию, основатель ивановского центра интеллигентоведения выражает надежду, что новая встреча на юбилейной конференции выявит «новые цели и задачи, которые всех нас объединяли и объединяют». Думается, что основания для такой надежды — есть.

И. В. Сибиряков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Южно-Уральского государственного университета.

Распад СССР привел к разрушению многих традиционных советских центров изучения исторических явлений и процессов. Постсоветское интеллектуальное пространство формировалось под очень мощным воздействием западных научных школ и исследовательских традиций. В этой ситуации сохранить богатый отечественный опыт изучения истории интеллигенции было важно не только с научной, но и с политической, с нравственной точек зрения. Важную роль в решении этих задач сыграл Межвузовский центр «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», созданный профессором Ивановского государственного университета, доктором исторических наук В. С. Меметовым. Центр буквально за несколько лет сумел объединить историков, работавших над проблемами интеллигенции XIX—XX веков в Поволжье, Сибири, на Урале и в других регионах страны. Усилиями В. С. Меметова были восстановлены научные связи с исследователями из Белоруссии и Казахстана. К работе активно привлекались ведущие специалисты столичных вузов. Центр стал площадкой для научного диалога между представителями различных научных школ, политических идеологий, религиозных конфессий. Здесь неоднократно обсуждались самые сложные, болезненные вопросы взаимоотношений интеллигенции и власти, интеллигенции и Русской православной церкви, проблема роли интеллигенции в развитии современной цивилизации.

Главным итогом работы Центра, на наш взгляд, стали не только книги и статьи, написанные его сотрудниками, но и диссертационные исследования, подготовленные при активном участии Центра, а также новое поколение исследователей интеллигенции, в формировании которого Центр сыграл немаловажную роль.

В 1994 году в Екатеринбурге по инициативе профессора, доктора исторических наук М. Е. Главацкого был создан Научно-исследовательский центр «XX век в судьбах интеллигенции России». В рамках Центра было реализовано несколько очень интересных исследовательских проектов. Один из них назывался «История металлургии Урала в биографиях». Ученые, которые сотрудничали с этим Центром, сосредоточили свое внимание на исследовании широкого круга вопросов методологического, источниковедческого, историографического характера. М. Е. Главацкий и его коллеги неоднократно принимали участие в работе научных конференций, организованных Межвузовским центром «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества». Яркая, эмоциональная научная полемика В. С. Меметова с М. Е. Главацким надолго останется в памяти отечественных и зарубежных участников этих конференций. А вот попытки создать аналогичный центр изучения истории интеллигенции на Южном Урале в конце XX века успеха не имели.

Ф. Х. Соколова, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой регионоведения и международных отношений Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Современная эпоха, характеризующаяся переходом на качественно новый уровень развития, расширением интеграционных процессов, колоссальными темпами и масштабами научно-технического прогресса, но одновременно обострением глобальных проблем, появлением новых угроз и вызовов человечеству, чрезвычайно актуализировала спрос на интеллект, креативные идеи и технологии.

В этих условиях в жизни мирового сообщества резко возрастает роль науки и научных центров — исследовательских структур, выполняющих комплекс важнейших задач. Среди них: осуществление фундаментальных и прикладных исследований; аналитическая разработка актуальных социально-значимых про-

ектов и проблем; организация обмена опытом и научными достижениями путем систематического проведения научных форумов, встреч, симпозиумов, через издательскую деятельность; содействие подготовке высококвалифицированных научных кадров и формированию научных школ.

В России импульс интенсивному развитию научных центров был дан преобразованиями начала 1990-х годов. С одной стороны, необходимость научного осмысления новых реалий, поиска принципиально иных путей развития страны и ее интеграции в мировое пространство, с другой стороны, наметившаяся тенденция к демократизации, свобода творчества и легализация теоретико-методологического плюрализма содействовали активизации научной мысли не только в центре, но в большей степени в регионах.

Как отклик на актуальнейшие запросы времени в стране резко возрос научный интерес к проблемам интеллигенции, осмыслению ее роли и места в жизни общества. Заметным событием в научной жизни страны стало появление в 1992 году Межвузовского центра Российской Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», созданного на базе кафедры истории и культуры России Ивановского государственного университета под руководством широко известного среди российской и зарубежной научной общественности ученого В. С. Меметова.

Оценивая результаты деятельности Центра в исторической ретроспективе, нельзя не отметить его огромную заслугу (и прежде всего, руководителя) в обеспечении комплексной и всесторонней разработки теоретических и исторических аспектов интеллигентоведческой проблемы; в консолидации усилий российских и зарубежных ученых, занимающихся исследованием данной темы; в содействии подготовке квалифицированных исследователей и формированию научных школ в различных регионах страны. За годы своей деятельности ивановский Центр интеллигентоведения провел 24 научно-теоретические конференции международного уровня, на которых состоялся конструктивный диалог исследователей из различных стран и регионов России по различным аспектам теории и истории интеллигенции. Изданы многие сотни научных трудов. Во всех уголках страны появились продолжатели дела и идей Центра.

Принципиальное отличие и заслуга Центра — поощрение и поддержка теоретико-методологического разномыслия; масштабность, глубина, социальная значимость и перспективность анализируемых и обсуждаемых проблем; всемерная поддержка перспективных идей и поощрение молодых начинающих ученых, которые свое вхождение в профессиональную науку, как правило, начинают со знакомства с Центром интеллигентоведения в Иваново.

Прежде всего, благодаря стратегическому мышлению, научному таланту, организаторским способностям и подлинно лидерским качествам руководителя В. С. Меметова Центр приобрел статус общероссийской исследовательской структуры, результаты деятельности которой широко известны и признаны в мире.

Хотелось бы выразить надежду многих исследователей по поводу того, что научный Центр в Иваново, в котором остро нуждаются все исследователи проблем теории и истории интеллигенции, продолжит свою деятельность и добьется новых научных результатов и достижений. Руководителю Центра Валерию Сергеевичу Меметову в канун его 75-летия хотелось бы передать самые теплые поздравления и пожелания дальнейших творческих успехов от исследователей Европейского Севера России, и г. Архангельска в частности, чей путь вхождения в интеллигентоведение начинался именно в ивановском Центре.

Примечания

¹ Научно-исследовательскому центру «XX век в судьбах интеллигенции России» 5 лет : справ. изд. Екатеринбург, 1999 ; Интеллигенция России в XX веке и проблемы выбора. Екатеринбург, 1999 ; Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема : итоги и перспективы изучения : тез. докл. науч. конф., посвящ. 85-летию Л. М. Зак и 70-летию профессора В. Г. Чуфарова, 30—31 мая 2003 г. Екатеринбург, 2003 ; Интеллигенция России и Запада в XX—XXI веках: поиск, выбор и реализация путей общественного развития : материалы XV Всерос. конф. Екатеринбург, 2004.

² Сибирский пейзаж : пространство мифов : сб. науч. ст. и материалов. Омск, 2000 ; Культура и интеллигенция России : интеллектуальное пространство. Провинция и Центр, XX в. : материалы четвертой Всерос. науч. конф. : в 2 т. Омск, 2000 ; Культура Западной Сибири: история и современность / отв. ред. А. К. Соколов. Омск, 2001 ; Проблемы культуры

городов России. Омск, 2004 ; Культура и интеллигенция меняющихся регионов России, XX век. Омск, 2006 ; Пространство советского города (1920—50-е гг.) : теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики : (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004 ; Проблемы культуры городов России : теория, методология, историография. Омск, 2008 ; Культура и интеллигенция России : инновационные практики, образы города : юбилейные события. Историческая память горожан : VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Омск, 2009 ; Культура и интеллигенция России : личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций : VIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Омск, 2012 ; и др.

³ Межвузовский центр создан в июле 1992 года, в 1998 году реорганизован в НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете.

⁴ См.: Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2008 ; Интеллигенция: вопросы теории и методологии : монография / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2010 ; и др.

ББК 60.543.132.1

Г. А. Будник

**ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСТВА
(К 20-летию Проблемного совета «Интеллигенция.
Культура. Власть» и Межвузовского центра РФ
«Политическая культура интеллигенции,
ее место и роль в истории Отечества»)**

В канун юбилея В. С. Меметова невольно всматриваешься в прошлое, вспоминаешь тех людей, с которыми известному ученому пришлось идти по жизни. Для Валерия Сергеевича как исследователя это, в первую очередь — коллеги-подвижники, по-

© Будник Г. А., 2014

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и культуры Ивановского государственного энергетического университета. admin@history.ispu.ru

святившие свою жизнь изучению истории интеллигенции, которых он сумел в архисложных условиях 1990-х годов объединить в Проблемном совете «Интеллигенция. Культура. Власть» и Межвузовском центре РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества». Созданное в Иванове научное сообщество имело *существенные отличия* от других подобного рода структур. *Во-первых*, В. С. Меметов и многие ученые, входившие в Проблемный совет, темой своих научных интересов избрали художественную интеллигенцию. Объект исследования способствовал формированию у них особого восприятия мира, отражавшегося в их поведении, для которого было характерно обостренное чувство справедливости, порядочности, равнодушие к проблемам окружающей действительности. *Во-вторых*, В. С. Меметов объединил целый ряд не только столичных ученых. В Проблемный совет вошли ведущие специалисты из многих, порой очень отдаленных городов России. *В-третьих*, среди них были историки, философы, социологи, политологи, культурологи, что позволяло комплексно, на основе междисциплинарного подхода изучать феномен интеллигенции. *В-четвертых*, проблематика научных исследований проводилась не только в историческом русле. В результате на протяжении многих лет члены Проблемного совета формировали российское научное пространство, расширяя географические и временные границы истории интеллигенции, осмысляя философские вопросы ее бытия, изучая особенности ее социальной структуры, мотивы поведения, сущностные черты.

Вскоре Проблемный совет и Межвузовский центр завоевали высокий авторитет в научном мире. Академик **В. В. Москвин** по этому поводу писал: «Возглавляемый В. С. Меметовым Центр стал крупнейшим и важнейшим институтом, объединяющим и координирующим деятельность исследователей истории отечественной интеллигенции. В составе Проблемного совета представлены практически все ведущие, авторитетные специалисты»¹. Во многом благодаря Совету и Центру в Иванове стали проходить ежегодные международные научные конференции, а с 2001 года — издаваться российский научный журнал «Интеллигенция и мир». Один из ведущих специалистов по вопросам культуры, интеллигенции и организации науки в России, член Проблемного

совета **В. Л. Соскин**, отмечая заслуги **В. С. Меметова** в организационно-методическом обеспечении работы Проблемного совета и Межвузовского центра, писал: «...практика еще раз доказала великую роль личной инициативы. В центре России, но отнюдь не в ее столице возникла новая научная ячейка, ставшая в последние годы наиболее активным организатором и координатором изучения интеллигенции в стране...»².

Непременными участниками первых конференций в Иванове были известные уральские ученые **М. Е. Главацкий** и **М. И. Кондрашёва**. Михаил Ефимович — основатель уральской школы интеллигентоведения. Маргарита Ионовна — многогранный исследователь и прекрасный, уважаемый коллегами и любимый студентами педагог.

В перестроечный период появились исследования, отражающие новые взгляды на важные аспекты истории интеллигенции, возросло внимание историков к образовательному процессу в вузах и школах. Среди фундаментальных работ этого времени есть и публикации членов Проблемного совета **В. Т. Ермакова**, **З. Г. Дайча**, **Г. Г. Халиулина**³, в которых ученые рассматривали интеллигенцию как ключевую фигуру общественного развития. Владимир Тихонович Ермаков исследовал процесс формирования советской интеллигенции, в том числе ее идейно-политические, материально-финансовые, социально-психологические, правовые и другие аспекты, в связи с проблемой культурной революции в СССР. Исследователи придавали большое значение личной позиции интеллигента, его мировоззрению, считая, что от этого во многом зависит процесс развития общества. **З. Г. Дайч** в 1990 году в статье «Новые принципы управления школой» писал, что «без превращения учителя в центральную фигуру учебно-воспитательного процесса, подъема его общественного престижа, поддержки его инициативы перестройка школы невозможна»⁴. **Герман Григорьевич Халиулин** посвятил свои научные изыскания советской интеллигенции. Рассматривая проблемы ее исторического развития в 1930—50-е годы, ее противостояние и сотрудничество с властью, он сделал вывод: «Советская интеллигенция достойно выполняла свою историческую роль... Однако трагические страницы истории советской интел-

лигенции — это тоже память истории. В них не только трагедия интеллигенции, но в какой-то мере и ее вина» (1995 г.)⁵.

Новаторскими для своего времени были труды ученого из Бурятии **И. И. Осинского**, в которых Иван Иосифович много внимания уделял методологическим вопросам интеллигентоведения и социально-философскому анализу понятия «интеллигенция», изучению ее места и роли в истории страны.

Весомый вклад в изучение советской интеллигенции внесли представители ленинградской научной школы — **В. С. Волков** и московской — **Э. Б. Ершова**.

Участники Межвузовского центра внимательно следят за работой коллег. Так, В. С. Волков писал об известном ученом из Костромы **В. Р. Веселове** следующее: «Своеобразие места В. Р. Веселова в сообществе историков определяется его интеллектуальными и морально-психологическими качествами. Среди многих своих коллег, отмеченных, как и он, глубокими знаниями истории, целеустремленностью и гражданской ответственностью, В. Р. Веселов выделяется своей романтической окрыленностью. Делом жизни В. Р. Веселова стало увековечение профессионального и гражданского повседневного подвига российского учительства... <...> Участвуя в обсуждении дискуссионных вопросов истории российской интеллигенции, Виктор Романович внес существенный вклад в разработку теоретических проблем интеллигентоведения...»⁶

Одним из интереснейших ученых является **А. В. Квакин**, разрабатывающий историю интеллигенции, боровшейся против «диктатуры пролетариата» как составной части истории отечественной интеллигенции. На фактическом материале он подтвердил гипотезу С. А. Федюкина о том, что идейно-политическая дифференциация интеллигенции происходит не по социальным и профессиональным группам, а внутри них. Андрей Владимирович написал интереснейшие исследования по истории эмигрантской интеллигенции, с учетом социокультурных подходов Ю. М. Логмана он изучал историю повседневности отечественной интеллигенции и т. д.

Г. А. Матвеев — ученый, представляющий в Проблемном совете научную школу Ростова-на-Дону, автор многих новаторских статей, активный участник конференций в Иванове. «Красной нитью» в его трудах проходит мысль, разделяемая сегодня многими интеллигентами, о преемственности родовых черт

интеллигенции: «независимости от политической власти, самостоятельности мышления, мужества в поиске и отстаивании истины, тщательно оберегаемого “кодекса чести” и т. д. Ответственность и вину за социальные катаклизмы XX в. он относит за счет привилегированной части интеллигенции, которая непосредственно обслуживала и обслуживает политический режим»⁷.

Для **В. А. Порозова** (Пермь) характерно глубокое и тщательное изучение актуальных вопросов становления и деятельности советской и постсоветской интеллигенции, стремление вскрыть не только хорошо видимые процессы, но и глубинные сюжеты и явления.

В. Г. Рыженко (Омск) внесла весомый вклад в разработку теории и методологии изучения социальных групп, в том числе и интеллигенции. В рамках междисциплинарного подхода Валентина Георгиевна разработала «градоведческий» и культурно-статистический инструментарий. Она «включила в комплексную исследовательскую модель теоретико-методологическое и методическое исследование наследия российских историков и культурологов 1920-х гг., адаптированное с учетом современных исследований (“культурных гнезд” и “культурно-цивилизационного ландшафта” российской провинции)»⁸.

И. В. Сибиряков (Челябинск), **О. В. Золотарёв** (Сыктывкар) — относятся к новому поколению исследователей. В своих работах Игорь Вячеславович поднимает вопросы формирования и разрушения нравственных ценностей современного российского общества, влияния социально-экономических изменений, проходящих в России в XXI веке. Он одним из первых стал изучать воздействие интернет-технологий на сознание молодежи, ввел термин «интернет-интеллигенция». В настоящее время ученый активно исследует практику применения компьютерных технологий в развитии гуманитарного образования. Олег Васильевич много внимания уделяет изучению проблем народного образования в советский период, положению советской педагогической интеллигенции, методам и последствиям идеологического и административного воздействия властей.

С Межвузовским центром тесно сотрудничают такие известные ученые, как А. И. Аврус (Саратов), С. С. Загребин (Челябинск), И. В. Купцова (Москва), С. Н. Полторак (Санкт-Петер-

бург), Е. И. Самарцева (Тула), Ф. Х. Соколова (Архангельск), а также ученые г. Иваново — А. А. Данилов, В. В. Комиссаров, О. Ю. Олейник, Е. М. Раскатова, Г. С. Смирнов, С. С. Садина, С. М. Усманов, Т. В. Чугунова, Н. Г. Юркин.

Видные ученые, входящие в Проблемный совет «Интеллигенция. Культура. Власть» и Межвузовский центр РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», создают в процессе общения, сотрудничества, в дискуссиях на конференциях и страницах журнала «Интеллигенция и мир» условия для развития и творчества каждого ученого-интеллектуала.

Примечания

- ¹ Москвин В. В. Ученый, учитель, организатор науки : эскиз к юбилейному портрету В. С. Меметова // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века : тез. докл. X междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 1999. С. 6.
- ² Соскин В. Л. Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996. С. 8—9.
- ³ См., напр.: Советская культура в реконструктивный период, 1928—1941 гг. М., 1988 (автор ряда глав Ермаков В. Т.); Дайч З. Г. Школьная политика в СССР : уроки партийно-государственного руководства: перспективы развития. М., 1991; Халиулин Г. Г. Формирование социалистической производственно-технической интеллигенции в Западной Сибири (1921—1937 гг.). Томск, 1983.
- ⁴ Дайч З. Г. Новые принципы управления школой // Демократизация средней школы: проблемы, поиски, опыт : межвуз. сб. науч. тр. М., 1990. С. 35—36.
- ⁵ История интеллигенции России в биографиях ее исследователей : опыт энцикл. слов. Екатеринбург, 2002. С. 189.
- ⁶ Волков В. С. Романтик на поприще исторической науки : (к 60-летию В. Р. Веселова) // Интеллигенция современной России: духовные процессы, исторические традиции и идеалы : тез. докл. XIII междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2002. С. 7—8.
- ⁷ История интеллигенции России в биографиях ее исследователей. С. 116—117.
- ⁸ Там же. С. 152—153.

Л. Я. Солодовниченко, О. В. Шимельфениг

**КОМПЛЕКСНЫЙ ФЕНОМЕН
ШКОЛЫ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА В. С. МЕМЕТОВА**

История человечества на наших глазах становится глобальной историей. <...> все, что происходит в жизни отдельных стран и народов, резонирует на весь земной шар; то, что происходит в одной сфере социальной жизни, сразу же отражается на всех остальных.

В. С. Стёпин

Настоящая работа написана на основе нашего пленарного доклада «Духовные аспекты мировоззрения интеллигенции в эпоху глобализации» на XXIV Международной научно-теоретической конференции «Интеллигенция современного мира в ее многообразии»¹, которая предваряет следующую, юбилейную XXV конференцию по проблемам интеллигентоведения. Наверное, не случайно мы почувствовали уместность взглянуть в целом на сложный комплексный феномен научного направления и школы, созданных профессором В. С. Меметовым, третий десяток лет со все большим успехом проводящим международные научные конференции на базе Ивановского государственного университета, создавшим НИИ интеллигентоведения и журнал «Интеллигенция и мир», ставший с 2010 года ваковским.

© Солодовниченко Л. Я., Шимельфениг О. В., 2014

Солодовниченко Лилия Яковлевна — кандидат философских наук, президент Саратовского регионального «Фонда научных и культурных инициатив межконфессионального сотрудничества». angelinaalvidas@yandex.ru

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент Саратовского государственного университета, вице-президент регионального отделения Академии проблем качества РФ. Shim.OV@mail.ru

Мы внимательно проанализировали 10 сборников конференций, в которых участвовали с 2004 по 2013 год, через призму нашей традиционной сквозной тематики, связывающей в единое целое вопросы духовности, мировоззрения и роли интеллигенции в глобализирующемся мире. Мы выделили следующие 5 направлений в рамках обозначенной тематики: 1) духовные традиции как основа единого глобального мира и типология духовности, 2) интеграция религии и науки, 3) сфера виртуального и информационные технологии как характерное свойство нового глобального мира, 4) кризисы в эпоху глобализации, 5) стратегия глобального развития на основе различных картин (моделей) мира.

Кроме наших работ по этой тематике, в каждом из сборников хотелось бы опереться на ключевые для нас статьи В. С. Меметова, Г. С. Смирнова, А. А. Соловьёва, В. В. Комиссарова, С. М. Усманова, С. А. Бочан, С. П. Колпаковой, А. И. Морозова и др.

Внимательно ознакомившись с материалами XXIV конференции, начнем данный вариант обзора для журнала «Интеллигенция и мир» с дополнительной темы о **роли провинциальной интеллигенции для судеб России**, которую В. С. Меметов не случайно считает одной из центральных. Мы обратили внимание на три интересные статьи этого сборника, которые дают диалектическую картину нынешнего состояния интеллигенции провинции. В публикации А. М. Журавлёва говорится, что укрепление духовно-нравственного потенциала общества неразрывно связано с профессиональной и общественной деятельностью интеллигенции, которая выступает своеобразным посредником между центрами цивилизации и культурно-исторической почвой, народно-традиционной средой, способствуя гармонизации отношений, которые нередко, особенно в последние годы, приобретают противоречивый, подчас антагонистический характер².

Не свободна от противоречий и деятельность самой интеллигенции, ее место и роль в провинции. Во многом утрачен механизм взаимодействия интеллигенции и государственных, общественных институтов, формировавшихся в течение столетий, включая опыт земских учреждений, практику советского социализма. Обостряются проблемы материально-правового положения специалистов, работающих в бюджетной сфере, продолжается процесс глубокого социально-экономического, политического рас-

слоения в среде интеллигенции, включая отношения между интеллектуальной элитой центра и образовательно-культурными учреждениями провинции, и т. д. Эти и другие социально значимые процессы требуют пристального внимания государственных, общественных институтов, научно-исследовательских объединений. Автор справедливо замечает, что «маятник образовательной политики в 1990-е годы качнулся... в противоположную от советской школы сторону, и под лозунгом деидеологизации стала возвращаться бездуховность»³.

В статье А. В. Хованской отмечается, что в настоящий момент «культура катастрофически отстает в своей эволюции от научно-технического развития... Наметился разрыв между культурой как традицией и современностью как экономической модернизацией и технологическим перевооружением. ...современное состояние российской культуры характеризует переосмысление ценностей и установок традиционной культуры и формирование новых, порой противоречивых и взаимоисключающих, но объяснимых с позиции концепций постмодернистской философии, в основе которых — идеи децентрации, равенства культур, нелинейность мышления» (курсив наш. — Л. С., О. Ш.)⁴. Далее автор говорит о том, что провинциальные регионы по-прежнему являются в большей степени носителями традиционной российской культуры. Однако среди них есть и те, кто активно ищет новые пути культурного развития. Так, например, Пермь (Пермский край) стала пространством, в котором зарождается новая культурная парадигма в попытке ослабить значимость бинарной оппозиции центр—периферия.

«За последнее десятилетие сложился современный арт-рынок, где представлены практически все направления творчества, отвечающие вкусам и потребностям разных зрителей. Возвращаются исчезнувшие “жанры”, но уже в русле поисков новых техник и приемов, иногда за счет обогащения приемами из других видов искусства. Коммерциализация искусства вовлекает в орбиту современного художественного рынка культурно-коммерческие центры, культурно-просветительские общества, благотворительные фонды, культурно-досуговые ассоциации, центры современного искусства, объединения, салоны и т. д. Постепенно приходит понимание необходимости выработки новой стратегии

развития — наступает время проектной культуры. В таком случае велика роль интеллигенции, которая должна способствовать выстраиванию грамотной культурной политики, направленной на “примирение” традиций и инноваций, в попытке построения дома-экоса, где среда проживания, качество и стиль жизни станут ведущими векторами развития современной культуры»⁵.

В 2011 году в Перми мы имели возможность видеть в реальности описанные А. В. Хованской процессы в качестве участников Международного кинофестиваля документальных фильмов «Флаэртиана», где представили свой документальный фильм «Рай находится у ног наших матерей», снятый в Чечне и выпущенный Грозненской киностудией. Основателем и бессменным президентом кинофестиваля с 1995 года является Павел Печенкин — известный режиссер документального кино, лауреат многих международных премий и организатор многих инновационных проектов, о которых и говорится в статье А. В. Хованской.

Н. Ю. Кривопалова в своей статье пишет: «В современных исследованиях неоднократно отмечалось, что “постсоветский этап обустройства России начался с попытки политической и экономической самоорганизации ее провинций”... С этим было связано и начало нового этапа формирования региональной идентичности, особого самосознания, выражающегося в целостной оценке региональным сообществом самого себя, специфики своего существования, роли и места в жизни страны...»⁶ Это направление явилось одним из актуальных в деятельности интеллигенции на современном этапе.

В качестве выразительного примера автор обращается к опыту Самары: «С 2007 г. в Самаре существует уникальный медийный проект “Самарские судьбы” (автор проекта В. А. Добрусин, главный редактор А. С. Игнашов), который получил большое признание и серьезно способствовал развитию самоидентификации Самары. Особенностью его является реализация метода персонификации региона. Через биографии отдельных личностей прослеживаются истории целых научных и творческих школ города. Они показывают уникальность Самары, ее роль в научной и культурной жизни страны. Интерес вызывают и материалы о повседневном прошлом и настоящем Самары. Проект создает новый имидж города и консолидирует граждан Самары, стимулируя их общественную активность»⁷.

Добавим собственную иллюстрацию к статье Н. Ю. Криво-паловой: в Воронеже действует анимационная студия «Wizart animation», где в течение двух лет работают аниматоры, художники, осветители, операторы, звукооператоры из Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска и других российских городов, а также Украины. На студии создан анимационный полнометражный мультфильм «Снежная королева» в формате 3D, уже представленный на международных кинорынках — в Санта-Монике в 2011 году, в Берлине и Каннах в 2012-м. На сегодняшний день воронежские мультипликаторы уже приступили к новому проекту — «Волки и овцы». В планах анимационной студии «Wizart animation» сделать Воронеж анимационным центром России, где будут не только создаваться новые фильмы, но и готовиться кадры аниматоров⁸.

Теперь обратимся к обзору работ, касающихся первого из перечисленных нами в начале статьи направлений.

1. Духовные традиции как основа единого глобального мира и типология духовности. На XVI конференции 2005 года в статье А. И. Морозова «духовность трактуется как отрешенность от низменных, грубо-чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа»: «Можно сказать, что духовность — социальная способность личности учитывать, “видеть” человека во всем многообразии его действий и поступков. Одна из ее граней — поиск смысла жизни»⁹. В том же сборнике Е. Ю. Навойчик говорит о необходимости приоритета духовности в образовании, предлагая «обратиться к философским основаниям, рассматривающим человека как единую телесно-духовную сущность, и определять исходя из этого цели образования. Образование учитывает сегодня в человеке его душевную сторону, то есть эмоционально-чувственную и интеллектуальную сферу. Между тем, для полноты жизни человеку необходимо обращение к надличным ценностям, в ходе которого происходит смыслополагание, самоопределение личностного ядра, играющего роль руководящего и сосредотачивающего принципа для других способностей души. Под этой высшей способностью человека мы понимаем духовность»¹⁰. В нашей статье мы показываем, что пакет описанных проектов дает реальную возможность приобщить население России (прежде всего, молодежь) к духовному росту и воспитанию общечеловеческих и этических ценностей¹¹.

В сборнике по материалам XIX конференции 2008 года помещена наша полемическая статья «Отечественные духовные традиции — базовый ресурс развития общества» об учебном предмете «Основы религиозных культур и светской этики» (введенном во всех регионах России с 1 сентября 2012 года), где мы дискутируем с нашим коллегой профессором ПАГСА Н. Н. Слоновым о содержании этого образовательного модуля. Он предлагает преподавать высшие духовные достижения и ценности «не как “божественную истину”, а как предания, подобные сказкам, в истинность которых верили предки, подчеркивая при этом их сказочный характер по контрасту со стилем преподавания научных дисциплин»¹². Очевидно, что эта позиция характерна для большой группы людей, воспитанных на идеалах и ценностях уходящей эпохи механицизма. Мы предлагаем по-настоящему плюралистический толерантный подход, где представители разных конфессий (в том числе и своеобразной материалистической антирелигии) могут спокойно и совершенно искренне рассказывать о своей духовной традиции как *абсолютной для тех, кто воспринимает ее как свою основу, духовный стержень*. Мы считаем, следует опереться на опыт как древних традиций (например, тибетских школ), так и современной международной программы «Философия для детей» (представлена доктором философских наук Н. С. Юлиной¹³).

В 2009 году на XX юбилейной конференции С. М. Усманов, рассматривая диалог интеллигенции и Церкви в современной России, цитирует принципиальную мысль В. С. Меметова: «Исторический опыт свидетельствует, что ценностная вертикаль всегда рушится, если не опирается на чувство священного»; идею Г. С. Смирнова: «Интеллигенция в России потому и остается интеллигенцией (а не превращается в интеллектуалов), что в ее сознании сохраняется в качестве системообразующего свойства религиозная вера, палитра которой бесконечно более многообразна, чем это имеет место в Европе и Америке»; и предложение А. А. Соловьёва: «Основанием духовной миссии интеллигенции и Церкви в современных условиях доминирования секулярных и агностических настроений общества должен стать общий критерий соборности, экклесиология, основанная более на общении, нежели на авторитете». В заключение С. М. Усманов предлагает ученым-интеллигентам «проявлять

больше внимания к духовным проблемам развития России и всего современного мира, выявляя новые возможности и перспективы участия в этом сложном процессе российской интеллигенции»¹⁴.

В статье Е. Д. Мартьянова и Н. И. Чекалиной показано, что духовные ценности в России всегда были приоритетными и что центральным понятием русской философии является понятие соборности, введенное А. С. Хомяковым, которое «не поддается переводу на другие языки, в том числе на немецкий — самый всеобъемлющий по части философской терминологии. Соборность — это свободное духовное единение уверенных личностей во имя высших ценностей и святынь»¹⁵.

В. С. Стёпин — известный современный философ — в обобщающем труде «Эпоха перемен и сценарии будущего» говорит, что в каждой доминирующей в культуре системе мировоззренческих установок имеется множество модификаций, связанных с групповыми и сугубо личностными ориентациями и ценностями, которые могут сочетаться противоречивым образом; как, например, для множества американцев эпохи рабовладения мировоззренческая презумпция «люди рождаются равными» соединялась с убеждением о справедливости рабовладения; а известные русские философы Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк в молодости увлекались идеями марксизма, а затем встали в оппозицию к нему¹⁶.

Мы представили доклад об итогах проекта «Беседы о реальности», проводившегося нами в течение 2006 года на факультете философии и психологии СГУ, где, по сути, был произведен глубокий мониторинг мировоззренческих позиций широкого круга интеллигенции города Саратова¹⁷. Основной смысл проекта заключался, прежде всего, в том, что эти встречи и дискуссии дали толчок к познанию мира через осознание себя — своих программ восприятия мира и их переработку. Мы привлекали идеи известного русского религиозного философа И. А. Ильина, в частности его тезис, что нет людей ни во что не верующих, но есть много людей, которые не отдают себе отчета, во что они верят, но что, тем не менее, определяет их поступки и судьбу. Наши «Беседы о реальности», по существу, оказались школой философской саморефлексии, которая призвана помочь человеку уйти от поверхностной религиозности и от любой поверхностной картины мира, заставляя его раскрыться и обнажить свою истинную сущность для себя самого.

Одна из работ Е. И. Григорьянц посвящена идентификации образа интеллигенции в наше время. Автор отмечает размывание границ между интеллигенцией и другими социальными стратами в силу уменьшения оппозиционности и распространения массовой культуры¹⁸. Открывая пленарное заседание XXII конференции в 2011 году, В. С. Меметов, в свою очередь, отметил необходимость разработки темы типологии интеллигенции, ее дифференциации как социокультурного слоя и как политической категории¹⁹. Развитию этой темы посвящен доклад В. А. Остроги²⁰ на XXIV конференции, в котором автор предлагает типологическую характеристику вузовской интеллигенции по критерию уровня учебного заведения: университеты, педагогические институты и учительские институты.

2. Интеграция религии и науки. Именно с этой темы началось наше участие в ивановских научных форумах. Открывая в 2004 году XV конференцию, В. С. Меметов обратил внимание на «необозримое поле деятельности в совместной работе светской и духовно-религиозной интеллигенции в вопросах воспитания, образования и просвещения подрастающего поколения», а также на единодушие участников форума «в том, что переход к третьему тысячелетию идет под знаком двух понятий, указывающих его направление — понятий *плюрализма и диалога*»²¹. В нашем докладе «Церковь и наука: эволюция отношений» мы отмечаем, что у современной научной и художественной интеллигенции диапазон отношения к Церкви простирается от полного ее неприятия до представления науки как существенно дополняющей религию. На наш взгляд, крайности в подходах несостоятельны. Мы полагаем, что «логика и критическое мышление» не противоречат духовному развитию личности, а запрет изучения глубочайших духовных традиций человечества может привести только к деградации общества²². С другой стороны, некоторые крупные ученые ратуют за «сочетание религии с наукой, скорее, по принципу дополнительности» (профессор С. П. Капица и профессор СГУ А. Г. Роках). Мы считаем эту идею губительной, ибо попытка совместить материалистическую картину мира с божественным творением — это прямой путь к расщеплению личности.

На XVII конференции в 2006 году, развивая эту тему, мы подготовили доклад, в котором аннотировали готовящуюся к печати монографию, где опираемся на результаты фундаменталь-

ных исследований в физике, биологии, психологии и психиатрии, обобщая их с помощью философско-религиозных концепций²³. На основе этого анализа получаем рекомендации о стратегии и тактике повышения духовно-этической составляющей в третьем тысячелетии. С помощью предлагаемой методологии целостности открывается возможность кардинальной перегруппировки сил в противостоянии духовного и механистического: последние достижения науки начинают работать на стороне теизма, осуществляя духовные инвестиции в социальную сферу.

Эта тема интеграции науки и религии через интеллигенцию получает неожиданное развитие в конференции 2009 года в насыщенной мыслями и идеями публикации Г. С. Смирнова, где, в частности, прозвучала такая нетривиальная мысль: «Двигаясь дальше в направлении уточнения главного вопроса, скажем, что специфика интеллигентского дискурса в значительной степени зависит не столько от религиозного компонента (религиозная интеллигенция, священничество), не столько от научной составляющей (самый значительный слой по своей численности и влиянию современного интеллигентского класса), сколько от сопряжения (как в русской тройке, есть коренная и две пристяжные) между ними — философской ипостаси культуры и мировоззрения»²⁴.

3. Сфера виртуального и информационные технологии как характерное свойство нового глобального мира. В. С. Мететов заметил, что «глобализация не только соединила воедино невидимыми сетями весь мир, но и дала равную возможность доступа к знаниям и благам цивилизации всем слоям населения»²⁵. И. В. Сибиряков справедливо отмечает, что «через Интернет творческая молодежь получила уникальную возможность для самовыражения... За последние 10—15 лет в русскоязычном секторе Интернета сформировалась своя литература, своя музыка, своя живопись. ...появился термин *интернет-интеллигенция*»²⁶. Г. С. Смирнов в своей статье «Интеллигенция.RU» подчеркивает: «Процесс самоорганизации современной интеллигенции имеет, прежде всего, культурно-информационный контекст, а современная версия молодой российской интеллигенции может быть названа “интеллигенция.ru”, чтобы подчеркнуть реальную неустрашимую открытость молодой российской интеллектуальной субстанции глобальным космопланетарным вызовам третьего тыся-

челетия и формальную способность реализовать потенциал этнонациональной пассионарности не только для национального, но и общемирового (глобального) миропостроения. <...> Третье тысячелетие открывает эпоху ноосферно-информационного синтеза человеческой цивилизации в формах диалогового (и полилогового) разрешения ноосферных конфликтов главных субъектов исторического процесса — этнонациональных и этноконфессиональных общностей (сообществ). <...> Такой сценарий планетарного развития ставит перед формирующимся сейчас поколением российской (и мировой) интеллигенции чрезвычайно масштабные задачи. Любая недооценка со стороны государства роли и значения образовательной, интеллектуальной, художественной, информационной составляющих ноосферного развития этноса чревата потерей интеллектуального лица в ноосферном сообществе стран третьего тысячелетия»²⁷.

Переходя к теме образования новой глобальной культуры, следует отметить статьи О. В. Золотарёва «От какого наследства мы отказываемся?» и В. В. Комиссарова «Элитное и элитарное образование в истории России XVIII—XX вв.». Первый автор приходит к негативному выводу о разрушении образовательной системы России «вследствие недостаточного материального и интеллектуального обеспечения ее деятельности», что ведет к снижению уровня образованности населения и ставит «под сомнение выполнение конституционного права российских граждан на получение образования». Далее отмечается, что, согласно западному образцу, в России создаются два типа школы — для массы и для элиты, понижая, тем самым, доступность образования и ответственность за него государства²⁸. В. В. Комиссаров рассматривает историю образования в России XVIII—XX веков: «Элитное образование в России изначально распадается на два элемента: обучение в существовавшей системе учебных заведений и специализированное образование вне этой системы, включавшее стажировки в правительственных учреждениях и за границей. Внесистемное обучение в большинстве случаев являлось дополнением к основному образованию. И как мы увидим позже, внесистемное специализированное обучение сохранится и в советский период истории, претерпев определенные трансформации»²⁹.

4. Кризисы в эпоху глобализации. На XXI конференции 2010 года С. М. Усманов анализирует процесс осмысления российской интеллигенцией катастроф XX столетия, выделяя три типа подходов: ностальгирующих по советской эпохе; приверженцев низкопоклонства перед Западом; и *как бы* интеллигентов (позавчера — пропагандисты райкома КПСС, вчера — соросовские профессора и учителя, сегодня — либеральные консерваторы в общественных палатах и других институтах гражданского общества при отсутствии интеллигентности и моральной ответственности)³⁰. В нашей статье «Роль интеллигенции в кризисную эпоху» в том же сборнике перечисляются критические периоды истории XX века, где две мировые войны перешли фактически в перманентную Третью мировую войну, идущую пока в локальных очагах, однако возможность их тотального расширения не является единственной глобальной угрозой человечеству в XXI столетии. Сам ход развития цивилизации, основанной на материалистической парадигме, главной целью которой является потребление, а не духовное развитие, с неизбежностью создает и другие драматические кризисные ситуации. Через несколько десятков лет, а возможно и раньше, нас ждет внезапное решительное изменение всего мира, связанное с развитием новых технологий. Однако не только достижения в сфере электроники, но и в нанотехнологии, биотехнологии и других ведущих направлениях развития науки и ее приложений должны выйти на уровень, ведущий к полной трансформации мира в течение примерно 30 ближайших лет; при этом следует иметь в виду и взаимодействие между ними — синергетический обмен результатами и методиками, что может непредсказуемо ускорить процесс трансформации мира, в котором мы живем³¹.

Конечно, «чему быть, того не миновать», но, тем не менее, почти все религиозные традиции призывают человека к самосовершенствованию, любви к ближнему и окружающей природе, активной нравственной позиции и гармоничному сотворчеству с Создателем. Но такая стратегия несовместима с потребительской идеологией материализма и требует разработки и принятия теистической картины мира, которая должна органично включать в себя фундаментальные духовные знания и практики, а также разумное потребление и развитие природосохраняющих научных

технологий. В формировании и реализации этой стратегии и состоит, на наш взгляд, роль отечественной и мировой интеллигенции в настоящий критический период истории³².

На следующей, XXII конференции 2011 года Т. В. Попова развивает эту тему: «Революционные изменения в технологиях и коммуникациях приводят к появлению нового культурного мира, где даже процессы социализации будут проходить виртуально, и востребована в нем будет сложная и активная личность»³³. Касается это и России, утратившей привычные ориентиры и занятой в очередной раз мучительными поисками своего места в мире и смысла исторического существования. Такая ситуация ставит перед российской интеллигенцией целый ряд новых исторических задач. Интеллектуальная элита российского общества уже вполне четко осознает острую необходимость не только анализа происходящих культурных трансформаций, но и выполнение своего рода прогностической и проектной функций. Об этом свидетельствуют многочисленные круглые столы, конференции российских гуманитариев³⁴.

Г. С. Смирнов, на наш взгляд, масштабно и глубоко схватил специфику вхождения мира в третье тысячелетие для любой страны: «Коллективному сознанию людей, разобщенных географическим пространством, уровнем экономического развития, особенностями культуры, придется пройти в очень узком проливе Дар-да-не-ллы между Сциллой и Харибдой — между разумом и верой, экономикой и политикой, региональным и глобальным, светским и религиозным, национальным и интернациональным, западным и восточным, плановым и рыночным. При этом, чтобы не сесть на мель, нельзя причаливать к тому или иному берегу, а нужно сохранять состояние противоречия, при этом обеспечивая “срединность”, адекватную национальной специфике, не поддаваясь соблазну сразу решить все возможные проблемы»³⁵.

5. Стратегия глобального развития на основе различных картин (моделей) мира. Теме «Глобализация и интеллигенция» был посвящен доклад Н. В. Досиной на XVI конференции еще в 2005 году, где обсуждались «методы и средства, способные помочь в развитии и применении усилий интеллигенции, позволяющие ей затормозить силовое цивилизованное самоутверждение, обозначить ценности, стандарты, обеспечивающие совместимость стран в мире»³⁶. В том же сборнике А. Г. Сальникова, ссылаясь на

профессора А. И. Субетто, определяет сценарий будущего человечества и России через управляемую социоприродную эволюцию «на базе общественного интеллекта и образовательного общества. Эта стратегия может реализоваться только 1) при доминанте закона кооперации по отношению к закону конкуренции, 2) при доминанте общественной собственности, но только при одновременном превращении общественной собственности в “органическую систему”, компонентом которой будет являться частная собственность, 3) при переходе от показателя прибыли как критерия качества экономической системы к функционалу качества жизни, 4) только при выполнении императивного закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта, качества образовательных систем в обществе»³⁷.

Далее Н. В. Мордашова обсуждает вопрос стратегии вхождения России в глобальный мир: «Современный цивилизационный процесс развивается по пути диалога культур, поэтому необходим взвешенный подход к определению своих и “других” ценностей; к тому, что именно можно воспринять из чужого опыта себе во благо; какие ценности других культур могут прижиться на русской почве безболезненно для самой почвы; и от чего из собственного культурного наследия необходимо отказаться как от исчерпавших свой потенциал идей, принципов, направлений. Необходим критический анализ, как собственной культурной традиции, так и того, что выработано общемировым развитием культуры. Преодоление крайностей теорий и концепций “западного” и “почвеннического” вариантов развития видится в синтезе конструктивных сторон обоих направлений»³⁸.

Е. Н. Прищеп обсуждает кооперативные ценности в глобальном контексте: «Современное мировое сообщество может быть рассмотрено как сообщество, способное использовать две стратегии — стратегию силы и стратегию кооперации. Экономическая мощь, сопровождающаяся, как правило, практической безнаказанностью, способствует выбору стратегии силы, однако долгосрочные преимущества дает только стратегия кооперации, которая опирается на взаимопонимание, взаимное уважение и диалог различных культур, стремление учитывать разносторонние интересы. Современная модель кооперативных процессов предполагает многостороннее проникновение во все сферы жиз-

ни. Кооперативность способна выступать как форма устойчивого развития не только в экономике, но и в политике, при решении глобальных экологических проблем. Русская социально-философская мысль в своем историческом развитии оказалась традиционно сориентирована на поиски всеединства, согласия и кооперативности в деятельности, на “общее дело”, которое рассматривалось одновременно как цель и как средство оптимизации жизни человечества в целом. В духовно-нравственных поисках русской религиозной философии наиболее ярко проявилась приверженность к ненасильственному, солидарному пути развития человечества. Рядоположенной русской религиозной философии космизма можно считать русскую кооперативную философию, которая в определенном смысле является прагматичным продолжением идей всеединства и соборности»³⁹.

Статья Г. С. Смирнова выводит тематику роли интеллигенции в эпоху глобализации на ноосферный уровень: «В мировой истории просматриваются два главных аттрактора человеческого воления в сознании и деятельности: телесно-материальные (материально-экономические) и духовно-религиозные (духовно-интеллектуальные) ценности. Вот этот выбор между двумя системами ценностей и определяет специфику онтогенеза и филогенеза (личностно-исторического и социально-исторического развития). <...> Поиск реальной стратегии ноосферного развития — это и есть в теоретическом плане ноосферная аксиология. В какой мере государство и гражданское общество (“охранители” и “движители”) смогут найти соглашение в вопросе о “разумной” оптимизации материально-экономического и духовно-интеллектуального приоритетов этнонационального и общечеловеческого развития, в такой мере и проявит себя конкретно-историческая форма ноосферного или антиноосферного развития человеческой цивилизации»⁴⁰.

В 2007 году на XVIII конференции Г. С. Смирнов конкретизирует ноосферные концепции для решения проблем устойчивого развития российского и глобального социумов, заключая, что «устойчивое развитие российского общества в психозойскую, информационную, ноосферную и пневмосферную эру определяется сложнейшими процессами социальной самоорганизации людей, одаренных не только талантами, но и результатами функционирования и развития российской системы образования, опи-

рающейся на достижения предшествующих веков, обеспечившие России гигантский скачок в общецивилизационном и культурном развитии. Из вышесказанного следует вывод о том, что главная модель внешнего и внутреннего ноосферного миропостроения, к которой интеллигенция имеет самое прямое и непосредственное отношение, — это формирование духовно-информационной среды (ноосферной культуры), неразрывно связанной с системой образования, которая является мозгом народа и нации. От ее эффективности во многом и будет зависеть будущее России и, следовательно, будущее самой интеллигенции»⁴¹.

С этими идеями перекликается наше исследование «Две картины мира как социальные проекты». Один материалистически-потребительский и второй — на основе духовно-психофизической целостности Мироздания. Вывод очевиден: воспитание с детства каждого человека на Земле должно быть направлено на развитие понимания духовно-психофизической целостности Мироздания, с приоритетом духовности, а значит, и понимания зависимости всего происходящего, в том числе и от каждого из нас, ибо мы все не только материальные «неравновесные, нелинейные системы», но, в первую очередь, — проявления Творческого Духа Вселенной, ежесекундно пересоздающего — и через нас — все ее формы⁴².

Это направление на XXIV конференции продолжает статья В. Л. Маслехина «Евразийская идея российских интеллигентов».

«Евразийцы считали, что Россия-Евразия характеризуется не только общностью исторических судеб населяющих ее народов и их родственных культур, но и несомненным единым экономикополитическим будущим. Они полагали, что Россия должна в пределах Евразии, а не за ее пределами, например в торговле с Западной Европой, решать свои экономические проблемы. Не в поддержке “океанической политики”, но “в осознании “континентальности” и в приспособлении к ней — экономическое будущее России”. По мнению евразийцев, попытки “модернизаций” по западноевропейским сценариям, в конечном счете, оказывались и всегда будут оказываться разрушительными для жизненного уклада евразийских народов. Европа, полагали они, купила свое научное и техническое превосходство ценой идейного и религиозного оскудения. Над моралью и религией в Европе господствует “воинствующий экономизм”, с которым необходима беспощадная борьба.

Гуманизм отвратил европейское человечество от Воли Божьей и отдал его во власть “слишком человеческого”. <...> Пафос концепции евразийства — мечта о едином “богочеловеке” и о “все-едином” человечестве — противостоит в начале третьего тысячелетия процессам строительства мира по американскому образцу. Определенные центростремительные тенденции, проявляющиеся сегодня в геополитическом пространстве Евразии, демонстрируют глобальный потенциал идеи евразийства независимо от его оценок различными идейными течениями, философско-социологическими школами и геополитическими структурами»⁴³.

Подводя итоги экспресс-анализа лишь 10 (2004—2013) из 24 международных конференций по интеллигентоведению в Ивановском университете, прошедших под руководством доктора исторических наук, профессора В. С. Меметова, полагаем, что нетрудно заметить фундаментальность и актуальность проблематики этих форумов, богатство тем, их преемственность и развитие. То, на что мы обратили внимание, исходя из своих исследовательских интересов, — лишь часть мощного научного тренда, безусловно, не ограниченного временными рамками, и значение которого не только в культуре России трудно переоценить.

Примечания

¹ Солодовниченко Л. Я., Шимельфениг О. В. Духовные аспекты мировоззрения интеллигенции в эпоху глобализации // Интеллигенция современного мира в ее многообразии : материалы XXIV науч.-теорет. конф. Иваново, 2013. С. 39—45.

² Журавлёв А. М. Интеллигенция в социокультурной жизни российской провинции: опыт, проблемы изучения // Там же. С. 86—88.

³ Там же.

⁴ Хованская А. В. Роль интеллигенции в формировании и «примирении» традиции и инновации : (на примере провинциального города вроде Перми) // Там же. С. 109—111.

⁵ Там же.

⁶ Кривопалова Н. Ю. Деятельность современной интеллигенции по формированию региональной идентичности // Там же. С. 208—210.

⁷ Там же.

⁸ Wizar animation. Новости. URL: <http://www.wizaranimation.com/about/news#> (дата обращения: 24.12.2013).

- ⁹ *Морозов А. И.* Интеллигенция, духовность и средства массовой информации и коммуникации (СМИК) // *Общечеловеческие императивы и этнонациональные ценности интеллигенции : материалы XVI междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2005.* С. 122—123.
- ¹⁰ *Навойчик Е. Ю.* Духовность или компетентность в основе культуры индивида: к вопросу о приоритетах в образовании // Там же. С. 119—121.
- ¹¹ *Солодовниченко Л. Я., Шимельфениг О. В.* Воспитание общечеловеческих императивов через проекты «Международного паломнического Центра» // Там же. С. 109—111.
- ¹² *Солодовниченко Л. Я., Шимельфениг О. В.* Отечественные духовные традиции — базовый ресурс развития общества // *Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества : материалы XIX междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2008.* С. 122—125.
- ¹³ *Юлина Н. С.* Обучение разумности и демократии: педагогическая стратегия философии для детей // *Вопросы философии.* 1996. № 10. С. 32—45; *Юлина Н. С.* Философия для детей и профилактика деструктивного поведения молодежи // Там же. 1999. № 3. С. 34—42.
- ¹⁴ *Усманов С. М.* Интеллигенция и Церковь в современной России : проблемы и перспективы продолжения диалога // *Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2009.* С. 26—29.
- ¹⁵ *Мартьянов Е. Д., Чекалина Н. И.* Русская идея — императив сознания русской интеллигенции // Там же. С. 102—104.
- ¹⁶ *Стётин В.* Эпоха перемен и сценарии будущего : 1. Философская мысль в динамике культуры. Поиск мировоззренческих ориентиров. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5311/5312> (дата обращения: 18.05.2011).
- ¹⁷ *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* «Беседы о реальности» : в восьми актах : интеллигенция Саратова в «Intellect Game Session» // *Интеллигенция и мир.* 2009. № 3. С. 221—225.
- ¹⁸ *Григорьянц Е. И.* Интеллигенция сегодня : к идентификации образа // *Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность.* С. 369—370.
- ¹⁹ *Меметов В. С.* Вступительный доклад на пленарном заседании // *Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения : материалы XXII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2011.* С. 3—5.
- ²⁰ *Острога В. А.* Вузовская интеллигенция БССР (1944—1991 гг.) : проблемы типологии // *Интеллигенция современного мира в ее многообразии.* С. 149—151.

- ²¹ Меметов В. С. На путях дальнейшего сотрудничества и взаимопонимания // Интеллигенция и Церковь: прошлое, настоящее, будущее : материалы XV междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2004. С. 3—6.
- ²² Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я. Церковь и наука: эволюция отношений // Там же. С. 112—114.
- ²³ Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я. Взаимодействие научных и религиозных традиций в духовно-политической стратегии общества // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества : материалы XVII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2006. С. 176—178.
- ²⁴ Смирнов Г. С. Такая разная интеллигенция: лица и лики российской интеллигенции // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность. С. 61—65.
- ²⁵ Меметов В. С. Рассуждения на заданную тему: об устойчивом развитии, интеллигенции, интеллигентности // Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества. С. 3—6.
- ²⁶ Сибиряков И. В. Роль интернета в формировании молодой интеллигенции современной России // Там же. С. 20—22.
- ²⁷ Смирнов Г. С. Интеллигенция.RU : портрет молодой российской интеллигенции в ноосферном интерьере // Там же. С. 14—18.
- ²⁸ Золотарёв О. В. От какого наследства мы отказываемся? // Там же. С. 22—25.
- ²⁹ Комиссаров В. В. Элитное и элитарное образование в истории России XVIII—XX вв. // Там же. С. 70—74.
- ³⁰ Усманов С. М. Погружение в болото: как российская интеллигенция осмысляет катастрофы XX столетия // Отечественная и мировая интеллигенция в кризисные периоды истории : материалы XXI междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2010. С. 37—38.
- ³¹ Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я. Роль интеллигенции в кризисную эпоху // Там же. С. 158—160.
- ³² Там же.
- ³³ Попова Т. В. Современная культурная миссия российской интеллигенции // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения. С. 24—26.
- ³⁴ См., напр.: Куда идет российская культура? : (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 3—60.
- ³⁵ Смирнов Г. С. Российская интеллигенция между Сциллой и Харибдой : история ноосферного разума // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения. С. 42—46.
- ³⁶ Досина Н. В. Глобализация и интеллигенция // Общечеловеческие императивы и этнонациональные ценности интеллигенции. С. 115—117.

- ³⁷ Сальникова А. Г. Интеллигенция и императивы России в XXI веке // Там же. С. 124—126.
- ³⁸ Мордашова Н. В. Русское национальное самосознание и русская идея // Там же. С. 132—134.
- ³⁹ Прищеп Е. Н. Кооперативные ценности в этнонациональном и глобальном контексте // Там же. С. 141—143.
- ⁴⁰ Смирнов Г. С. Ноосферная аксиология : цели и ценности бытия интеллигенции // Там же. С. 36—37.
- ⁴¹ Смирнов Г. С. Российская интеллигенция и модели миропостроения : проблемы устойчивого развития и социальной синергетики // Интеллигенция в процессах преобразования мира : исторические вызовы, социальные проекты и свершения : материалы XVIII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2007. С. 11—14.
- ⁴² Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я. Две картины мира как социальные проекты // Там же. С. 23—25.
- ⁴³ Маслехина В. Л. Евразийская идея российских интеллигентов // Интеллигенция современного мира в ее многообразии. С. 61—63.

ББК 60.543.132.1+63.3(2)6-283.2+63.1(2)6

В. С. Меметов, В. В. Комиссаров

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИЙ

Следует отметить, что в социально-гуманитарных науках нет единого подхода к определению интеллигенции. Существует несколько трактовок, из которых самые известные: социологическая,

© Меметов В. С., Комиссаров В. В., 2014

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета, директор НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир». vs_memetov@mail.ru

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д. К. Беляева. vs_memetov@mail.ru

нравственно-этическая, функциональная и др. Причем в рамках каждого из них есть свои оттенки и нюансы. Так, в социологическом подходе присутствует направление, учитывающее преимущественно социальные характеристики — отношение к собственности, место в общественном разделении труда; есть точка зрения, ставящая во главу угла профессию; есть позиция, в комплексе учитывающая обе группы критериев. Точно также дискутируется вопрос о времени появления интеллигенции: существовала ли она на ранних этапах истории, или ее появление стало следствием модернизационных процессов в период Нового времени?

Как известно, в советское время утверждается и преобладает социо-профессиональный подход, который, впрочем, с течением времени также приобретает различные оттенки. В 1-м издании Большой Советской энциклопедии «интеллигенция» преподносится как «многозначный термин, впервые введен в русскую литературу в 60-х гг. писателем П. Д. Боборыкиным (1836—1921)... Под термином... тогда подразумевался т. н. образованный авангард... В Германии слово “Intellectuelle” довольно широко употребляется как обозначение особого социального слоя капиталистического общества. Сюда входят инженеры, техники, врачи, адвокаты, художники, артисты, государственные чиновники, служащие и т. п. Во Франции слово “intellectuels” (интеллигенты) тоже начинает применяться для обозначения работников умственного труда. Под термином “интеллигенция” понимают также образованную верхушку какого-либо класса...»¹. Следует отметить некоторую гибкость данного энциклопедического определения, несмотря на его марксистскую заданность. Авторы, хотя и говорят о том, что интеллигенция появилась в буржуазном обществе, видят ее истоки в глубине веков. «Интеллигенция как самостоятельная социальная прослойка имеет свою длинную историю и даже “предисторию” (так в тексте. — *В. М., В. К.*). На протяжении длинного как “предисторического”, так и исторического пути развития работники умственного труда жили, как правило, под эгидой правящих классов — рабовладельцев, дворян, духовенства, буржуазии. С техническим прогрессом, развитием городов, ростом торговли, развитием крупного капиталистического производства и машинной техники создаются новые условия для ново-

го вида интеллигенции, колоссально возрастает спрос на людей, умеющих писать, читать, считать»².

Определение термина, которым оперируют авторы 2-го издания Большой Советской энциклопедии, более догматическое. Здесь уже нет намека на его многозначность. Интеллигенция обозначается исключительно с классовых позиций, как «социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом (ученые, инженеры, преподаватели, писатели, художники, врачи, агрономы, большая часть служащих и т. п.)»³. На протяжении небольшой по объему статьи авторы несколько раз особо подчеркивают, что «будучи прослойкой, а не классом, интеллигенция не способна играть самостоятельную политическую роль в общественной жизни»⁴. Истоки интеллигенции усматриваются исключительно в капиталистическом обществе: «Как социальная прослойка, для которой умственный труд является профессией, источником существования, интеллигенция сложилась в капиталистическом обществе, доведшем противоположность между умственным и физическим трудом до крайнего предела (в докапиталистических обществах такой прослойки еще не было, там имелись лишь зачатки интеллигенции)»⁵.

Для 3-го издания БСЭ статью про термин «интеллигенция» готовили известные обществоведы 1960—70-х гг. Е. А. Амбарцумов и Л. К. Ерман. Оставаясь в целом на марксистских методологических позициях, они сумели уйти от узкоклассовой трактовки дефиниции. «Интеллигенция — общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры, — писал Е. А. Амбарцумов. — Вначале под интеллигенцией понимались вообще образованные люди. Это слово нередко и сейчас употребляется в таком значении»⁶. И хотя энциклопедисты отмечали, что только «с утверждением капитализма начинается подлинная история интеллигенции»⁷, их взгляд на генезис и формирование данной группы был более широким и гибким. Е. А. Амбарцумов исторически первой группой интеллигенции считал касту жрецов, которая передала эстафету духовенству и служилой интеллигенции периода феодализма, а затем светской интеллигенции эпохи Возрождения. Л. К. Ерман (он готовил раздел статьи, посвященный русской советской интелли-

генции) отнес появление данного социального слоя к древним векам российской истории: «Интеллигенция начала складываться уже в Киевской Руси, где появились первые учителя математики, врачи, летописцы (Нестор), авторы произведений светской литературы и среди них создатель “Слова о полку Игореве”», — писал ученый⁸. Уход авторов энциклопедии от рафинированного марксистского подхода проявился и в оценках интеллигентского менталитета. «Мировоззрение интеллигенции крайне неоднородно, — отмечалось в БСЭ. — Оно определяется противоположными идейно-политическими функциями разных групп интеллигенции — от социальной критики до защиты и оправдания существующего строя. Отсюда — острота социальных и идейных конфликтов в среде интеллигенции»⁹.

Ведущим специалистом по истории советской интеллигенции был С. А. Федюкин. И хотя его основные работы были посвящены первым послереволюционным годам и периоду НЭПа, он изучал и послевоенную интеллигенцию. Он сделал интересные и содержательные выводы по формированию, развитию, социальным источникам советской интеллигенции, но в целом был вынужден демонстрировать согласие с догматами официальной идеологии: «И хотя интеллигенция качественно и количественно выросла, усложнились ее функции, изменяется ее доля в составе различных профессиональных групп, все эти изменения не носят принципиального характера... положение интеллигенции в социальной структуре не претерпело существенных изменений и она остается промежуточным, межклассовым слоем...»¹⁰

В советское время предпринимались попытки пересмотреть роль и место интеллигенции в условиях советского общества. Особенно эти тенденции характерны для второй половины 1960-х гг. Здесь свое влияние оказал ряд факторов. *Во-первых*, духовные искания периода хрущевской оттепели, а также ослабление идеологического контроля позволяли по-новому ставить многие проблемы. *Во-вторых*, научно-техническая революция, влияние которой становилось все более ощутимым, ставила вопрос о пересмотре места и роли интеллигенции. Некоторые социологи вообще отрицали существование при социализме интеллигенции как социального слоя. Они делали такой вывод по критерию отношения к собственности, ибо интеллигенция, в отличие

от рабочего класса или колхозного крестьянства, не относилась ни к государственному, ни к кооперативному секторам экономики (конечно, существование интеллигенции в профессиональном смысле не отрицалось)¹¹. Однако подобная крайняя точка зрения не получила широкого распространения. Философ и социолог Э. А. Араб-Оглы в конце 1960-х гг. заявил о том, что в условиях НТР сфера высшего образования будет расширяться, пока не приобретет всеобщий характер¹². Схожие идеи ученый повторял в своих публикациях 1980-х гг.: «В обозримом будущем, по всей вероятности уже в начале следующего столетия (XXI века. — В. М., В. К.), высшее образование станет столь же распространенным и, возможно, обязательным, как сейчас среднее, а такие формы подготовки специалистов высокой квалификации, как аспирантура, ординатура и т. п., окажутся столь же массовыми, как ныне высшее специальное образование»¹³. Нельзя не отметить, что жизнь подтвердила точность прогноза ученого.

А. К. Останин попытался обосновать появление новой рабочей интеллигенции и фактическое сращивание в рамках единой социальной группы технических специалистов и высококвалифицированных рабочих: «Научно-техническая революция создает материальную основу для качественных сдвигов в структуре рабочих кадров, и это прежде всего связано с изменениями в содержании их труда, с ликвидацией физического неквалифицированного труда, с быстрым ростом слоя высококвалифицированных рабочих, рабочих-интеллигентов, близких по содержанию своего труда и культурно-техническому уровню к ИТР»¹⁴. Вопрос о слиянии интеллигенции с другими социальными группами, в контексте марксистской идеи о преодолении различий между умственным и физическим трудом, рассматривал и С. А. Федюкин. Но он видел это как дело далекого будущего: «Однако слияние рабочих, крестьян, интеллигентов в единую социальную общность — процесс весьма длительный... Придет время, и интеллигенция перестанет быть особым социальным слоем»¹⁵.

Заметное место в интеллигентоведческом дискурсе занял вопрос об определении, признаках и отличительных чертах отечественной *интеллигенции советского периода*, которая также может именоваться *социалистической интеллигенцией*. В данном случае мы имеем дело с разными трактовками и подходами. В

самом простом варианте для обозначения советской интеллигенции использовалось универсальное понятие, применимое также и для других исторических категорий интеллигентов. Другие авторы пытались выделить для социалистической интеллигенции особенную дефиницию. В советское время базовым критерием для определения социальных классов и групп было отношение к собственности и средствам производства. Исходя из этого, советский социолог М. Н. Руткевич давал следующее определение: «Под интеллигенцией (в узком, непосредственном смысле) в социалистическом обществе мы понимаем социальную группу, слой, состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим специального среднего или высшего образования»¹⁶. Здесь явно мы имеем дело с модифицированным марксистским (точнее — ленинским) определением, основанным на критериях профессии и образования. Схожее понимание советской интеллигенции можно увидеть и у соавтора М. Н. Руткевича по коллективной монографии — В. Е. Вигдорчика: «Интеллигенция — особый социальный слой, состоящий из людей умственного труда, для которых интеллектуальный труд является профессией, единственным, или по крайней мере, главным источником существования и выступает как основная сфера деятельности»¹⁷.

С подобной трактовкой не соглашался социолог А. К. Останин: «Данное определение верно, но оно не выражает эволюции трудовой деятельности интеллигенции под влиянием научно-технической революции. Для значительной части интеллигенции характерным является не “чистый” умственный труд. Современная научно-техническая революция превращает многочисленные отряды не только ИТР, но и ученых в активных работников, сочетающих в своем труде умственные и физические функции, где умственные функции определяют содержание и характер труда»¹⁸. В этом мнении явно чувствуется влияние марксистской идеи о размывании границ между умственным и физическим трудом. Конечно, и в советское время предпринимались попытки использовать нравственно-этические критерии при определении интеллигенции, но они наталкивались на резкие возражения. Например, уже цитированный М. Н. Руткевич писал по данному поводу: «Включение нравственных признаков в

критерий, отделяющий одни социальные группы от других, не выдерживает критики. Гражданская активность и высокая мораль есть признаки передового человека нашего (т. е. социалистического. — *В. М., В. К.*) общества, к какой бы общественной группе он ни относился. Выделять же интеллигенцию по этим признакам как социальный слой представляется безнадежной путаницей»¹⁹.

Также советские обществоведы предпринимали попытки дать отличительные черты советской послевоенной интеллигенции. Одним из них был известный ученый С. А. Федюкин. Он выделил следующие признаки:

1) заметный численный рост интеллигенции, ставший следствием интеллектуализации жизни общества и мощного развития его производительных сил. В итоге интеллигенция составила 1/5 часть от самодеятельного населения СССР;

2) народный характер советской интеллигенции, она, по мнению С. А. Федюкина, рекрутировалась преимущественно из рабочих и крестьян;

3) отсутствие кастовости и элитарности советской интеллигенции, ее открытость для представителей других социальных групп;

4) важным признаком советской послевоенной интеллигенции С. А. Федюкин называл ее интернациональный характер, возникновение национальных кадров интеллигенции в союзных и автономных республиках СССР;

5) мировоззрение интеллигенции, ее приверженность идеалам марксизма-ленинизма²⁰.

Позиция С. А. Федюкина более чем уязвима для критики в части отсутствия кастовости и элитарности. Уже в советское время возник ряд известных интеллигентских династий. Это А. Н. Туполев, который еще при жизни передал руководство своим КБ сыну А. А. Туполеву, причем назначение было оформлено решением Политбюро ЦК КПСС. Можно вспомнить академическую династию Крыловых — Капиц (академик-кораблестроитель А. Н. Крылов, его зять — физик, академик и нобелевский лауреат П. Л. Капица и сыновья последнего — геофизик и членкор АН СССР А. П. Капица, физик и телеведущий С. П. Капица). В этом же ряду известные востоковеды и директора Государственного Эрмитажа Б. Б. и М. Б. Пиотровские. Данные фамилии были

на слуху уже в советское время. Причем кастовость и элитарность — это не плохо и не хорошо. В данном случае мы имеем дело с объективным процессом, опровергающим доводы С. А. Федюкина. Сложно воспринимать всерьез и тезис о приверженности интеллигенции идеалам марксизма-ленинизма; перестройка и демонтаж советской системы выявили прямо противоположную тенденцию. Впрочем, здесь вина не столько интеллигенции, сколько партийных идеологов, предпочитавших не развивать идеологию, а оставаться на ортодоксальных позициях.

Следует заметить, что по этому вопросу могут быть и иные точки зрения. Так, Г. А. Будник отмечает: «Советская интеллигенция в большинстве своем искренне разделяла социалистические идеалы и активно сотрудничала, несмотря на многие неосуществленные надежды, с политическим режимом, являясь в то же время источником явной и тайной оппозиции»²¹.

Нельзя обойти вниманием и вопрос о социально-профессиональной структуре советской интеллигенции. Социолог В. Е. Вигдорчик выделял в рамках советской интеллигенции три основные группы. *Во-первых*, это технико-экономическая интеллигенция, к которой ученый относил ИТР, агрономов, зоотехников, планово-экономических и статистических работников. *Во-вторых*, это работники государственного аппарата и общественных организаций. Здесь мы видим партийных аппаратчиков, комсомольских, профсоюзных функционеров, работников общественных, кооперативных и контрольно-ревизионных органов. В эту группу В. Е. Вигдорчик включил генеральский, адмиральский и офицерский корпус Советской армии, сотрудников КГБ и МВД, а также «военнослужащих из числа сержантского состава, связанного с высококвалифицированным трудом по обслуживанию новейшей боевой техники». *В-третьих*, это научно-культурная интеллигенция, к которой относились научные работники, учителя, воспитатели, деятели литературы и искусства²². Несложно заметить, что гипотеза В. Е. Вигдорчика повторяет схему Л. К. Ермана, предложенную для типологии российской интеллигенции начала XX в., в которой выделялись три основных профессиональных отряда: идеолого-управленческая интеллигенция; интеллигенция, осуществляющая социокультурные услуги; хозяйственно-управленческая интеллигенция²³.

Заметным явлением в позднесоветской историографии стала монография Л. Я. Смолякова, посвященная социально-философским аспектам изучения советской интеллигенции²⁴. И хотя она написана в русле марксистской методологии, автор довольно смело трактовал многие аспекты и вопросы интеллигентоведения. Л. Я. Смоляков отказался признавать понятие «интеллигенция» чисто русским явлением, в связи с чем даже подверг ревизии теорию происхождения этого слова от писателя П. Д. Боборькина²⁵. Ученый исходил из универсального понимания интеллигенции, критиковал попытки искать ее истоки только в капиталистическом обществе: «Все дело в том, что интеллигенция возникла не в недрах капитализма, а еще в античном мире, на заре истории классового общества, в связи с развивающейся потребностью в духовном производстве и его субъектах... Что же касается капитализма, то он действительно расширил функции интеллигенции, численно увеличил ее, наложил отпечаток на ее социальный облик»²⁶. Так же широко ученый подошел и к истории отечественной интеллигенции, рассматривая ее генезис от самых истоков: «Возникновение и функционирование интеллигенции на Руси непосредственно связаны со всем культурно-историческим процессом, обусловленным становлением классового общества и государственности»²⁷.

Таким образом, и в советский период, несмотря на господство социально-профессионального подхода в марксистском варианте, шла напряженная работа по уточнению определения и структуры советской интеллигенции. Конечно, идеологический догматизм серьезно осложнял исследовательскую работу. Многие перспективные направления интеллигентоведения, а именно — нравственно-этическая трактовка, концепция новой интеллигенции, возникающей в условиях НТР, искусственно блокировались и тормозились. Тем не менее, общие результаты и выводы ведущих интеллигентоведов заложили основу современного научного видения интеллигенции и, в силу этого, сохраняют свою актуальность и по сей день.

Примечания

¹ Большая Советская энциклопедия. М., 1937. Т. 28. Стб. 608.

² Там же. Стб. 610—611.

- ³ Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1953. Т. 18. С. 270.
- ⁴ Там же. С. 270—271.
- ⁵ Там же. С. 270.
- ⁶ Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1972. Т. 10. С. 311.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 314.
- ⁹ Там же. С. 313.
- ¹⁰ *Федюкин С. А.* Партия и интеллигенция. М., 1983. С. 204.
- ¹¹ Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968. С. 137—138.
- ¹² *Араб-Оглы Э. А.* О социальных последствиях научно-технической революции // Научно-техническая революция и общественный прогресс. М., 1969. С. 28—29.
- ¹³ *Араб-Оглы Э. А.* Обозримое будущее: социальные последствия НТР : год 2000. М., 1986. С. 175.
- ¹⁴ *Останин А. К.* Влияние научно-технической революции на изменения социально-классовой структуры советского общества // Научно-техническая революция и общественный прогресс. С. 110—111.
- ¹⁵ *Федюкин С. А.* Указ. соч. С. 204.
- ¹⁶ Классы, социальные слои и группы в СССР. С. 136—137.
- ¹⁷ Там же. 167.
- ¹⁸ *Останин А. К.* Указ. соч. С. 99.
- ¹⁹ Классы, социальные слои и группы в СССР. С. 143.
- ²⁰ *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 457—458.
- ²¹ *Будник Г. А.* Высшая школа и интеллигенция : советский воспитательный и образовательный эксперимент, 1945—1985 годы. Иваново, 2003. С. 40.
- ²² Классы, социальные слои и группы в СССР. С. 169.
- ²³ *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 14.
- ²⁴ *Смоляков Л. Я.* Социалистическая интеллигенция: социально-философский анализ. Киев, 1986.
- ²⁵ Там же. С. 11—16.
- ²⁶ Там же. С. 17.
- ²⁷ Там же. С. 92.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)5-283.2

А. А. Соловьёв

ЗЕМСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ДЕЛЕ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Министр культуры В. Р. Мединский недавно заявил: «...хотелось бы напомнить известный факт: библиотеки в России никогда не организовывались только как книгохранилища, как зачастую к ним относятся сегодня. Самая первая библиотека была создана Екатериной Второй как “источник народного просвещения”. Вот эта функция должна оставаться за нашими библиотеками всегда... Нам надо сделать так, чтобы библиотека как источник народного просвещения не только не превратилась бы в какой-то раритет уходящей эпохи, а наоборот, эту функцию наполняла качественно новым содержанием, превращаясь в образовательные, информационные, даже досуговые центры. Я не имею в виду уровень Российской государственной или Российской национальной библиотек. Мы будем делать всё от нас зависящее, чтобы федеральные библиотеки развивались в приоритетном порядке. Я веду речь об обычных библиотеках — районных, муниципальных. Нам бы хотелось, чтобы у этих библиотек, у их работников, судьба которых для нас не безразлична, было будущее»¹.

© Соловьёв А. А., 2014

Соловьёв Алексей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д. К. Беляева. aleksey.s37@yandex.ru.

В свое время в 1870—90-е гг. одни из первых общественных публичных библиотек в городах открывали наиболее прогрессивные представители земской интеллигенции. Именно эти просветительские заведения и являлись в те годы настоящими образовательными, информационными и досуговыми центрами для местного населения, за что ратует в наши дни В. Р. Мединский. Не стало исключением и Верхнее Поволжье, на территории которого также нашлись представители земской интеллигенции, инициировавшие учреждение общественных библиотек-читален.

Следует согласиться с Н. М. Пирумовой, которая на первый план в деятельности земской интеллигенции ставила так называемое «культурничество», приводившее к повышению грамотности и росту самосознания населения². Среди культурно-просветительских мероприятий земских деятелей, безусловно, одно из важнейших мест занимало библиотечное строительство.

История земского библиотечного дела в Верхневолжском регионе начинается в конце 1860-х— начале 1870-х гг. Именно в это время в городах Верхнего Поволжья по инициативе земских органов самоуправления были открыты первые (пусть пока еще платные) библиотеки. Земства уже тогда начали отчетливо понимать, что без доступной книгопечатной продукции, сосредоточенной, в том числе, и в библиотеках, невозможно справиться с вековым российским невежеством (особенно в среде простого населения), поэтому борьбу с ним, на взгляд наиболее передовых земских деятелей, следовало начинать как можно раньше.

Действительно, земства в России во второй половине XIX в. превратились в ту движущую силу, обладавшую огромным просветительским потенциалом, благодаря которой в провинциальных городах стали открываться публичные библиотеки-читальни. Особо следует подчеркнуть роль земской интеллигенции, которая потратила немало сил для развития внешкольного образования простого населения Верхнего Поволжья.

Обратимся к определению интеллигенции, сформулированному в НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. В соответствии с ним, «интеллигенция — это социокультурная общность, представители которой отличаются высоким образовательным уровнем и творческим отношением к профессиональной и общественной деятельности, направ-

ленной на производство, распространение и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей, обладающая особыми психологическими, нравственно-этическими чертами»³. Передовые представители земской интеллигенции, о которых пойдет речь в данной статье, как нельзя лучше соответствовали этому определению. Они выступали инициаторами создания общественных библиотек, которыми сами заведовали, искали источники их финансирования, выступали за качественное обновление библиотечных фондов, решали вопросы с размещением читален, занимались созданием первых каталогов и пополнением библиотек новой литературой.

Маленький уездный город Мышкин в 1870-е гг. стал одним из первых населенных пунктов Ярославской губернии, в котором появилась земская публичная библиотека. Инициатором ее создания выступил петербургский дворянин, владелец имения в Мышкинском уезде Федор Константинович Опочинин (1846—1881), кстати, правнук великого полководца М. И. Кутузова. Будучи земским гласным, Ф. К. Опочинин в 1875 г. выступил на заседании уездного земского собрания с обоснованием необходимости открытия в городе публичной библиотеки. Подобная инициатива с его стороны не выглядела чем-то удивительным. Федор Константинович был известным либералом, библиофилом и общественным деятелем, секретарем археологического и членом географического общества. Свою мечту о просвещении народа он реализовал, создав публичную библиотеку в Мышкине.

Мышкинская земская публичная библиотека начала обслуживать население в январе 1876 г. Она являлась платной и предназначалась для представителей всех сословий. Бесплатно можно было пользоваться газетами, журналами и справочными изданиями в читальном зале. Библиотека разместилась в двух комнатах при уездной земской управе. В ее уставе говорилось: «Назначение библиотеки, во-первых, быть учреждением не только общеобразовательным, но и преследующим цели научные... и, во вторых, книгохранилищем... где собирались бы не только новейшие произведения литературы, но и произведения прежнего времени, могущие послужить впоследствии историческим материалом...»⁴

Начало формированию фонда библиотеки положили книги из личного собрания Ф. К. Опочинина. Мебель для новой читаль-

ни приобрела жена Опочинина Наталья Федоровна. Свою лепту в комплектование библиотечного фонда в виде книжных пожертвований также внесли местный адвокат К. В. Грязнов, дворянин А. А. Тютчев (родственник знаменитого поэта Федора Тютчева), купцы Лёзовы и Чистовы (кстати, по стечению обстоятельств в наши дни Опочининская библиотека располагается как раз в главном доме усадьбы Чистова). Если на момент открытия в 1876 г. в читальне насчитывалось всего 150 томов, то в 1888 г. — уже более 3 тыс.⁵ Такое увеличение стало возможным за счет частных пожертвований, активной покупки новой литературы и выписки свежей периодики. Библиотечный бюджет складывался из ежегодного пособия земства, абонементной платы подписчиков, благотворительной помощи.

Безусловно, главная цель, преследуемая Ф. К. Опочининым при учреждении библиотеки, — это развитие у жителей Мышкина и его окрестностей потребности в чтении. В то же время руководство библиотеки (комитет, состоящий из трех человек) не забывало и о культуре читателей. Так, в уставе данного просветительного заведения было прямо записано: «В читальню не допускаются небрежно одетые, нетрезвые и больные. Верхняя одежда, галоши и палки должны быть оставляемы в прихожей. Управление библиотекой просит мужчин не входить в читальню в фуражках и вообще не нарушать перед другими посетителями должного приличия»⁶.

Ф. К. Опочинин объединил вокруг библиотеки кружок библиофилов, который занимался переизданием редких книг. Например, мышкинские книжники переиздали «Древнюю Российскую Вивлиофику» XVIII века. Также они занялись сбором редких сочинений и книг с автографами (наибольшую ценность представляли книги, принадлежавшие когда-то М. И. Кутузову)⁷. Такая деятельность выделяла библиотеку из числа ей подобных.

К сожалению, Ф. К. Опочинин прожил всего 35 лет, скончавшись в 1881 г. от чахотки. Перед смертью он передал все свои книги из личного собрания в фонд публичной библиотеки — любимого своего детища. После его смерти Мышкинская читальня продолжила свое существование, постоянно развиваясь, во многом благодаря ее заведующему К. В. Грязнову. Он возглавлял это культурно-просветительное заведение с 1888 по 1908 г. По его

инициативе с 1901 г. библиотека стала называться «Опочининская». Таким образом было увековечено имя ее основателя⁸.

К началу XX в. усилиями К. В. Грязнова в читальне насчитывалось уже порядка 12 тыс. томов книг и периодических изданий⁹. Наибольшим по численности был отдел беллетристики, являвшийся самым популярным среди читателей. Кроме него в библиотеке существовали следующие отделы: «История», «Естествознание», «Философия и педагогика», «Сельское хозяйство и технология», «География, этнография и статистика», «Правоведение и политическая экономия», «Справочные книги и учебники» (наиболее востребованным здесь был многотомный «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона»), наконец, «Периодические издания». Из этого перечня отделов видно, что руководство библиотеки не забывало и научной направленности, заявленной в уставе заведения. Четкая систематизация книг в читальне появилась при К. В. Грязнове, который ежегодно составлял отчеты о ее деятельности и начал выпускать печатные библиотечные каталоги (последний из них удалось издать в 1903 г.)¹⁰.

Опочининская библиотека не могла похвастать большим количеством читателей. Например, годовых подписчиков в 1902 г. насчитывалось 60 человек, в 1912 г. — 150. Безвозмездно пользовались литературой и могли брать книги на дом сельские учителя земских и церковно-приходских школ. Губернское земство ежегодно перечисляло за них в кассу библиотеки по 150 руб. Бесплатный читальный зал был весьма популярен. Так, в начале XX в. ежегодно его посещало около 300 человек (т. е. порядка 15 % населения небольшого Мышкина). В год в читальном зале фиксировалось до 3,5 тыс. посещений (т. е. обслуживалось в среднем примерно 10 человек в день). Он привлекал, прежде всего, свежими газетами и журналами, а также многочисленной справочной литературой, интересной для городских и сельских обывателей. В начале 1900-х гг. в библиотеке выписывалось более десятка периодических изданий самой разной направленности: «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русский вестник», «Новое время», «Вокруг света», «Осколки», «Шут», «Петербургская жизнь», «Вестник иностранной литературы»¹¹.

Закрытая в 1924 г. «Опочининская» библиотека получила свое второе рождение в 1991 г. Имя Ф. К. Опочинина не забыто в Мышкине. Ежегодно в городе проходят краеведческие «Опочининские чтения».

Ярким представителем земской интеллигенции Верхнего Поволжья был скромный служащий Рыбинской уездной земской управы Михаил Михайлович Калинин, отдавший 34 года своей жизни работе в общественной публичной библиотеке в должности заведующего. Библиотека в Рыбинске появилась в июле 1880 г. Ее открытие было приурочено к 25-летию восшествия на престол императора Александра II. Тогда же заведующим данным просветительным заведением стал М. М. Калинин¹².

Библиотека разместились в здании своего учредителя — Рыбинской уездной земской управы. Первоначально она занимала одну комнату на первом этаже. Этого было явно недостаточно, т. к. при библиотеке существовал еще и читальный зал. Только через 12 лет существования в 1892 г. по инициативе М. М. Калинина читальне передали более подходящее, а самое главное, просторное помещение, располагавшееся также в здании уездной управы, но состоявшее уже из трех комнат¹³.

Согласно правилам библиотеки, ее фондом могли пользоваться все желающие лица обоего пола из постоянных и временных жителей Рыбинска и уезда по подписке. Годовой абонемент подписчиков первого разряда стоил 5 руб., полугодовой — 2 руб. 50 коп., кварталный — 1 руб. 50 коп. Цена абонемента подписчиков второго разряда за год составляла 3 руб., за 6 месяцев — 1 руб. 50 коп., за 3 месяца — 1 руб. Разрешалось оформлять абонемент и на месяц (подписчики третьего разряда, которые платили 50 коп.). Бесплатно могли брать литературу из библиотеки учителя земских и церковно-приходских школ Рыбинска и уезда¹⁴.

Существование при библиотеке бесплатного читального зала, безусловно, привлекало в это просветительное заведение значительное число горожан-книголюбителей. Так, в 1901 г. в среднем в день читальный зал посещали 90 человек. Конечно, здесь их интересовало большое количество выписываемых периодических изданий, которое увеличивалось с каждым годом. Так, на выписку периодики в конце XIX — начале XX в. ежегодно тратилось более 500 руб. В результате, например, в 1908 г. в библиотеке

выписывалось 48 журналов и 17 газет. Подобные показатели следует признать весьма солидными. Разнообразие периодических изданий могло удовлетворить запросы самых широких слоев населения из различных возрастных групп. Представители привилегированных слоев общества отдавали предпочтение толстым журналам: «Вестник Европы», «Мир Божий», «Русское богатство», «Русская мысль», «Исторический вестник». Так называемый «читатель из народа» зачитывался познавательными и богато иллюстрированными журналами «Нива» и «Вокруг света». Дети и подростки могли почитать или просто полистать журналы «Юная Россия», «Друг детей», «Библиотека юного читателя». Для местных учителей выписывались «Вестник воспитания», «Вестник знания», «Русская школа», «Педагогический листок», «Образование». Не были забыты и медицинские работники. Специально для них в библиотеку поступали следующие периодические издания: «Медицинский журнал», «Фельдшер», «Акушерка». Достаточно много выписывалось местных газет, среди которых следует назвать «Рыбинский листок», «Вестник рыбинской биржи», «Ярославские губернские ведомости». Своих читателей имели и консервативные центральные газеты: «Русские ведомости», «Русское слово», «Речь», «Новое время», «Московский листок»¹⁵.

Благодаря деятельности М. М. Калинина, сумевшего значительно пополнить библиотечную кассу, удалось добиться стабильного финансирования от земства. Если в 1880-е гг. расходы на содержание Рыбинской библиотеки едва превышали 800 руб. в год, то в 1893 г. увеличились в два раза, составив чуть больше 1600 руб. В конце 1890-х гг. эта цифра перевалила за 2 тыс. руб.¹⁶

Естественно, подобное финансирование не могло не привести к значительному увеличению фонда читальни. На момент открытия в библиотеке насчитывалось всего 600 томов. В 1900 г. ее фонд составлял уже более 12,5 тыс., а в 1901 г. — более 15 тыс. томов (т. е. фонд увеличился в 25 раз!). В 1898 г. М. М. Калинин выступил инициатором издания первого печатного каталога библиотеки. Наиболее укомплектованным был отдел беллетристики. В нем присутствовали полные собрания сочинений Л. Толстого, Писемского, Помяловского, Лажечникова, Добролюбова, М. Рида, Ф. Купера, В. Скотта и др.¹⁷

Увеличение числа подписчиков стало следствием поступательного развития библиотеки, у руководства которой несколько десятилетий находился М. М. Калинин. Если в 1882 г. в читальне насчитывалось всего 55 платных подписчиков, то в 1905 г. — уже 490 (без учета посетителей читального зала). Таким образом, за четверть века существования количество подписчиков увеличилось почти в 9 раз, что, безусловно, свидетельствует о популярности данного просветительного заведения среди горожан¹⁸.

В целом, можно согласиться с земскими гласными, которые в 1902 г. констатировали, что «библиотека составляет гордость не только местного земства, создавшего ее, но и всех граждан Рыбинска; ее можно назвать лучшей из всех подобного рода библиотек, существующих в Ярославской губернии»¹⁹. Конечно, огромная заслуга в превращении читальни в такое просветительное заведение принадлежала М. М. Калинину. Рыбинское уездное земское собрание высоко ценило его вклад в становление и развитие библиотеки. Среди заведующих земскими читальнями того времени он получал одно из самых высоких жалований, составлявшее в 1890-е гг. 330 руб. в год²⁰.

Заслуги М. М. Калинина признавали также сами читатели библиотеки. Приведем выдержку из письма подписчиков Рыбинской читальни, поступившего на имя М. М. Калинина по случаю 25-летия его деятельности в должности заведующего библиотекой: «...трудны были первые Ваши шаги на этом совершенно новом и незнакомом для Вас поприще... Но Вы твердо шли к цели улучшения библиотеки, не отклонялись от взятой на себя обязанности, постоянно ровный со всеми, постоянно готовый всем услужить, Вы не только поставили библиотеку на твердую ногу, но и завоевали всеобщее уважение и любовь подписчиков... Примите же, многоуважаемый Михаил Михайлович, наше русское спасибо за многолетний труд Ваш и пожелание, чтобы мы еще долго не разлучались»²¹.

После 1917 г. библиотеку в Рыбинске удалось сохранить, несмотря на все преобразования в библиотечном деле. В наши дни она называется «Рыбинская городская центральная библиотека им. Ф. Энгельса».

Большую роль в развитии библиотечного дела в Кинешме сыграл гласный Кинешемской уездной земской управы (впослед-

ствии ее председатель) Всеволод Александрович Пазухин (1839—1912). В 1890-е гг. в рамках внешкольного образования населения земство направило свои усилия на организацию ряда общественных библиотек в Кинешемском уезде. В том числе встал вопрос об учреждении земской публичной библиотеки в Кинешме. В. А. Пазухин стал одним из главных инициаторов создания подобного культурно-просветительного заведения в городе. Обосновывая необходимость учреждения читальни, он в 1893 г. в своем докладе на заседании земской управы отмечал: «Ввиду того, что для жителей Кинешемского уезда не имеется решительно никакой библиотеки, а между тем потребность в чтении, особенно интеллигенции, живущей преимущественно умственным трудом, весьма настоятельна, удовлетворение этой потребности есть одна из задач земства»²². Получив разрешение от губернатора, Кинешемская платная земская публичная библиотека начала свою работу в 1894 г.²³

Бесплатной читальня быть не могла, т. к. земство выделяло ежегодно на ее нужды всего 200 руб. Поэтому абонементная плата со стороны подписчиков составляла важнейшую доходную статью ее бюджета. Библиотека предназначалась для всех желающих, но платный абонемент значительно уменьшал число читателей из простого народа. Поэтому завсегдатаями данного заведения являлись, прежде всего, дворяне, купцы, обеспеченные мещане, а также местные учителя и медицинские работники, которые пользовались литературой бесплатно. Земские служащие платили только половину стоимости абонемента. Для подписчиков первого разряда годовая абонементная плата составляла 3 руб., для прочих читателей — 2 руб.²⁴

Библиотека размещалась при земской управе. Ее первым заведующим стал В. А. Пазухин. Первоначальное комплектование фонда читальни осуществлялось за счет купленного у помещицы Чихачевой ее личного книжного собрания. С течением времени, благодаря активной деятельности В. А. Пазухина, количество литературы в библиотеке, насчитывавшее в 1895 г. порядка 4800 томов, значительно возросло, о чем свидетельствуют цифры по книговыдаче. Если в 1895 г. было выдано чуть больше 4 тыс. томов, то в 1917 г. — уже более 15,5 тыс. Естественно, ежегодно пополнявшийся новыми книгами и периодическими

изданиями библиотечный фонд привлекал все новых читателей. Так, в 1895 г. отчеты зафиксировали немногим более 1600 посещений данного просветительного заведения, в 1917 г. эта цифра составила уже 8 тыс.²⁵

Самыми укомплектованными в Кинешемской библиотеке были отделы отечественной и иностранной беллетристики. Неплохими являлись отделы по естествознанию (здесь читатели могли полистать, например, произведения Дарвина и Тимирязева) и по истории (в нем наибольший интерес представляли труды Карамзина, Костомарова, Грановского). Количество периодических изданий в библиотеке также выглядело весьма солидно. Так, в 1900 г. здесь выписывалось более 30 различных журналов и газет. Следует отметить, что в читальне был создан специальный детский отдел. В 1900 г. он уже насчитывал 585 томов. Для детей и подростков предназначалась соответствующая периодика: «Детское чтение», «Игрушечка», «Родник». Взрослые читатели отдавали предпочтение толстым журналам: «Русская мысль», «Мир Божий», «Вестник Европы», «Исторический вестник». Наиболее популярным среди отечественных авторов в конце XIX — начале XX в. был Л. Толстой, а среди зарубежных беллетристов — Г. Сенкевич²⁶.

Таким образом, к 1917 г. читальня представляла собой солидное культурно-просветительное заведение, один из главных центров просвещения в Кинешме. В настоящее время библиотека продолжает существовать и называется «Кинешемская центральная городская библиотека имени В. А. Пазухина».

Следует констатировать, что вплоть до 1917 г. библиотеки, находившиеся в ведении земских органов самоуправления, несомненно, являлись значимыми центрами книжной культуры Верхневолжья, способствовавшими просвещению провинциального населения, а также вносящими свою лепту в сохранение и распространение книгопечатной продукции. Цель, которую ставили перед собой представители земской либеральной интеллигенции в области библиотечного дела, можно сформулировать так: «Путем широкой просветительной деятельности создавать в народе восприимчивую для благих задач почву...»²⁷ Благодаря земским библиотекам читатели всё чаще начали обращаться к произведениям классиков русской литературы — Л. Толстого, Гоголя,

Пушкина, Тургенева. Молодежь зачитывалась романами М. Рида, Ж. Верна и Ф. Купера. Дети познакомились со сказками Пушкина, братьев Гримм, Бажова, русскими народными сказками в обработке Афанасьева.

Однако, безусловно, не простолюдин был главным всегдашним платным общественным публичных библиотек. В них в начале XX в. сложился определенный круг своих читателей, которые пользовались их богатыми фондами. В этот круг входили купцы-фабриканты, представители местной технической, учительской, творческой интеллигенции, врачи, земские служащие, а также служащие городских организаций и промышленных предприятий.

Энтузиастов и поборников просвещения среди земской интеллигенции Верхневолжья было достаточно много. Кроме упомянутых выше Ф. К. Опочинина в Мышкине, М. М. Калинина в Рыбинске и В. А. Пазухина в Кинешме, следует назвать председателя Пошехонской уездной земской управы Е. Алексева, председателя Юрьеveckой уездной земской управы Ф. С. Грибунина, председателя Чухломской уездной земской управы Н. И. Катенина, смотрителя шуйских училищ М. И. Лоначевского, заведующего Иваново-Вознесенской земской народной библиотекой К. А. Жарова, земского начальника Гороховецкого уезда А. А. Бурмина, земского начальника Меленковского уезда А. А. Дубенского.

Подобные ревнители просвещения не жалели сил для продвижения книгопечатной продукции и популяризации библиотек среди провинциального населения Верхнего Поволжья. Благодаря этим энтузиастам в конце XIX — начале XX в. значительно возрос интерес к чтению в среде взрослого населения региона, были заложены основы для борьбы с рецидивом безграмотности после окончания начальных школ.

В то же время, следует констатировать, что деятельность земской либеральной интеллигенции в области библиотечного строительства на территории Верхнего Поволжья осталась незавершенной. Первая мировая война, а затем революционные события февраля и октября 1917 г. остановили естественное развитие библиотечного дела в регионе.

Примечания

- ¹ *Мединский В. Р.* Систему государственной политики в области библиотечного дела надо восстанавливать // Библиотековедение. 2012. № 6. С. 1.
- ² *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 234.
- ³ *Меметов В. С., Будник Г. А.* Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2. С. 26.
- ⁴ Устав Мышкинской публичной библиотеки // Вестник Ярославского земства. 1902. № 3/4. С. 119.
- ⁵ *Лебедева Г. А.* Опочининская библиотека : великие предшественники // Из истории библиотек Ярославского края : материалы библиотечных чтений. Ярославль, 2000. С. 18.
- ⁶ Устав Мышкинской публичной библиотеки. С. 121.
- ⁷ *Лебедева Г. А.* Собрание автографов Опочининской библиотеки и Пушкинская тема // Ярославский край пушкинской поры : краевед. чтения, посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина : тез. докл. и сообщ. Ярославль, 1999. С. 24.
- ⁸ *Лебедева Г. А.* Опочининская библиотека в городе Мышкине : к 120-летию со дня основания // Ярославский календарь на 1996 год. Ярославль, 1996. С. 10—12.
- ⁹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее — СПФА РАН). Ф. 158. Оп. 4. Д. 10. Л. 259—260.
- ¹⁰ Каталог книг Опочининской публичной библиотеки при Мышкинском земстве. Мышкин, 1903.
- ¹¹ СПФА РАН. Ф. 158. Оп. 4. Д. 10. Л. 258—260 ; *Лебедева Г. А.* Опочининская библиотека : великие предшественники. С. 19, 22.
- ¹² Очерк деятельности Рыбинского земства по народному образованию (1865—1900) / сост. *Н. А. Золотарев.* Ярославль, 1902. С. 133—134 ; *Ухова Н. П.* История публичной земской библиотеки // XV Золотаревские чтения : история библиотечного дела в городе Рыбинске. Ярославль, 2005. С. 24.
- ¹³ Иллюстрированный Рыбинский календарь на 1902 год. Рыбинск, 1902. С. 259—260.
- ¹⁴ Очерк деятельности Рыбинского земства по народному образованию. С. 134, 138—139.
- ¹⁵ Там же. С. 137 ; *Ухова Н. П.* Указ. соч. С. 26.
- ¹⁶ Очерк деятельности Рыбинского земства по народному образованию. С. 136—137.

- ¹⁷ Иллюстрированный Рыбинский календарь на 1902 год. С. 261 ; Очерк деятельности Рыбинского земства по народному образованию. С. 137 ; *Ухова Н. П.* Указ. соч. С. 25.
- ¹⁸ Журналы очередного Рыбинского уездного земского собрания, 1900 г. Ярославль, 1901. С. 25 ; *Ухова Н. П.* Указ. соч. С. 25.
- ¹⁹ Иллюстрированный Рыбинский календарь на 1902 год. С. 258.
- ²⁰ Очерк деятельности Рыбинского земства по народному образованию. С. 137.
- ²¹ *Ухова Н. П.* Указ. соч. С. 28.
- ²² Государственный архив Ивановской области. Ф. 500. Оп. 1. Д. 128. Л. 81—82.
- ²³ Государственный архив Костромской области. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12780. Л. 1—2.
- ²⁴ Устав Кинешемской земской публичной библиотеки // Сборник постановлений Кинешемского уездного земского собрания очередной сессии 1894 г. Кинешма, 1895. С. 130—131 ; *Зимина Н. П., Кобылкина Р. П.* Дом, где живут книги : история центральной городской библиотеки в документах и лицах. Кинешма, 1999. С. 16—17.
- ²⁵ *Зимина Н. П., Кобылкина Р. П.* Указ. соч. С. 13, 15—16.
- ²⁶ Отчет о деятельности Кинешемской земской публичной библиотеки за 1900 год. Кинешма, 1901. С. 5—7 ; *Зимина Н. П., Кобылкина Р. П.* Указ. соч. С. 19—20, 23.
- ²⁷ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания, 1899 г. Владимир, 1900. С. 66—67.

Е. В. Пестерев, М. И. Кондрашёва

**ВЫДВИЖЕНЧЕСТВО КАК ПРОБЛЕМА
В РАБОТЕ УРАЛЬСКИХ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ
В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА**

В октябре 1923 года ЦК РКП (б) принимает постановление об основных задачах кадровой работы на ближайший период, где выдвижение было намечено одной из приоритетных задач деятельности страны. В конце года Центральная контрольная комиссия РКП (б) заявила о необходимости добиться того, чтобы во всех Советах и во всех советских органах рабочим было предоставлено не на словах, а на деле серьезное представительство. В 1923—1924 годах выдвижение становится постоянным направлением в работе партийных организаций, предприятий и учреждений. Оно было направлено на укрепление диктатуры коммунистической партии. Одновременно создавался новый средний командный слой, новый средний класс за счет рабочих¹.

Особенно процесс выдвиженчества коснулся органов юстиции, к ним было обращено большое внимание со стороны партии. Суд — есть орган государственной власти, а судебная деятельность — одна из функций государственного управления. Во всяком государстве суд играет огромную роль как орган охраны интересов господствующего в данном обществе социального слоя, как орган укрепления существующего государственного и политического строя. Именно поэтому судебные органы стали находиться под пристальным вниманием советских властных структур.

Начиная с возникновения советской судебной системы шла работа по привлечению рабочей прослойки в аппарат путем

Пестерев Е. В., Кондрашёва М. И., 2014

Пестерев Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания лица № 3 г. Екатеринбурга. 17071982evp@ Rambler.ru

Кондрашёва Маргарита Ионовна — доктор исторических наук, профессор Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). vs_memetov@mail.ru

укомплектования органов юстиции работниками из состава рабочих. Ввиду этого центральные органы усиленно следили за исполнением директив, касающихся усиления рабочей прослойки в аппарате посредством заполнения освобождающихся должностей. Велся строгий учет количественного и качественного состава выдвиженцев. С этой целью в Учраспред Народного комиссариата юстиции (НКЮ) представлялись сведения, в которых должны были фигурировать следующие данные:

- именной перечень выдвиженцев, с указанием времени их поступления на работу в органы юстиции, и краткие анкетные данные;

- какую работу и сколько времени выполнял человек до выдвижения и какой организацией произведено его выдвижение;

- на какую работу первоначально при поступлении в органы юстиции назначались выдвиженцы, были ли случаи дальнейшего продвижения на более ответственную работу и наоборот;

- сколько было случаев возвращения выдвиженцев обратно, причина возвращения;

- велся ли учет работы выдвиженцев, в какой форме;

- поступали ли предложения выдвиженцев в процессе работы, в какой форме;

- участие в общественной работе;

- как производилось ознакомление выдвиженцев с возложенной на них работой;

- влияние выдвиженцев на улучшение работы того учреждения, в котором они трудились;

- отрицательные моменты в работе выдвиженцев;

- предложения по поводу усиления притока выдвиженцев и улучшению дела выдвижения, общая характеристика.

Сведения должны были охватывать всех выдвиженцев органов юстиции, независимо от занимаемых ими должностей².

В одном из отчетов Уральской областной прокуратуры от 29 марта 1927 года сообщается следующее.

Всего выдвиженцев 5 человек, из которых двое работали участковыми помощниками прокурора, а трое – камерными помощниками прокурора в окружных прокуратурах. Выдвиженцами в составе камерных помощников прокурора являлись:

1. Акатьев Григорий Тимофеевич. В Сарапульской окрпрокуратуре работал с 16 апреля 1926 года. До поступления в прокуратуру 7 лет работал рабочим (заготовщиком) на кожевенных заводах. В прокуратуру был выдвинут Сарапульским окружкомом ВКП (б).

2. Завьялов Иван Тихонович. В Челябинской окрпрокуратуре работал с 1 ноября 1925 года. До поступления в прокуратуру в течение 14 лет работал столяром. В прокуратуру был выдвинут Челябинским окружкомом ВКП (б).

3. Мартынов Константин Андреевич. В Щадринской окрпрокуратуре работал с 15 сентября 1926 года. До поступления в прокуратуру 10 лет работал слесарем. На работу в прокуратуру был выдвинут фракцией ВКП (б) Челябинского окрисполкома.

В составе участковых помощников прокуроров выдвинутыми являлись:

1. Дудинин Андрей Тихонович. В Челябинской прокуратуре работал с 15 декабря. До выдвижения в прокуратуру работал около 4 лет чернорабочим. Был выдвинут Челябинским окружкомом ВКП (б).

2. Шестаков Александр Федотович. В Пермской прокуратуре работал с 1 июня 1925 года. До выдвижения в прокуратуру в течение 13 лет работал токарем и слесарем на механических заводах. Был выдвинут Пермским окружкомом ВКП (б)³.

Были случаи выдвижения женщин на работу в органах юстиции. К примеру, в отчете для прокурора Уральской области фигурирует Е. И. Шабалина-Токарева, которая до выдвижения работала в качестве кассирши в Лысьвенском сельскохозяйственном товариществе, затем копиисткой в Ново-Лялинской заводской конторе. В 1920 году по выборам она была проведена членом волисполкома, затем стала заместителем заведующего информационно-инструкторским отделом Управления в городе Верхотурье, заместителем заведующего информационно-инструкторским отделом Свердловского губотдела, инструктором губженотдела, заведующим женотдела Тагильского окружкома ВКП (б) и заместителем секретаря Лысьвенского завкома. В 1925 году постановлением Пермского окружного комитета ВКП (б) была откомандирована в органы прокуратуры на долж-

ность участкового помощника прокурора. В дальнейшем в работе проявляла очень высокую активность⁴.

Все указанные лица были выдвинуты местными партийными организациями. Выбор был настолько удачен, что случаев возвращения выдвиженцев не было. Выдвиженцы составляли в среднем 4,1 % общего количества ответственных работников прокуратуры. Судя по материалам отчета, они проявляли активность и большой интерес. С работой прокуратуры выдвиженцы знакомились путем прикомандирования их к тому или иному камерному помощнику прокурора, при этом по мере ознакомления выдвиженца с одной отраслью работы, он переходил к следующему помощнику прокурора, работающему в другой отрасли. Выдвиженцы инструктировались окружным прокурором.

Органами юстиции была издана специальная инструкция о порядке прохождения практики выдвиженцами и другими начинающими работниками. По инструкции, выдвиженцы находились в течение от 3 до 5 месяцев на практике, затем заканчивали 2-месячные юридические курсы, по окончании которых командировались для работы на участки.

Выдвиженцами велась и общественно-политическая работа. Она проходила в форме выступлений на собраниях трудящихся, выполнения выборных обязанностей в общественных и политических организациях, хотя в сравнении со старыми специалистами выдвиженцы несли меньшую нагрузку. Это обстоятельство объяснялось недостатком знаний в области законодательства и более слабым общественно-политическим развитием.

В целях наиболее полной подготовки выдвиженцев посылали на соответствующие юридические курсы. После овладения необходимым опытом и знаниями их вовлекали в аппарат органов юстиции, откуда впоследствии они могли перемещаться на другую работу (на участок). Сразу назначать на участок выдвиженца было не целесообразно, так как от него с самого начала потребовалась бы самостоятельная работа, к которой он не был подготовлен; привлечение выдвиженца в аппарат органов, в силу специфичности условий его работы и характера функций, также не давало практиканту необходимых практических навыков⁵.

В сообщениях самих выдвиженцев содержалась информация об их отношении к работе в органах юстиции. К. А. Марты-

нов, работающий в Щадринской окружной прокуратуре в должности заместителя окружного прокурора, сообщал следующее: «Меня как выходца из рабочей массы не может не интересовать работа Прокуратуры как органа, строго наблюдающего за правильным и точным проведением в жизнь директив Советской власти среди трудящихся масс. И тем более борьба с разного рода нездоровыми и вредными явлениями, выступающими тормозом на пути социалистического строительства. Поэтому я больше всего интересуюсь отраслью работы Прокуратуры по борьбе с преступностью... В целях улучшения в Прокуратуре дела выдвижения считаю лучшим источником пополнения кадров работников Прокуратуры за счет непосредственного выдвижения рабочих с производства путем предварительного пропуска кандидатур через Институт общественного обвинения, дабы иметь заблаговременно возможность изучить всесторонне качества выдвигаемого товарища. При получении выдвигенца, прежде чем поставить его к самостоятельной работе, необходимо пропустить его через разные отрасли прокурорской работы путем прикрепления к отдельным работникам, имеющим достаточный опыт в работе Прокуратуры. Имея в виду, что поступающее лицо не имеет подготовки и знания в этой работе, желательно, чтобы такой товарищ попадал при первой возможности на специальные курсы, ибо... такой товарищ, становясь на участок при слабом знании, затирается в рутине, поскольку его знание окажется слабее других работников района, а из этого вывод один — он не сможет быть инициатором выправления линии в правильности проведения Революционной законности... В части улучшения работы аппарата Прокуратуры считаю, что таковая много на себя берет функций, не относящихся к прокурорской работе, в особенности по общему надзору, где при повседневной работе цели и задачи Прокуратуры расплываются на мелочи, где не только может быть нарушена революционная законность, но и имеет место нарушение взаимоотношений между разного рода учреждениями...»⁶

Выдвигенец, обращая внимание на отрицательные стороны в работе прокуратуры, имел в виду волокиту, которая стала хроническим заболеванием органов юстиции.

В сообщении камерного помощника прокурора И. Завьялова от 2 мая 1927 года освещается сам процесс выдвигенчества:

«Для меня как рабочего по профессии столяра с образованием одноклассной сельской школы прокурорская работа была совершенно новостью, так как до этого об этом, безусловно, не приходилось представлять и думать, хотя у меня к работе этого рода имелось желание, так как еще в 1919 году, заполняя партийную анкету, на вопрос, какая работа вас интересует, мной был дан ответ, что интересует судебная работа, не мысля, конечно, о работе прокурорской надзорной»⁷.

Таким образом, выдвиженец, направляясь в судебные органы, кроме желания работать в суде, ничего больше за плечами не имел.

Относительно руководства выдвиженцами в служебной записке сообщается следующее: «На первое время при поступлении в окрпрокуратуру мне дали недели две почитать некоторой юридической литературы. Затем я приступил к работе. Безусловно, приходилось трудно, потому что я не имел знаний по правовым вопросам. Разъяснения же получал от товарищей, работающих вместе, очень недостаточно, за исключением лишь того, когда сам обращался с вопросом, да и то иногда посылали от стола к столу. Что касается мероприятий, улучшающих в Прокуратуре дела выдвижения, считаю, что нужно каждого выдвиженца прикреплять к опытному Прокурору, который бы давал все возможные указания в работе, знакомил с техникой производства дел и т. д., а через некоторый период времени просил от него отчет о работе с выдвиженцем и о способности его в работе... Дальше считаю, что со стороны работающих вместе товарищей необходимо более товарищеское отношение к выдвиженцам, меньше бы начальственного тона, хотя бы на первое время. Это иногда отбивает всякое желание к работе. Я, например, работая в первое время, испытывал от некоторых товарищей подобные вещи и, конечно, с удовольствием хотел удрать с работы»⁸.

Выдвиженцы нуждались в руководстве и указаниях со стороны квалифицированных работников прокуратуры для того, чтобы в дальнейшем занять достойное место в кадровом составе того или иного судебного органа.

Из сообщения другого выдвиженца тоже звучит критика по поводу недостаточного руководства со стороны работников прокуратуры: «Работая по должности прокурора второй год, скажу, что полного охвата деталей работы придется еще добиваться.

При наличии соответствующего руководства со стороны Окружной и Областной Прокуратуры, которое еще требует некоторого упорядочения — работа прокурорского участка вполне сможет отразить настроение масс обслуживаемых населенных пунктов. По поводу руководства считаю нужным сообщить, что осуществление его путем заслушивания докладов и дачи обширных резолюций с расплывчатыми предложениями о поднятии или усилении той или иной отрасли работы не оправдывает себя в практической работе. Все пожелания, о которых обычно много говорится в таких случаях, в голове не укладываются, а прибегать к блокнотам и изучать резолюции — не всегда хватает времени»⁹.

Ссылаясь на недочеты, он предлагал в своем сообщении и пути выхода из данной сложившейся ситуации: «По моему мнению, в вопросе руководства со стороны Окружной Прокуратуры, необходимо усилить живую связь путем большего числа совместных с Участковым Прокурором обследований, проведения совещаний и совместной работы с командированным работником. Только в таком случае можно улучшить практическую подготовку Участковых Прокуроров. Кроме того, в практике работы встречаются моменты, связанные или с необходимостью для разрешения их иметь глубокие теоретические познания, или иметь особое классовое чутье. Не имея ни глубоких теоретических познаний, ни установившегося навыка в работе, нужных разъяснений от Окружной Прокуратуры добиться не всегда представляется возможным»¹⁰.

Из поступающих от выдвиженцев сообщений о руководстве со стороны органов юстиции можно сделать вывод, что у работников-выдвиженцев практически не было возможности совершенствоваться в теории и практике. Выдвинутые работники, по сути дела, были предоставлены сами себе. Никаких подсобных материалов для профессионального роста у них не было, а работа между тем требовала своего выполнения в рамках строгой революционной законности.

На работу в Уральские органы юстиции поступали и лица с юридической подготовкой. Для Уральской области из числа лиц, окончивших в 1927 году правовое отделение МГУ, НКЮ было выделено 5 человек: Крепышев, Павлов, Козлов, Варейкис и Тарасов. Согласно постановлениям СНК СССР от 14 июня 1926 го-

да и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 года, все органы юстиции обязаны были предоставлять места для платной практики учащимся высших учебных заведений и места для прохождения стажера лицам, окончившим полный курс высших учебных заведений по соответствующей специальности. Разверстка мест, стажера и практики по отдельным органам юстиции производилась НКЮ, а распределение мест — по нарядам Межведомственной комиссии при НКТ РСФСР. Прибывшие практиканты были назначены и распределены по округам: Козлов — в Златоустовский, Варейкис — в Челябинский, Тарасов — в Верхне-Камский, Павлов — в Сарапульский, Крепышев — в Свердловский.

В отношении всех этих выпускников областная прокуратура констатировала, что выбор и назначение их на прокурорскую работу оказались удачными, как с точки зрения их социального положения, партийности и индивидуальных качеств, так и со стороны возможности использования их на работе. ВУЗ дал им достаточную теоретическую подготовку, гарантирующую быструю ориентировку в работе и быстрое приобретение необходимых практических навыков. Вместе с тем, отсутствие предварительной практической подготовки и незнание текущего законодательства и основных ведомственных и руководящих указаний сильно сказывалось на продуктивности их работы. Наблюдались, например, случаи неумения практически действовать в процессе (резкость, ученический задор, недоучет конкретной обстановки)¹¹.

В целях проверки и изучения правильности использования практикантов и стажеров, обладающих хорошей теоретической подготовкой, Народный комиссариат юстиции просил периодически присылать о них сведения. Так, в отчетах прокуроров, направленных в центральные органы юстиции, давалась характеристика каждому практиканту и стажеру. К примеру, в одном из отчетов прокурора округа за 1928 год дается характеристика на Крепышева: «Крепышев по прибытии в распоряжение Свердловской Окружной Прокуратуры был назначен на сравнительно легкую работу в качестве помощника Прокурора при УКК, ведя одновременно судебный надзор по Уголовному процессу в отношении Нарсудов Округа. Теоретическая подготовка в данном разделе работы оказалась удовлетворительной. Грамотность Крепышева была слаба. Протесты составлялись иногда настолько не-

удачно, что нельзя было понять существа нарушений и оснований протеста. После нескольких месяцев практики дело пошло лучше. Думаю, что в Гражданском кодексе и по линии общего надзора Крепышеву будет работать труднее, так как при составлении деловых бумаг, постановлений и протестов требуется особая точность в формулировках. Что же касается понимания гражданского процесса по существу, таковое у Крепышева имеется. По общему надзору без длительной практики Крепышев пока работать не может, так как для этого требуется практическое знание общего законодательства»¹².

Вузовская практика являлась для практикантов недостаточной, что вызывало медлительность, обусловленную необходимостью изучения форм и методов работы прокуратуры и поднадзорных ей органов (дознание, следствие, суд, советский аппарат), а иногда и ошибки.

А каковы же были отношения выдвиженцев со старыми специалистами (т. н. спецами). Став Председателем Совнаркома РСФСР, В. И. Ленин реально был озадачен тем, что коммунистам-управленцам не хватало культуры. Поэтому он настойчиво советовал построить организацию так, чтобы во главе государственного устройства находились люди, имеющие государственный опыт¹³. В. И. Ленин требовал, чтобы «спецам, как особой социальной прослойке... впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении материальном и правовом»¹⁴. Однако в отношении В. И. Ленина к старой интеллигенции можно натолкнуться на прямо противоположные высказывания. Объяснение этому — интересы политики. Каковы были интересы большевистской политики, таково было и отношение к спецам. В этом контексте интеллигенция не являлась самостоятельной ценностью. Лестные слова в адрес интеллигенции, специалистов мгновенно обрывались, когда нужно было обосновывать проводимую партией очередную политическую линию. Здесь уже без обиняков заявлялось, что создается государство рабочих и крестьян¹⁵. Специалисты нужны были лишь на переходный период, чтобы научить выдвиженцев. Дальше никакой перспективы перед интеллигенцией советская власть не открывала. Поэтому старые специалисты не проявляли особого эн-

тузиазма в подготовке выдвиженцев — так называемой новой интеллигенции.

Переход от напряженной борьбы на внешних и внутренних фронтах во время Гражданской войны и НЭПа к мирному хозяйственному строительству заставил усилить контроль над юридической интеллигенцией и ввести учет кадрового состава органов суда с помощью анкет, которые настоятельно предлагалось заполнять всем судебным работникам лично и правдиво. В анкетах указывалось место службы, фамилия, имя, отчество, возраст, социальное положение и стаж работы. Особое внимание уделялось партийности. Работнику нужно было отметить, состоял ли он когда-нибудь в других партиях, подвергался ли преследованию за революционную деятельность, выполнял ли партийную работу. Также в анкетах указывались родной язык, знание других языков, образование, профессия до революции, семейное положение, адрес семьи, участие в боях и ранения. Дополнительно задавались вопросы, на которые нужно было ответить конкретно. К примеру:

1. Каков ваш взгляд на Советскую юстицию?
2. В чем различие суда пролетарского и буржуазного?
3. Каков необходим суд — классовый или надклассовый?
4. Какую роль должны выполнять суды на местах?¹⁶

Эти вопросы имели идеологическую подоплеку, и любой неверный ответ, расходившийся с партийными установками, мог сыграть злую шутку с человеком, особенно если он был интеллигентом или выходцем из интеллигентной семьи. В анкетах главный упор делался не на профессиональную компетенцию работника, а на его идеологическое прошлое и настоящее.

Классовая политика руководства во второй половине 1920-х годов резко усиливается и доводится до абсолюта в годы массовых репрессий. Она выростала из нежелания большевиков искать компромиссы с различными слоями населения, делить с ними управление страной. Большевики присвоили себе исключительное право на руководство страной, на единоличное представительство от ее имени. Сомневающиеся в этом люди безапелляционно причислялись к врагам советской власти, а их, видимо, было так много, что в 1928 году был сформулирован тезис об обострении классовой борьбы по мере развития социализма. Постепенно интеллигенция начинает терять свои посты. Государст-

во лишается работоспособных органов управления; в них появляются люди, готовые исполнять любые директивы и команды. Это позволяет ускорить закрепление господства партии над государством.

Сталинское руководство предпринимало весьма настойчивые меры для дискредитации интеллигенции в целом и государственных служащих в частности. У населения формировали представление, что в учреждениях засели бывшие эксплуататоры. С середины 1920-х годов постепенно начинает разрабатываться тема вредительства в госаппарате. В этом деле помощником партии становятся ОГПУ, Прокуратура и органы суда. «Особое совещание» слушало дела, как правило, при закрытых дверях, без участия сторон. Пролетарская юстиция докладывала «Особому совещанию» списки своих «клиентов» и заготовленные проекты «приговоров», которые впоследствии утверждались.

Подготовленная почва позволила партии открыто заявить о беспощадной борьбе с кадрами государственного аппарата. XV съезд ВКП (б) проявление невнимательности со стороны служащих к посетителям рекомендовал классифицировать как саботаж и преступление против советской власти и рассматривать их в судебном порядке. Официально и безоговорочно на всех уровнях стали говорить о вражеских элементах в госаппарате: реалии управленческой жизни — волокита, бюрократизм, грубое, невнимательное отношение к человеку — вызывали негодование среди населения. Отвечать за это должны были не коммунисты; они сумели перенести гнев трудящихся на специалистов и служащих, пришедших из дореволюционного аппарата. Обыденными стали факты, когда ни один из осужденных коммунистов не попадал в места заключения.

Таким образом, в 20-е годы XX века у представителей власти сформировалось представление о том, что интеллигенция опасна для них. В Коммунистической партии укоренилось высокомерное отношение к интеллигенции, стремление держать ее мысли и действия под своим жестким контролем. Органы суда не стали исключением и были подвержены репрессивной политике большевиков. Одним из средств в этой борьбе было выдвиженчество.

Примечания

- ¹ *Божанов В. А.* Восхождение к абсолютной власти : большевики и советское государство в 20-е годы. Минск, 2004. С. 119.
- ² Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 2259. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.
- ³ Там же. Д. 47. Л. 85—85 об.
- ⁴ Там же. Д. 46. Л. 115—115 об.
- ⁵ Там же. Д. 47. Л. 86—86 об.
- ⁶ Там же. Л. 94—95.
- ⁷ Там же. Л. 87.
- ⁸ Там же. Л. 88—89.
- ⁹ Там же. Л. 90.
- ¹⁰ Там же. Л. 90—91.
- ¹¹ Там же. Д. 48. Л. 77.
- ¹² Там же. Л. 74.
- ¹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 14.
- ¹⁴ Там же. Т. 44. С. 351.
- ¹⁵ Там же. Т. 35. С. 2.
- ¹⁶ Государственный архив Пермского края. Ф. Р.-697. Оп. 1. Д. 4. Л. 140.

ББК 63.3(2)634-283.2

С. А. Величко

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СИБИРИ И ВЫБОРЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР 1989 г. (25-летию событий посвящается)

Одно из обязательных условий прохождения демократического транзита — это введение выборов с заранее неизвестным результатом. За весь период существования СССР до 1988 г. не было альтернативных выборов. Всегда на 1 мандат баллотировался 1 кандидат, который при поддержке большинства проголосовавших успешно становился депутатом Совета того или иного

© Величко С. А., 2014

Величко Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Омского юридического института. velichko01@mail.ru

уровня. Впервые за всю историю Советского Союза 1 декабря 1988 г. был принят Закон СССР о выборах народных депутатов СССР, позволявший состязательность и выдвижение нескольких кандидатур на один мандат. Кроме того, допускалась широкая гласность работы по подготовке и проведению выборов; каждый кандидат мог иметь программу, доверенных лиц, возможность агитации. Воодушевленные такими нововведениями граждане нашей страны, и интеллигенция особенно, активно включились в политическую жизнь. Выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР прошло в атмосфере повышенной политической активности. На собраниях в трудовых коллективах для выдвижения в народные депутаты обсуждались обычно несколько кандидатур. Сами собрания проходили бурно, сопровождалась политическими дебатами. Представители интеллигенции были очень активны: именно с ними — грамотными и образованными людьми общественность связывала надежды на перемены в будущем.

Возросшая политическая активность избирателей Сибири была отмечена даже в ЦК КПСС. Дословно в секретном документе «Об основных итогах выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР» констатировалось следующее: «Наибольшее число в среднем на округ выдвинуто кандидатов в краях и областях Урала, Сибири и Дальнего Востока (6,9), наименьшее — в республиках, краях и областях Центрально-Черноземной зоны, Северного Кавказа и Закавказья (2,8). Наиболее активно и демократично прошло выдвижение кандидатов в народные депутаты в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской, Томской, Тюменской областях, Тувинской АССР. Во многих избирательных округах этих областей, краев и АССР было выдвинуто 6—8 и более кандидатов на округ»¹.

Наиболее активно выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР проходило в Новосибирской области, особенно в Новосибирском академгородке, где проживали ученые Сибирского отделения Российской академии наук, активно включившиеся в общественно-политическую жизнь в условиях перестройки. В среднем в Новосибирской области по каждому избирательному округу было выдвинуто 13 кандидатов в народные депутаты СССР; самое большое количество — по Кировскому территориально-избирательному округу (далее — ТИО) № 232 — 23 человека (это рекордное количество по Сибири)². В числе вы-

двинутых кандидатов — 27,7 % руководителей предприятий промышленности, сельского хозяйства, 16 % представителей науки и только 12 % рабочих, 3,5 % колхозников³.

В Томской области по трем ТИО был выдвинут 21 кандидат, это в среднем по 7 человек на округ. Из них рабочих оказалось всего три человека, служащих — 18 человек⁴.

В Кемеровской области было выдвинуто около 6 кандидатов на 1 мандат. Преобладающей категорией стали хозяйственные руководители, затем шли представители научной интеллигенции⁵.

Активно проходило выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР и в Восточной Сибири. Например, только по Ангарскому ТИО № 172 было выдвинуто 10 человек⁶, в Красноярском крае по 18 избирательным округам — 86 человек, в среднем около 5 человек на один мандат⁷.

В Омской области процесс выдвижения кандидатов в народные депутаты проходил с меньшей степенью активности: в среднем по 4 кандидатуры на округ. Однако были и исключения, например Советский избирательный округ № 238, где в предвыборной борьбе участвовало 14 претендентов. От научных учреждений было выдвинуто 6 кандидатур. Среди 34 кандидатов 20 человек имели высшее образование, в том числе 8 — с ученой степенью⁸. Следует отметить, что в Новосибирской и Омской областях было выдвинуто наименьшее в Сибири количество рабочих и колхозников⁹.

Электорат Сибири впервые в истории советских избирательных кампаний получил реальную возможность выбора — альтернативных кандидатов. В 73,4 % избирательных округов СССР впервые появилась возможность выбора¹⁰. По большинству избирательных округов Сибири также баллотировалось несколько кандидатов. Например, по шести территориальным и национально-территориальному округу Омской области из 34 претендентов были представлены к регистрации и зарегистрированы кандидатами в народные депутаты 14 человек (причем из них только 2 рабочих)¹¹.

Ленинский лозунг «Вся власть — Советам!» стал ведущим в эту избирательную кампанию. Но в новых исторических условиях он понимался иначе, нежели в 1917 г. В массовом сознании он воспринимался как необходимость изъятия власти у КПСС и

передачи ее Советам. Включение этого лозунга в программу баллотировавшегося кандидата делало его, благодаря особенностям психологии масс, чрезвычайно популярным. Этим объясняются причины успеха на выборах многих представителей интеллигенции: А. В. Минжуренко — заведующего кафедрой ОГПИ, С. С. Сулакшина — заведующего лабораторией Томского института ядерной физики, И. И. Ширококова — собственного корреспондента газеты «Восточно-Сибирская правда» и многих других, повторивших этот лозунг в своих предвыборных программах¹².

Предвыборные лозунги лидеров КПСС не вызывали такого повышенного интереса, несмотря на то что средства массовой информации много места и времени уделяли предвыборной агитации за партийных лидеров. Например, «Красноярский комсомолец» на развороте своих страниц поддержал первого секретаря крайкома КПСС О. С. Шенина, опубликовав 23 марта его предвыборную программу «У перестройки нет окраин».

Предвыборная борьба 1988—1989 гг. способствовала дальнейшей политизации населения, росту влияния неформальных общественных организаций. Некоторые из них возникли в ходе избирательной борьбы, например Народный фронт Тюмени¹³. В Томске в ходе избирательной кампании был создан Общественный комитет по выборам. Основная цель его деятельности — поддержка кандидата в народные депутаты СССР С. С. Сулакшина, не зарегистрированного окружным избирательным собранием¹⁴.

В период подготовки к выборам все чаще стала применяться такая мера воздействия на общественное мнение, как организация митингов и манифестаций. В Томске митинг по обсуждению изменений Конституции СССР и Закона о выборах, организованный Союзом содействия революционной перестройке, прошел 14 ноября 1988 г. Основная идея, которая была озвучена в выступлениях митингующих, — не допустить недемократических выборов, как это было при выдвижении кандидатов в делегаты XIX Всесоюзной партийной конференции¹⁵.

В Омске прошло два митинга: 25 декабря на стадионе «Трудовые резервы» под лозунгом: «Нет — бюрократическому произволу! Да — правовому демократическому государству!» На нем обсуждались вопросы создания новых общественно-политических объединений — городского клуба избирателей и

Омского народного фронта¹⁶. 19 марта 1989 г. состоялся митинг на мотодроме ДОСААФ, хотя первоначально члены оргкомитета требовали избрать местом его проведения более посещаемую общественностью зону отдыха «Зеленый остров». Несмотря на то, что горисполком рекомендовал отдаленный мотодром¹⁷, митинг собрал, по разным оценкам, около 2—3 тыс. человек. «Выберем перестройку!» — так определили суть его организаторы.

В целом избирательная кампания декабря 1988 — весны 1989 г. способствовала росту политической зрелости населения. Граждане Сибири активно включились в процесс выдвижения, агитации и поддержки кандидатов в народные депутаты СССР. Основным лозунгом избирательной кампании стал ленинский «Вся власть Советам!», что в условиях перестройки означало изъятие власти из рук партийных органов и передачу ее Советам. Поэтому во многих округах, где баллотировался кандидат, активно поддерживаемый партийными структурами, общественное движение стремилось выдвинуть альтернативную ему кандидатуру. В большинстве избирательных округов Сибири были альтернативные кандидаты. Каждый кандидат имел свою программу и группу поддержки — доверенных лиц, которые совершенно бескорыстно агитировали за него. В ходе избирательной кампании в Сибири создаются многие неформальные общественно-политические организации, самой крупной из которых стал Народный фронт Тюмени.

Итоги выборов народных депутатов СССР сторонники теории демократического транзита и модернизации называют «ошеломляющими»¹⁸. 26 марта 1989 г. не все граждане Сибири пришли на избирательные участки, т. к. КПСС перестала применять репрессивные рычаги к непроголосовавшим и обеспечивать явку 99,9 %. В Омской области в голосовании приняли участие 91,8 % избирателей¹⁹, в Алтайском крае — 87 %²⁰, в Томской области — 85,53 %²¹, Иркутской — 84,05 %²², в Красноярском крае — 82,44 %²³, в Новосибирской области — 80,95 %²⁴, Кемеровской — 80,35 %²⁵, Тюменской — 77,3 %²⁶.

В СССР 26 марта 1989 г. на выборы пришло 89,8 % избирателей, по РСФСР — 87 %²⁷. Таким образом, по итогам голосования Сибирь можно разделить на две зоны: территории, где процент участия в голосовании ниже, чем по РСФСР, — Томская,

Иркутская, Новосибирская, Кемеровская, Тюменская области, Красноярский край; и район, где процент проголосовавших такой же или выше, чем средний по РСФСР, — Алтайский край, Омская область. Первую зону можно назвать более политически активной — здесь больше процент проигнорировавших выборы. Как ни парадоксально в условиях перестройки, это было признаком политической активности и определенной гражданской позиции, поскольку после долгих лет диктата КПСС и принуждения к 99,9 % явке не прийти на выборы означало определенный акт гражданской смелости. Вторая зона (Алтайский край, Омская область) оказалась политически пассивнее, в территориях южнее зоне было более законопослушное население, привыкшее голосовать по старинке. Почему в Сибири можно выделить две такие зоны? Разница в количестве участвующих в голосовании объясняется разным социальным составом населения. Первая зона была более урбанизирована и промышленно развита, в социальной структуре преобладали представители интеллигенции, проявляющие большую политическую активность. Здесь раньше стали создаваться организационные структуры неформального движения.

Отсутствие соперника не помогало, а мешало многим первым секретарям победить на выборах. Из 11 первых секретарей обкомов и крайкомов КПСС Сибири избраны были только семь. Показатель критического отношения к руководству партии в Сибири был больше, чем в среднем по стране. Не избранными оказались 36 % первых секретарей обкомов и крайкомов Сибири. В целом по стране из 160 первых секретарей забаллотированы были 32 человека (20 %) ²⁸. Потерпели поражение лидеры Московской, Ленинградской, Киевской, Львовской, Минской и других партийных организаций. Политическая активность общественности и ее негативный настрой к аппарату очень сильно влияли на исход выборов. В Западной Сибири процент проигравших выборы среди первых секретарей был еще выше, чем средний по Сибири. Из шести первых секретарей забаллотированы были трое (50 %): Г. П. Богомяков — Тюменский обком КПСС, В. И. Зоркальцев — Томский обком КПСС, и даже А. Г. Мельников, который проходил по альтернативному округу — Кемеровский обком партии. В Восточной Сибири не стал народным депутатом первый секретарь Читинского обкома партии Н. И. Мальков.

В сельских же округах Новосибирской, Омской, Иркутской областей, в Алтайском и Красноярском краях, Тувинской и Бурятской АССР избиратели поддержали баллотировавшихся здесь первых секретарей. Это говорит о большей лояльности по отношению к партийным лидерам со стороны общественных движений этих регионов и о меньшем влиянии неформальных движений на общественное мнение. Но даже здесь положение партийных лидеров было шатким. Например, первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Ф. В. Попов прошел по Славгородскому ТИО № 72 с минимальным перевесом (56,25 % голосов).

Действительно ли партийные работники и хозяйственные руководители проиграли избирательную кампанию? Рассмотрим социальный состав кандидатов, проходивших по ТИО и НТИО, ставших народными депутатами СССР. Материалы Центральной избирательной комиссии позволяют это сделать. Данные о депутатском корпусе представителей сибирского региона представлены в таблице²⁹.

**Социальный состав народных депутатов СССР,
избранных весной 1989 г. по ТИО и НТИО**

Территория	Рабочие	Парт., сов. и хоз. рук-ли	Интелли- генция	Военные	Колхоз- ники
Алтайский край	2	6	1	2	3
Красноярск. кр.	4	3	1	1	2
Иркутская обл.	1	3	1	—	2
Кемеровск. обл.	—	1	6	—	2
Новосиб. обл.	2	2	2	2	1
Омская область	1	1	4	—	1
Томская обл.	1	—	2	—	—
Тюменская обл.	3	1	4	—	—
Читинская обл.	—	1	1	—	1
Бурятск. АССР	2	1	—	—	—
Тувинск. АССР	—	1	—	—	—
Сибирь — всего	16 (21,3 %)	20 (26,7 %)	22 (29,3 %)	5 (6,7 %)	12 (16 %)

Действительно, представители интеллигенции обошли по количеству представителей партийных, советских и хозяйственных руководителей. Затем шли представители аппарата, на треть-

ем месте — депутаты от рабочего класса, на четвертом — колхозники. Военные были в меньшинстве среди депутатов от Сибири, т. к. именно с ними общественность связывала образ карательной командно-административной машины. Очевидно, что в Сибири на выборах поддержали кандидатов более высокого социального положения: в большинстве округов Тюменской, Томской, Кемеровской и Омской областей среди депутатов преобладала интеллигенция. Кандидаты от КПСС, советские и хозяйственные руководители в большинстве округов выборы проиграли, как, например, в Томской области (среди депутатов нет ни одного представителя аппарата). Преобладали представители партийно-хозяйственного аппарата только среди депутатов от Иркутской области, Алтайского и Красноярского краев. В Тюменской области, Красноярском крае, традиционно рабочих регионах, они довольно-таки хорошо представлены среди народных депутатов. Но в Кузбассе, шахтерском крае, не оказалось ни одного рабочего. В целом представительство рабочих в депутатском корпусе от Сибири (21,3 %) выше, чем в среднем по СССР (18,6 %), но по сравнению с прошлыми выборами оно сократилось. В 1984 г. среди народных депутатов СССР от Сибири рабочих было 35,1 %³⁰. Особенностью Сибири оказалось и большее количество колхозников среди народных депутатов СССР (16 %), по СССР они составили лишь 11,2 % от всего депутатского корпуса. Однако следует отметить, что из 12 человек нет ни одного рядового колхозника, все они были руководителями колхозов и совхозов³¹.

В чем состояли причины победы интеллигенции на первых свободных советских выборах 1989 г.? Представители интеллигенции умели в условиях митинговой демократии наладить контакт с массами, обсудить и проанализировать на встречах с избирателями в трудовых коллективах и по месту с жительства актуальные политические вопросы. В 1989 г. впервые за советскую историю на выборах отходят от разнарядок — от обязательного превалирования в представительных органах рабочих и крестьян, соблюдения определенного процента представителей женщин и молодежи среди депутатов. На выборах 1989 г. победила та часть населения, которая является думающей и сомневающейся, которая стремится взять на себя ответственность за происходящие перемены, а именно — интеллигенция, которая могла и желала

возглавить процесс перестройки и придать реформам М. С. Горбачева широкое демократическое содержание вплоть до отказа от гегемонии КПСС в политическом процессе.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГА-НИ). Ф. 89. Оп. 30. Д. 7. Л. 1.
- ² Советская Сибирь. 1989. 1 февр.
- ³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 21. Л. 34.
- ⁴ Красное знамя. 1989. 5 февр.
- ⁵ Подсчитано по: Кузбасс. 1989. 26 янв.
- ⁶ Восточно-Сибирская правда. 1989. 2 февр.
- ⁷ Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (далее — ЦХИДНИКК). Ф. 26. Оп. 16. Д. 320. Л. 4.
- ⁸ Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. 17. Оп. 137. Д. 21. Л. 24 ; Д. 157. Л. 49, 50 ; Ф. 14. Оп. 38. Д. 1. Л. 11, 24.
- ⁹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 30. Д. 54. Л. 2.
- ¹⁰ Подсчитано по: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7522. Оп. 13. Д. 51. Л. 4, 10.
- ¹¹ ГИАОО. Ф. 17. Оп. 137. Д. 157. Л. 120.
- ¹² Вечерний Омск. 1989. 7 марта ; Молодежь Алтая. 1989. 28 апр. ; Кузбасс. 1989. 2 марта ; Тюменская правда. 1989. 21 марта ; Комсомолец Кузбасса. 1989. 16 февр. ; Тюменский комсомолец. 1989. 27 янв.
- ¹³ Тюменский комсомолец. 1989. 1 марта.
- ¹⁴ Красное знамя. 1989. 25 марта.
- ¹⁵ Томский областной центр документации новейшей истории (далее — ТОЦДНИ). Ф. 5825. Оп. 1. Д. 37. Л. 10, 12.
- ¹⁶ ГИАОО. Ф. 9623. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Ф. 9705. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, 4.
- ¹⁸ *Карл Т. Л., Шмиттер Ф.* Демократизация : концепты, постулаты, гипотезы : (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. № 4. С. 6—27 ; *Хантингтон С.* Третья волна : ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ в конце XX века. М., 2003. С. 189—192.
- ¹⁹ ГИАОО. Ф. 17. Оп. 137. Д. 21. Л. 28.
- ²⁰ Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. П-10. Оп. 86. Д. 6. Л. 38.
- ²¹ Красное знамя. 1989. 30 марта.

- ²² Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 127. Оп. 128. Д. 90. Л. 4.
- ²³ ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 16. Д. 320. Л. 4, 9—10.
- ²⁴ Советская Сибирь. 1989. 29 марта.
- ²⁵ Государственный архив Кемеровской области. Ф. П-75. Оп. 66. Д. 36. Л. 9.
- ²⁶ Тюменская правда. 1989. 13 мая.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 13. Д. 51. Л. 3.
- ²⁸ *Медведев В.* В команде Горбачева : взгляд изнутри. М., 1994. С. 85.
- ²⁹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 13. Д. 51. Л. 71—72.
- ³⁰ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 27. Л. 15.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 13. Д. 51. Л. 6.

ББК 63.3(7Сое)6-283.2

И. К. Лапшина, Е. Н. Ионова

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В КОНГРЕССЕ США: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ (1980—90-е годы)

В жизни и политике современного американского общества всё большее влияние приобретает латиноамериканское население. Это самая быстрорастущая демографическая группа США, где рождается уже третье поколение испаноязычных граждан. По сравнению с 2000 г. ее рост к 2010 г. составил 43 %, а численность достигла 16 % (50,5 млн) от общей численности населения страны и превысила количество афроамериканцев (12,6 %)¹. Не-

© Лапшина И. К., Ионова Е. Н., 2014

Лапшина Ирина Константиновна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой новой и новейшей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. lapshina.mni2012@yandex.ru

Ионова Екатерина Николаевна — аспирант кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка и методики преподавания иностранных языков. Kricity_en@mail.ru

случайно в ходе избирательных кампаний последних лет прослеживается тенденция всё более пристального внимания ведущих американских политических партий к этой группе электората. Испаноязычные граждане США начинают осознавать себя как силу, способную повлиять на социально-экономические и политические процессы, происходящие в стране. Развитие их политического самосознания ставит вопрос о защите своих прав и необходимости решения наиболее острых проблем, связанных с расовой дискриминацией при трудоустройстве, обучении и проживании в городах. В этом плане приобретает особое значение формирование политической интеллигенции, формулирующей и представляющей интересы латиносов в органах государственной власти США. Представители испаноязычных интеллектуальных кругов подчеркивают важность реализации требований латиноамериканцев через их продвижение в Конгрессе, достижения самоорганизации и политической идентификации².

Существует немало исследований по проблемам положения испаноязычного населения в США³, но всё же деятельность латиноамериканской интеллигенции в Конгрессе остается малоисследованной. Целью статьи является рассмотрение эволюции ее формирования и политического участия в законотворческом процессе, при этом особое внимание уделяется периоду 1980—90-х гг., когда закладывалась основа современного присутствия латиносов в законодательной ветви власти. Методологически для нас были важны положения, сформулированные А. Грамши в «Тюремных тетрадах», о роли политической партии в «укреплении связей между органической интеллигенцией определенной — а именно господствующей — группы и традиционной интеллигенцией» в подготовке «квалифицированных политических интеллигентов»⁴.

Увеличение числа испаноязычного населения, изменения в электоральном процессе, а также политическое объединение этой этнической группы на основе роста ее самовосприятия как части американского социума способствовали усилению ее влияния в сфере американской политики. Принятые в 1960—70-е гг. законы в области гражданских прав в сняли многие преграды (в частности, подушный налог и тест на грамотность), препятствовавшие латиносам, особенно мексикано-американцам Юго-Запада, участво-

вать в голосовании. Акт о правах голосующих 1975 г. повысил активность этнических меньшинств в избирательных кампаниях.

Всплеск национального самосознания латинос приходится на начало 1980-х гг., когда впервые на президентских выборах 1980 г. одним из возможных кандидатов от республиканской партии выступил представитель испаноязычного населения бизнесмен Бен Фернандес (Калифорния). Он повторил эту попытку в избирательной кампании 1984 г., но, как и бывший губернатор Миннесоты Г. Стэссен, проиграл Р. Рейгану, опередившему своих однопартийцев в борьбе за право быть кандидатом от партии на пост Президента с большим перевесом (84 %). Знаменательным также стало назначение в 1988 г. представителя латиноамериканского населения Лауро Кавазоса, президента Техасского технологического университета, руководителем правительственной Комиссии по образованию.

Испаноязычные правозащитные организации использовали разнообразные тактики, чтобы усилить присутствие латинос в органах государственной власти США. По данным Национальной ассоциации латиноамериканцев, в середине 1990-х гг. число латинос, избранных и назначенных на различного уровня государственные посты, включая муниципалитеты и школы, составило более 5 тыс. человек, из них около 2 тыс. женщин. Они были представлены в 35 штатах и в округе Колумбия. Наибольшая часть их сконцентрирована в пяти штатах Юго-Запада, а также в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Флориде и Иллинойсе. 70 % от общего числа приходилось на штаты Техас, Нью-Мексико и Калифорния⁵. В период с 1984 по 1994 г., с увеличением общего количества латинос в стране (53 %), рост испаноязычных представителей на государственных постах составил 48 %. В результате конец XX в. отмечен самой большой численностью представителей испаноязычной части населения на государственной службе.

Повышение численности латинос в различных регионах США позволило им расширить свое представительство и на Капитолии. Следует отметить, что традиция политического участия латинос в деятельности федерального законодательного органа, формирование латиноамериканской фракции в Конгрессе и, по сути, высшего слоя политической интеллигенции, имеет весьма

давние исторические корни. Они восходят к началу XIX в., когда в 1822—1823 гг. испаноязычный представитель от территории Флориды Жозеф Марион Эрнандес прошел в американский Конгресс. Калифорния, ставшая штатом в 1850 г., отправила в Капитолий своего первого конгрессмена от Республиканской партии Рамуальдо Пачеко. Он заседал там с 1877 по 1883 г. и первым из испаноязычных граждан был избран председателем одного из комитетов Конгресса.

Значительное увеличение фракции испаноязычных американцев в законодательной ветви власти произошло после испано-американской войны 1895—1898 гг. и последовавшей аннексии Соединенными Штатами Пуэрто-Рико. Из 17 испаноязычных конгрессменов, избранных в период с 1900 по 1960-е гг., 9 были представителями Пуэрто-Рико, правда, без права голоса. Их называли резидентами-комиссарами, и они боролись за получение островом большей независимости, за право создания собственной Конституции и право избрания губернатора Пуэрто-Рико⁶.

Территория Нью-Мексико, ставшая штатом в 1912 г., делегировала 6 членов Конгресса. В 1928 г. один из них — Октавиано Ларазолло от Республиканской партии — был избран в американский Сенат и стал первым испаноязычным сенатором. В 1936 г. демократ Дениз Чавез впервые был избран сенатором на полный срок и оставался в Капитолии более четверти века до конца жизни. За свою политическую карьеру он много сделал для испаноязычных американцев в США. В частности, в 1944 г. Д. Чавез стал инициатором кампании по борьбе с расовой дискриминацией при трудоустройстве. В 1964 г. Нью-Мексико делегировало другого латиноамериканского сенатора демократа Джозефа Мануэла Монтойю, представлявшего интересы штата вплоть до 1977 г. Техас отправил своего первого кандидата в Палату представителей демократа Генри Гонзалеса в 1961 г.⁷ Следует отметить, что присутствие испаноязычных американцев в Конгрессе США становится особенно заметным с 1960-х гг. Это объясняется не только постепенным повышением доли испаноязычного населения в стране, но и ростом доли этнических меньшинств среди электората по Закону о голосовании 1961 г.

Ключевыми для латиноамериканского населения являются штаты Юго-Запада США: Калифорния с долей испаноязычного населения 14,013 млн человек, Аризона — 1,895 млн, Техас — 9,461 млн, Флорида — 4,224 млн человек⁸. Эти штаты стали первыми, избравшими испаноязычных кандидатов, и именно от них проходит больше всего представителей латиносов в Конгресс. К примеру, за весь период в высший законодательный орган США от Калифорнии избиралось 20 конгрессменов-латиноамериканцев, от Нью-Мексико — 19, от Техаса — 17 и от Флориды — 8. К этой группе можно отнести и Пуэрто-Рико (19 конгрессменов). За ними следует штат Нью-Йорк с 4 представителями на Капитолии. В то же время на штаты Аризона, Колорадо, Айдахо, Иллинойс, Луизиана, Нью-Джерси и Вашингтон, взятые вместе, приходится 11 испаноязычных конгрессменов⁹.

Анализ биографических данных членов латиноамериканской фракции в Конгрессе 1980—90-х гг. показывает, что ее состав преимущественно включал лиц интеллигентных профессий. Это неудивительно, поскольку именно наиболее образованная, интеллектуально подготовленная и состоятельная часть испаноязычного населения могла взять на себя, говоря словами А. Грамши, «руководящую и организующую роль» по отстаиванию интересов латиносов в американской политике.

Многие конгрессмены-латиноамериканцы, будучи детьми иммигрантов из Мексики, Кубы, Португалии, рано начали работать, чтобы помогать своим семьям. Их путь в большую политику часто лежал через военную службу, поскольку она открывала возможность получить хорошее образование. Дослужившись до чина лейтенанта, они поступали в гражданские учебные заведения и впоследствии достаточно успешно продвигались по карьерной лестнице. Многие получали второе образование в юридических школах и магистратуре по бизнес-технологиям. Представители политической латиноамериканской интеллигенции трудились до избрания в Конгресс юристами в муниципальных органах власти, адвокатами частной практики, школьными учителями, журналистами, социальными работниками, страховыми агентами, продолжали семейный бизнес, работали в сфере высоких технологий и финансовой аналитики, в армии и военно-морском флоте

США, патрульными офицерами на мексикано-американской границе¹⁰. Многие добились высоких постов как в традиционных для политиков сферах юриспруденции и экономики, так и в других профессиях.

Представители латиноамериканской политической элиты 1980—90-х гг. обладали высоким уровнем образованности. Из 30 членов испаноязычной фракции в Конгрессе больше половины имели два высших образования. Подавляющее большинство испаноязычных членов Палаты представителей состава 1980—90-х гг. имели научные степени в разных отраслях знаний. К примеру, четверо конгрессменов были магистрами по деловому администрированию, двое — по политологии, двое — по международным отношениям, один — по компьютерным технологиям¹¹.

Особенностью латиноамериканской фракции является проявление сильных родственных связей, что видно на примере распределения мест в Палате представителей. Чарли Гонзалес (Д., Техас) сменил своего отца — Генри Б. Гонзалеса (Д., Техас), присутствовавшего там с 1961 по 1999 г. Бен Р. Лиуан (Д., Нью-Мексико) появился в нижней палате после завершения политической карьеры отца — Мануэля Лиуана-мл. (Р., Нью-Мексико, 1969—1989 гг.). Смена партийной принадлежности стала в данном случае скорее исключением для латиноамериканской политической элиты. Люсиль Ройбол-Аллард (Д., Калифорния) в 1993 г. заняла место своего отца — Эдварда Р. Ройбола (Д., Калифорния, 1963—1993 гг.). Часто старший политик уступает место своему преемнику, однако бывают случаи одновременного присутствия двух родственников в Палате представителей. Этому служит пример братьев Линколя и Марио Диаз-Балларт (оба Р., Флорида), тетья которых была первой женой Фиделя Кастро¹². Подобный nepотизм играет, на наш взгляд, определенную роль в обеспечении устойчивости и преемственности процесса формирования латиноамериканской политической элиты, привнося в него элемент замкнутости.

Любопытно, что партийные предпочтения испаноязычной политической интеллигенции определенным образом связаны со страной происхождения. В основе лежит тот факт, что мексикано-американцы и пуэрториканцы входят обычно в состав электро-

рата Демократической партии, а кубинцы составляют важный сегмент избирательной коалиции республиканцев. Очевидно, это связано как с особенностями исторически определившихся внутри- и внешнеполитических курсов ведущих партий, затрагивающих соответствующие диаспоры, так и с особенностями социального состава последних. В целом более состоятельные кубинцы тяготеют к более обеспеченному и консервативному электорату республиканцев, а менее имущие мексиканцы — к более либерально ориентированным в социальной политике демократам, что характерно для большинства «не белого» и менее обеспеченного населения США¹³. В обеих партиях, но в большей степени Демократической, испаноязычные лидеры и активисты существенно представлены на всех уровнях политической системы.

Относительно деятельности в Конгрессе, проведенный анализ выявил тенденцию к преобладанию латиноамериканских республиканцев в верхней палате Конгресса, а демократов — в нижней. Источники показывают, что за всю историю высшего законодательного органа власти в Палате представителей присутствовало 46 испаноязычных демократов и 20 республиканцев, среди них было 10 латиноамериканок, 8 из них представляли Демократическую партию и 2 — Республиканскую.

В период 1980—90-х гг. наблюдалось увеличение представителей латиноамериканцев преимущественно от Демократической партии (число испаноязычных республиканцев стало возрастать с 2009 г.)¹⁴. В составе фракции латиносов в этот период присутствовало 5 женщин: три от Калифорнии и по одной от штатов Нью-Йорк и Флорида. Интересы последнего защищала единственная среди них представительница Республиканской партии.

Необходимо отметить, что в 1980—90-е гг. в нижней палате Капитолия заседало 24 демократа и 6 республиканцев, в то время как в Сенате политики испаноязычного происхождения отсутствовали. Вследствие этого при проведении законопроектов, затрагивавших положение латиноамериканских граждан, заинтересованные группы могли рассчитывать в большей степени на поддержку нижней палаты Конгресса.

По мере расширения своего присутствия на Капитолии происходило организационное укрепление латиноамериканской

фракции. Знаменательным стало создание в декабре 1976 г. кокуса латинос в Палате представителей (Congressional Hispanic Caucus). Основателями явились конгрессмены от Демократической партии Герман Бадильо (Нью-Йорк), Бальтазар Коррадо дель Рио (Пуэрто-Рико), Кика де ла Гарза (Техас), Генри Б. Гонзалес (Техас), Эдвард Ройболом (Калифорния). Затем к ним присоединилась Ракель Маркез Франкел, известная как первая латиноамериканка, поступившая в юридический университет Нью-Мексико в 1947 г. Основу кокуса составили представители наиболее заселенных испаноязычными гражданами штатов: Калифорнии, Флориды, Техаса и Нью-Мексико, а также территорий Самоа, Пуэрто-Рико, Гуама и Виргинских островов.

Данная группа была создана с целью усиления влияния латиноамериканской диаспоры на федеральном уровне, повышения политического самосознания испаноязычных жителей США, мониторинга и обсуждения законопроектов, проходивших через Конгресс и отвечавших интересам латинос. В сферу ее внимания попали практически все аспекты законодательного процесса, имевшие отношение к испаноязычному сообществу. Для более основательной деятельности в ней выделились рабочие подгруппы по разработке отдельных вопросов и тактики поведения в отстаивании поддерживавшихся законодательных предложений. Латиноамериканская группа конгрессменов была открыта к сотрудничеству с другими общественными и политическими объединениями как внутри Конгресса, так и за его пределами. Она продолжает свою деятельность и сегодня: на 2013 г. в ней состоит 21 конгрессмен.

Изначально в испаноязычный кокус вошли представители от Демократической партии. Позднее, в 2003 г., республиканцы-латинос образовали свою группу, названную «Конференция испаноязычных представителей в Конгрессе» (Congressional Hispanic Conference). Целью этой организации, как и созданной демократами-латинос, было отстаивание интересов американцев испаноязычного происхождения, а также португальцев. При этом акцент в деятельности республиканского крыла латиноамериканской фракции в Капитолии был сделан на сокращение налогового бремени для испаноязычных и португальских владельцев предприятий малого бизнеса, насчитывавших около двух миллионов,

на предоставление возможности каждому американцу получить образование. Инициативы в социальной сфере встраивались республиканцами-латинос в общую социально-экономическую политику, проводившуюся Республиканской партией.

Во второй половине 1990-х гг. одним из разногласий между испаноязычными демократами и республиканцами стал вопрос о восстановлении отношений с Кубой. Против этого выступили три республиканца, входившие ранее в состав демократического кокуса латиноамериканцев в Конгрессе: мексикано-американец Генри Бонилла от Техаса, кубино-американцы от Флориды Элена Рос-Летинен и Линкольн Диаз-Баллард.

Все это свидетельствовало о наличии немаловажных идейно-политических расхождений внутри латиноамериканской политической фракции в законодательном органе власти. В ней выделились либералы-латинос, в большинстве — члены Демократической партии, и консерваторы-латинос — представители Республиканской партии. Республиканцы-латинос и сегодня занимают более жесткую позицию по иммиграционному законодательству, законам в отношении нелегалов, высказываются за чистоту английского языка и придерживаются теории ассимиляции латиноамериканцев в американскую культуру.

В 1980—90-е гг. наиболее острыми вопросами в деятельности латиноамериканской политической интеллигенции в Конгрессе оставались иммиграционное законодательство, положение испаноязычных граждан, отношение к нелегальным иммигрантам. В начале 1980-х гг. в США впервые с момента принятия Закона МакКаррена-Уолтера (1952 г.) была предпринята попытка реформировать иммиграционное законодательство¹⁵. С инициативой по усовершенствованию иммиграционной системы выступил в 1981 г. президент Р. Рейган¹⁶. Она предусматривала меры по сокращению потока нелегальных иммигрантов, наложение санкций на работодателей, использовавших их незаконный труд, предоставление легального статуса тем латинос, которые уже прожили в стране нелегально от 9 до 12 месяцев. Данные положения легли в основу законопроекта Сената (S 1200)¹⁷, который вызвал серьезные межпартийные разногласия. В ходе обсуждения на Капитолии именно Палата представителей, где присутствовали испаноязычные конгрессмены, не пропускала его в течение пяти лет.

Латиноамериканская фракция предприняла серьезные усилия по изъятию ряда неприемлемых для латинос пунктов в наиболее важном Законе об иммиграционной реформе и контроле, принятом в 1986 г. (Pub. L. 99—603). В ходе его обсуждения вновь самой спорной оказалась проблема легализации нелегально проживавших в стране испаноязычных граждан. В условиях их огромного наплыва большинство конгрессменов не поддержало первоначального предложения ввести для них амнистию, подчеркнув необходимость решить предварительно вопрос об усилении защиты границы и введении наказаний для работодателей за прием на работу нелегала. Последний момент вызвал особое противодействие испаноязычной оппозиции, полагавшей, что это могло привести к росту дискриминации по расовому признаку, и настаивавшей на немедленном введении программы легализации. В окончательном варианте принятый Закон включил компромиссное положение о предоставлении иммигранту статуса временного резидента в том случае, если он постоянно проживал на территории США до 1 января 1982 г. В течение 18 месяцев после этого он мог стать постоянным резидентом, если обладал минимальными знаниями английского языка и демонстрировал знание истории и государственного устройства Соединенных Штатов¹⁸.

Испаноязычная фракция также выступила против поправки к Закону 1986 г. о временных работниках в сельском хозяйстве, поскольку она напоминала программу «брасерос», проводившуюся совместно США и Мексикой в 1942—1964 гг. По этой программе в Соединенные Штаты могли въезжать неквалифицированные сезонные рабочие, что, с одной стороны, шло на пользу американским фермерам, использовавшим дешевую рабочую силу в военное время, а с другой — позволяло мексиканцам кормить семьи. Она была отменена ввиду того, что продемонстрировала свою несостоятельность.

В результате обсуждений не без усилий латиноамериканской фракции в Конгрессе был принят компромиссный вариант. Статус временного резидента предоставлялся 350 тыс. человек, занятым в сезонном сельскохозяйственном секторе. Для этого им было необходимо ежегодно подтверждать свою занятость в качестве сезонного работника как минимум в течение 90 дней за три года. На деле это было сделать крайне сложно.

В дальнейшем при обсуждении иммиграционного законодательства в 1990 г. основную критику латиноамериканской фракции вызвало предложение сенатора Алана К. Симпсона (Р., Вайоминг) расширить практику проверки водительских удостоверений на предмет их подлинности. Испаноязычные конгрессмены, среди которых были демократы от Калифорнии Эдвард Р. Ройбол и Эстабан Е. Торрес, считали, что данная инициатива являлась первым сигналом на пути введения идентификационных карт по всей стране. Вызывали озабоченность также потенциальные трудности, связанные с невозможностью переезда всех членов семей латиносов в Соединенные Штаты. Позиция испаноязычной группы не нашла достаточной поддержки и, несмотря на противодействие, законопроект был принят и подписан президентом Дж. Бушем-старшим 29 декабря 1990 г.¹⁹ Борьба по вопросам иммиграционного законодательства продолжилась в последующие годы.

Анализ деятельности латиноамериканской интеллигенции в Конгрессе США в последней трети XX в. позволяет говорить о постепенном организационном укреплении испаноязычной фракции и расширении ее политического участия в законодательном процессе. Происходящие в американском обществе демографические и электоральные изменения создают серьезную основу для дальнейшего роста влияния латиноамериканской интеллигенции в политическом процессе страны. Вместе с тем имеющиеся внутри данной группы идейно-политические разногласия, отражающие социально-классовые различия внутри испаноязычного сообщества, создают основу для возможного конфликта интересов и внутрифракционных разногласий, что затрудняет создание сильной единой оппозиции по этническому признаку.

Примечания

- ¹ Overview of Race and Hispanic Origin: 2010. 2010 Census Briefs. Issued March 2011. P. 3, 4. URL: <http://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-02.pdf>. (дата обращения: 16.06. 2013).
- ² *Gimenez Martha E.* LATINOS / HISPANICS...WHATNEXT! Some Reflections on the Politics of Identity in the U.S. // Cultural Logic : an electronic journal of Marxist theory and practice. 1998. Vol. 1. № 2. URL: <http://clogic.eserver.org/1-2/gimenez.html>. (дата обращения: 20.03. 2013).

- ³ Hispanics in the United States : an Agenda for the 21st Century. New Brunswick, 2007. URL: <http://books.google.ru/books?id=8WG7YLmeL9sC&pg=PA342&lpg...>; *Cornell D., Bratton W. W.* Deadweight costs and intrinsic wrongs of nativism: economics, freedom, and legal suppression of Spanish // *Cornell law review*. 1999. Vol. 84, № 3. P. 596—695; *Геевский И. А., Червоная С. А.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни США. М., 1985; *Чертина З. С.* Плави́льный котел? : парадигмы этнического развития в США. М., 2000; *Геевский И. А., Сетунский Н.* Американская мозаика. М., 1991; и др.
- ⁴ *Грамини А.* Тюремные тетради. URL: http://politology.vuzlib.org/book_o015_page_18.html (дата обращения: 21.09.2013).
- ⁵ Hispanics in the U. S. : an Agenda for the 21st century. URL: <http://books.google.ru/books?id=8WG7YLmeL9sC&pg=PA342&lpg...> (дата обращения: 24.09.2013).
- ⁶ Hispanic Americans in Congress, 1822—1995. URL: <http://www.loc.gov/tr/hispanic/congress/introduction.html#one> (дата обращения: 24.09.2013).
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Данные на 2012 г. URL: <http://www.hispanicvoters2012.com/#Demographics> (дата обращения: 24.09.2013).
- ⁹ List by Geographic Location. URL: <http://loc.gov/tr/hispanic/congress/geog.html> (дата обращения: 24.09.2013).
- ¹⁰ Hispanic Americans in Congress, 1822—1995.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² An Official Website of Mario Diaz-Balart URL: <http://http://mariodiazbalart.house.gov/> (дата обращения: 24.09.2013).
- ¹³ См.: *Латишина И. К.* Разделенное правление в постиндустриальном обществе США // *Вопросы истории*. 2006. № 10. С. 51, 53.
- ¹⁴ Hispanic Americans in Congress, 1822—1995.
- ¹⁵ Immigration and Nationality Act P.L. 82—414. URL: http://www.ssa.gov/OP_Home/comp2/F082-414.html (дата обращения: 22.09.2013).
- ¹⁶ Congress and the Nation. Vol. 6 : 1981—1984 : a Review of Government and Politics. Washington, D. C., 1985. P. 678.
- ¹⁷ Bill Summary and Status 99th Congress (1985—1986). S. 1200. URL: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/bdquery/z?d099:S1200> (дата обращения: 22.09.2013).
- ¹⁸ P. L. 99—603. Nov. 6. 1986. URL: <http://uscode.house.gov/statutes/1986/1986-099-0603.pdf> (дата обращения: 22.09.2013).
- ¹⁹ Congress and the Nation. Vol. 8. (1989—1992) : a Review of Government and Politics. Washington, D. C., 1993. P. 755.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

ББК 63.3(2)632-283.2

К. А. Полозова, А. А. Федотов

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРОВЕДЕНИИ АНТИЦЕРКОВНЫХ РЕПРЕССИЙ В 1958—1964 ГОДАХ

Антицерковные репрессии, проводимые по инициативе Н. С. Хрущёва в 1959—1964 гг., сопровождались усилением атеистической пропаганды. Она носила как идеологический, так и формальный, а еще чаще примитивный характер. Н. С. Хрущёв, дважды выступая на XXII съезде КПСС в 1961 году, оба раза касался вопросов борьбы с религией. «Коммунистическое воспитание, — говорил он, — предполагает освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий, которые всё еще мешают отдельным советским людям полностью проявить свои творческие силы.... Ведь не может духовное развитие человека проходить успешно, если голова его забита мистикой, суевериями, ложными представлениями»¹.

М. А. Суслов, один из главных идеологов атеизма того времени, называл религиозные настроения людей в ряду таких негативных общественных явлений, как тунеядство, пьянство, воровство, хулиганство, взяточничество. Он утверждал, что сосущество-

© Полозова К. А. Федотов А. А., 2014

Полозова Кристина Андреевна — аспирантка Шуйского филиала Ивановского государственного университета. ivanovomiu@yandex.ru

Федотов Алексей Александрович — доктор исторических наук, кандидат богословия, заместитель директора, профессор Ивановского филиала Института управления (Архангельск). ivanovomiu@yandex.ru

вание религиозного мировоззрения и социалистической идеологии «невозможно без предательства интересов коммунизма»².

Перед партийными организациями ставилась задача через 12—17 лет в соответствии с программой КПСС полностью освободить сознание советских людей от пережитков старого строя, в том числе и от религиозных предрассудков³.

Об уровне, на котором проводилась антирелигиозная пропаганда на местах, свидетельствуют следующие высказывания пропагандистов. На вопрос: «Какие меры вы считаете наиболее эффективными, чтобы улучшить постановку научно-атеистической пропаганды?» — 30 % анкетированных написали: «Закрывать Церкви». В городе Вязники Владимирской области секретарь горисполкома высказал такую мысль: «...а что если мы перед церковью под видом водопровода прокопаем канаву и на три года ее оставим, пусть верующие прыгают. Многие не смогут прыгать, меньше будет верующих»⁴.

Однако руководство страны понимало, что такой уровень атеистической пропаганды будет подрывать ее авторитет. Поэтому к ее проведению были привлечены самые широкие слои советской интеллигенции. Вводилось преподавание научного атеизма в высших учебных заведениях, создавались курсы для будущих лекторов научного атеизма. Принимались резолюции партийных и комсомольских конференций и собраний. Ивановская область — достаточно типична для Центральной России в этом вопросе. По публикациям ивановских областных газет «Рабочий край» и «Ленинец» нетрудно проследить основные тенденции атеистической пропаганды обозначенного временного периода.

Это и требования к индивидуальной «работе» с верующими, а в реальности — жесткому психологическому и административному давлению, в результате которого многие «отказывались» от своих взглядов. В статье партийной газеты «Рабочий край» говорилось: «К сожалению, в большинстве школ области научно-атеистическое воспитание учащихся в последние годы было поставлено неудовлетворительно. Решив, что в условиях социализма и постепенного перехода к коммунизму нет почвы для массового роста религиозных верований, многие учителя, несмотря на активизацию церковников, не использовали возможностей, даваемых программой, для настойчивого и повседневного воспита-

ния учащихся в духе воинствующего атеизма. Учительница Г. И. Якимова (Аньковская средняя школа), рассказывая на уроке в 6-м классе о христианстве, не показала учащимся его классового характера, не вскрыла реакционной роли религии в борьбе с наукой, революционным движением трудящихся»⁵.

Это и представление верующих людьми «второго сорта», и заявления о том, что верующая мать наносит непоправимый вред своим детям, и разжигание вражды и непонимания между родителями и детьми на почве отношения к религии. Преподаватель Ивановского педагогического института А. Галкина писала: «Религиозная мать, против собственной воли, причиняет огромный вред своим детям. Она воспитывает в них либо двоедушие, либо отчужденность от нашего общества, вместо того чтобы воспитывать в детях коллективизм, любознательность, искренность, смелость, она запугивает их Божьим гневом и адскими муками, советует не смеяться, не петь; больше думать о спасении души. Ребенок такой женщины рано или поздно должен будет сделать выбор между тем, чему учит мать, и тем, чему учит школа. Такой выбор никогда не проходит безболезненно. Ребенок либо теряет уважение к матери, либо утрачивает интерес к учебе. В обоих случаях страдают и мать, и ребенок, и семья, и общество»⁶.

Это и активное выискивание различного рода негатива в деятельности религиозных организаций, причем основной упор делался на недостойное поведение священнослужителей и прихожан, а еще в большей степени — на их заинтересованность получить «большие деньги» за то, что они «ничего не делают».

Между тем, авторы некоторых приводимых ниже атеистических публикаций противоречили сами себе. Например, как могли «припеваючи жить не работая» три монахини из публикации о почитаемом источнике, если, по словам автора, народа туда ходило немного, пожертвования представляли собой в основном мелочь... Возможно, на заработанную ими пенсию? Впрочем, не это интересовало автора статьи, завершавшего ее следующим выпадом: «Не странно ли всё это? Вблизи центра колхоза, где есть партийная организация, средняя школа, клуб, библиотека, большой отряд интеллигенции, среди белого дня шарлатаны устроили рассадник темноты и невежества. Пусть очень немного

посетителей “святого” ключика. Но разве не за каждого человека должны мы бороться, оберегая его от липких тенет мракобесия?»⁷

Шло также создание ажиотажа вокруг, возможно, и действительно нездоровых мистических проявлений религиозной жизни некоторых психически больных людей. Выдвигались требования сделать всё для изоляции от религии детей до 18 лет. Ивановская областная комсомольская газета «Ленинец» писала: «Комсомольцы должны взять под особый контроль детей, чтобы исключить малейшее влияние на них верующих. По законодательству СССР в религиозные объединения могут вступить граждане, лишь достигшие 18 лет»⁸. При этом смешивалось участие в деятельности религиозных объединений в качестве учредителей и право родителей на религиозное воспитание своих детей.

Делались попытки создания своего «коммунистического» «антирелигиозного» культа, на деле являвшегося возрождением примитивных форм языческой религии. Этому был посвящен цикл статей в газете «Ленинец». В одной из них говорилось: «Оружие из рук религии надо выбивать не рассуждениями о вреде религиозных обрядов, а прямым противопоставлением им наших советских обрядов. Это не только торжественная регистрация брака в сельском Совете, загсе, но и чествование ветеранов труда, старейших, это серебряная, золотая, комсомольско-молодежные свадьбы»⁹. Вторила этому и другая статья: «И не только надо отнимать у церкви народные обряды, но и создавать свои. Многие праздники входят в жизнь. В Иванове, Тейкове, Шуе стало традицией проводить праздник вручения первого паспорта. На Ивановском меланжевом комбинате родился обычай посвящения в рабочие. А на кинешемском “Электроконтакте” проводят “День первой полочки”. Во всех райкомах и горкомах ВЛКСМ области проходят праздники вручения комсомольского билета. Обычаем стало торжество после окончания школы, вуза. Если обряд не эстетичен, не своеобразен, то он не будет жить, вся его сила пропадает. Дело драматургов, режиссеров, писателей создать сценарии обрядов. Ведь обряд в известном роде — массовое театральное действие. И кому, как не им, написать его? Написать такой, чтобы он был красивее церковного, соответствовал духу времени»¹⁰. Третья статья подводила итоги — каким должно быть содержание этих новых обрядов:

«Но главное — надо в любой праздник, имеющийся или создаваемый, вложить идею; идею нашу, коммунистическую, революционную, и приложить максимум творческой инициативы, изобретательности, выдумки, чтобы идейное содержание и эмоциональная форма дополняли друг друга, удовлетворяли советских людей и воспитывали их»¹¹.

Художественная литература того времени рисовала достаточно неприглядный образ священника. Это либо спившийся беспринципный старик, либо молодой человек, сам не понимающий, зачем попал в Церковь, испортивший себе этим жизнь.

Так один из героев книги М. Алексеева «Хлеб — имя существительное» (1961—1963) «попик... дряхленький, поддерживаемый под руку, он поет что-то, а закончив петь, угощается, выпивает чарку. Через некоторое время голос его, и без того слабый и немощный, становится еле слышным, а потом и вовсе неразличимым. На синем сморщенном лице четко выделяется большой, красный, увлажнившийся от холода и великого усердия нос. На общую панихиду попа уже не хватает»¹².

Не могут вызвать сочувствия у читателя и священники — герои книги Г. Никифорова «Попадья» (1964). Один из них, отец Василий, говорит секретарю партийной организации: «Ведь я сам безбожник и людей от церкви отвадил. Я бы, по своему разумению, от сана отрекся, да ведь нужда заставляет»¹³. Другой, отец Алексей, не поступил в консерваторию, «не мог найти себе места в жизни. Беспечным шалопаем болтался по большому городу, прожигал жизнь вместе с такими же неудачниками. В пасхальную ночь случайно, ради обыкновенного любопытства, попал в церковь»¹⁴. Как он говорит, красота богослужения подвигла его к поступлению в семинарию и принятию сана. Однако он не встречает понимания у окружающих; женившись на атеистке-комсомолке, он в результате теряет семью и сам ломается как личность.

Не является примером для подражания и герой повести В. Тендрякова «Чудотворная» (1958) о. Дмитрий — «старичок с дедовски мутноватыми глазками, сочными губами, любящий, верно, мягкую постель, хороший стол, представитель обреченного на вымирание, но не желающего вымирать племени. Этот батюшка не только хорошо уживается с советскими законами, он ладит и с современными взглядами на жизнь. Попробуй-ка его

копнуть: он и за прогресс и за мир во всем мире, с первого же толчка готов верно кричать “анафему” зарубежному капиталу»¹⁵.

Но в это же время среди интеллигенции были и другие люди, не боявшиеся несмотря ни на что выступать в защиту гонимой Церкви. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский, опубликовавший в Париже рукопись советского педагога и защитника веры А. Э. Левитина-Шаврова, в предисловии к этой работе так характеризует общественное движение в России в защиту Церкви в этот период: «Это писатели, не имеющие надежды быть напечатанными в СССР, пишут свои обращения, опровержения, “ответы” и “письма в редакцию” разных периодических советских изданий. Эти сочинения другими переписываются и открыто в СССР распространяются среди верующих, а также направляются и к неверующим и к властям страны.

...Левитин хочет не только свободы для верующих людей, он хотел бы свободы и для атеистов, правильно замечая, что “у нас в стране и атеизм не свободен”. Казенный, принудительный и привилегированный, свыше насаждаемый атеизм так же не может быть свободным проявлением человеческого духа, как и казенная религия. И вот — верующие в Бога люди, защищая свободу веры, требуют и свободы выражения для атеизма...»¹⁶

А. Левитин-Шавров, прекрасный полемист, отвечая на бездарное описание одним из советских атеистических писателей крестного хода¹⁷, говорит, что оно столь же близко к действительности, как следующее представление о симфоническом концерте: «Представьте себе такое описание: “Прихожу я в огромный зал. Сидит людей видимо-невидимо. И все хорошо одетые, настроение у них праздничное, радостное. Чему радуются — непонятно. Но вот показался какой-то лысый, в длиннополом черном хвостатом пиджаке. Взмахнул какой-то палкой. И послышался откуда-то снизу оглушительный шум. Взглянул туда — баяшки, что такое: в какие-то трубы трубят, по какому-то сундуку (барабаном называется) стучают, один какой-то как пилой на продолговатой штуке все пилит, пилит, никак не перепилит. А люди обалдело слушают этот невообразимый шум, а потом точно сумасшедшие принялись в ладони бить”»¹⁸.

В другой своей статье А. Левитин пишет о том, что было время, когда атеизм исповедовали действительно убежденные в

нем люди, и он мог, будучи ошибочным, играть прогрессивную роль. Он противопоставляет этих атеистов современным ему советским антирелигиозным деятелям, которые, по его словам, «выступают как профессиональные доносчики, разжигают антирелигиозный фанатизм и клеветуют на христианство»¹⁹.

Впрочем, не все священнослужители Русской Православной Церкви поддерживали идеи А. Левитина; многие осуждали его за участие в прошлом в обновленческом расколе. Один протоиерей направил письмо архиепископу Иоанну, где критиковал его за публикацию трудов А. Э. Левитина, которые охарактеризовал следующим образом: «Его писанина просто возмутительна, так как она косвенно играет на руку врагам нашей веры, ведет к раздиранию “Нешвенного Хитона” Христова, к расколу. Видимо, этого ищет мятежный дух Левитина»²⁰. Однако архиепископ Иоанн так возразил ему: «Не против Левитина и им подобных надо нам, пастырям, сейчас направлять свои стрелы и обличения... братски относиться надо к тому, кто по существу все же “ходит с нами” и даже выражает “на кровлях” ту веру, которую мы иногда “шепчем лишь на ухо” своему народу»²¹. Впрочем, таких примеров выступления представителя интеллигенции в защиту гонимой в СССР религии было немного.

Позиция интеллигенции в данном вопросе может быть лучше понята в контексте существовавшего в это время в Советском Союзе законодательства, регулирующего религиозную сферу, и его практического воплощения в жизнь. Основными направлениями антицерковных репрессий, организованных Н. С. Хрущёвым в 1958—1964 гг., было закрытие храмов, усиление атеистической пропаганды, приходская реформа, задача которой заключалась в отстранении священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности приходов, проведении единовременного учета и создании при райисполкомах комиссий по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах, с целью ужесточения контроля за всеми сторонами жизни религиозных объединений и частной религиозной жизни граждан.

Законодательная база антицерковной политики противоречива. С одной стороны — это возвращение к положениям постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г., которое к 1958 г. хотя и не было отменено, но по некото-

рым вопросам противоречило другим более поздним государственным актам, в том числе Конституции СССР 1936 г. Среди таких противоречий можно отметить запрет священнослужителям быть в числе учредителей приходов. Если в 1929 г. это объяснялось тем, что они лишены избирательных прав, то в 1958 г. для придания такому ограничению прав легитимности понадобилось решение Архиерейского Собора, которое было принято под государственным нажимом в 1961 г. Другое противоречие заключалось в очередной попытке разрушения иерархического строя Церкви — сделать каждый приход независимым в отношениях с государственной властью. При этом сохранялся общесоюзный государственный орган исполнительной власти — Совет по делам русской православной церкви... Хотя новых законодательных актов, регулирующих религиозную сферу, принято не было, постановления ЦК партии и Совета Министров были направлены на возвращение к положениям постановления 1929 г., фактически утратившего свою силу в послевоенный период, но юридически не отмененного. Именно оно, хотя и с некоторыми поправками, оставалось основным законодательным актом, регулирующим религиозную сферу в стране вплоть до 1990 г.

Поскольку одновременно заявлялось о проведении демократизации жизни в стране, то антицерковным акциям 1958—1964 гг. необходима была и мощная идеологическая поддержка со стороны советской интеллигенции.

Противоречия между существующими жесткими законодательными актами и практикой их применения не могли не возмущать думающих людей, в первую очередь представителей интеллигенции. Свидетельством этому стало появление в СССР, вскоре после отставки Н. С. Хрущёва, уже достаточно серьезного, хотя в целом и стихийного диссидентского движения.

Примечания

¹ Цит. по: Федотов А. Первый этап антицерковных репрессий Н. С. Хрущёва (1958—1961 гг.). URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2013/12/26/pervyj_etap_anticerkovnyh_repressij_ns_hruveva_19581961_gg/ (дата обращения: 26.12.2013).

² Суслов М. А. XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук // Коммунист. 1962. № 3. С. 38.

- ³ *Ильичев Л. Ф.* Формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание // Там же. № 1. С. 24—46.
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 606. Оп. 4. Д. 10. Л. 20.
- ⁵ *Курова А.* Атеистическое воспитание — составная часть идеологической работы // Рабочий край. 1959. 13 февр.
- ⁶ *Галкина А.* Как религия отнимает счастье у женщин // Там же. 1960. 3 марта.
- ⁷ *Поляк Л.* «Святой» источник // Там же. 1959. 4 авг.
- ⁸ *Мудров А.* О свободе совести // Ленинец. 1962. 22 авг.
- ⁹ *Лившиц Б.* О церковных обрядах и комсомольской инициативе // Там же. 1964. 19 апр.
- ¹⁰ *Бледнова А.* Комсомольским обрядам жить // Там же. 24 мая.
- ¹¹ *Лопаткин Р.* Главное в празднике — идея // Там же. 20 июня.
- ¹² *Алексеев М.* Хлеб — имя существительное. М., 1981. С. 383—384.
- ¹³ *Никифоров Г.* Попадья. Ярославль, 1971. С. 24.
- ¹⁴ Там же. С. 65.
- ¹⁵ См.: *Тендряков В.* Апостольская командировка. М., 1984. С. 56, 60.
- ¹⁶ См.: Защита веры в СССР. Париж, 1966. С. 6—8.
- ¹⁷ *Геродник Г.* Правда о Псково-Печерском монастыре. М., 1963.
- ¹⁸ Защита веры в СССР. С. 59—60.
- ¹⁹ Диалог с церковной Россией. Париж, 1967. С. 111—112.
- ²⁰ Там же. С. 13.
- ²¹ Там же. С. 17—18.

АННОТАЦИИ

«За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...» (Интервью *Е. М. Раскатовой* с *В. С. Меметовым*)

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентоведение, интеллигентоведы, гуманитарные исследования, историческая наука, теория и методология.

В беседе затрагивается широкий круг вопросов, среди них: проблемы развития современного интеллигентоведения, методологические аспекты изучения интеллигенции. В. С. Меметов подробно рассказывает о своем становлении как ученого и исследователя, поворотных моментах судьбы, о людях, окружавших его в разные периоды. Интервью приурочено к 75-летию юбилею ученого.

Межвузовские научные центры в интеллектуальном и образовательном пространстве постсоветской России (Материалы круглого стола)

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентоведение, гуманитарные исследования, Межвузовские научные центры, теория и методология.

Представлен широкий спектр мнений ведущих ученых интеллигентоведов по проблемам истории, развития, места и роли Межвузовских научных центров. Круглый стол был организован доктором исторических наук, профессором Е. М. Раскатовой и прошел в редакции журнала «Интеллигенция и мир». В нем принимали участие широко известные специалисты, занимающиеся изучением генезиса, становления, развития и деятельности интеллигенции. Особо отмечался вклад в развитие интеллигентоведения доктора исторических наук, профессора В. С. Меметова.

Будник Г. А. Пространство творчества (к 20-летию Проблемного Совета «Интеллигенция, культура и власть» и Межвузовского Центра РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества»)

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентоведение, гуманитарные науки, Проблемный Совет, Межвузовский центр, научно-теоретические конференции.

Освещается история создания и деятельности Проблемного Совета «Интеллигенция, культура и власть» и Межвузовского центра проблем интеллигенции. Отмечается вклад в их работу В. С. Меметова, анализируется участие его коллег — интеллигентоведов различных годов России.

Солодовниченко Л. Я., Шмельфениг О. В. Комплексный феномен школы интеллигентоведения профессора В. С. Меметова

Ключевые понятия: интеллигенция, провинциальная интеллигенция, духовность, духовные традиции, мировоззрение, глобализация, интеграция, наука, религия, информационные технологии, образование, кризис, стратегии развития, модели мира.

К 25-летию юбилею проведения на базе Ивановского государственного университета Международных научных конференций по интеллигентоведению рассматривается в целом сложный комплексный феномен научного направления и школы, созданных профессором В. С. Меметовым. Проанализировано 10 сборников конференций (2004—2013). Выделены следующие направления: роль провинциальной интеллигенции для судеб России; духовные традиции как основа единого глобального мира и типология духовности; интеграция религии и науки; сфера виртуального и информационные технологии как характерное свойство нового глобального мира; кризисы в эпоху глобализации; стратегия глобального развития на основе различных картин (моделей) мира.

Меметов В. С., Комиссаров В. В. Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций

Ключевые понятия: интеллигенция, социалистическая интеллигенция, историография, социoproфессиональный подход, марксизм, научно-техническая революция.

Анализируется советский этап историографии интеллигенции, отмечаются некоторые особенности исследовательской и справочной литературы того периода, уточняются отдельные понятия и положения.

Соловьёв А. А. Земская интеллигенция Верхнего Поволжья в деле создания общественных публичных библиотек во второй половине XIX — начале XX века

Ключевые понятия: земская интеллигенция, общественные библиотеки, история библиотек, просветительская деятельность, Верхнее Поволжье.

Исследуется культурно-просветительская деятельность земской библиотечной интеллигенции Верхнего Поволжья на примере трех ее ярких представителей — Ф. К. Опочинина, М. М. Калинина и В. А. Пазухина. На основе печатных отчетов читален и архивных документов показана роль интеллигенции по созданию общественных публичных библиотек в городах Верхнего Поволжья. Анализируются основные статистические показатели работы читален и их влияние на местное население.

Пестерев Е. В., Кондрашёва М. И. Выдвиженчество как проблема в работе уральских органов юстиции в 20-е годы XX века

Ключевые понятия: юридическая интеллигенция, уральские органы юстиции, выдвиженчество, интеллигенция и власть.

На основе анализа архивных источников и научной литературы выявляются наиболее значимые проблемы юридической интеллигенции Урала. Раскрывается сущность, проблемы, роль и значение выдвиженчества в становлении и развитии советских органов юстиции. В центре внимания авторов усилия партийного аппарата по привлечению рабочих в судебную систему молодого государства. Освещаются вопросы подготовки бывших рабочих к новому для них виду деятельности, а также их отношения со старыми специалистами. Обосновывается вывод о том, что в 20-е годы XX века у представителей власти укоренилось высокомерное отношение к старой юридической интеллигенции.

Величко С. А. Интеллигенция Сибири и выборы народных депутатов СССР 1989 г. (25-летию событий посвящается)

Ключевые понятия: перестройка, интеллигенция, демократизация, монополия на власть, общественное движение.

Освещается политическая борьба в сибирском регионе во время выборов народных депутатов СССР в 1989 г. Большое внимание уделено анализу ведущей роли интеллигенции в этом процессе. Рассмотрены причины ее успеха на выборах народных депутатов СССР в 1989 г.

Лапина И. К., Ионова Е. Н. Латиноамериканская интеллигенция в Конгрессе США: эволюция политического участия (1980—90-е годы)

Ключевые понятия: США, латиноамериканская интеллигенция, испаноязычное население, Конгресс, латинос.

Исследуется деятельность представителей латиноамериканской интеллигенции в Конгрессе США. Раскрываются состав и социально-политическая характеристика данной группы, ее вклад в законотворчество, затрагивающее интересы латиноамериканского населения. Основное внимание уделено законодательству в сфере иммиграционной политики.

Полозова К. А., Федотов А. А. Роль интеллигенции в проведении антицерковных репрессий в 1958—1964 годах

Ключевые понятия: Русская Православная Церковь, интеллигенция, антицерковные репрессии, атеизм, законодательство, религия, пропаганда, идеология.

Рассматривается роль интеллигенции в инициированных Н. С. Хрущевым антицерковных репрессиях в СССР в 1958—1964 гг. Выявляются причины появления в СССР, вскоре после отставки Н. С. Хрущева, уже достаточно серьезного, хотя в целом и стихийного диссидентского движения.

Васильев Н. Н. Трансформация мировоззренческих ориентиров научно-технической интеллигенции на рубеже веков

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научно-техническая революция, научно-техническая интеллигенция, мировоззренческие ориентиры, космизм, общинность.

Анализируются особенности мировоззрения научно-технической интеллигенции во второй половине XX века и характер его изменения на рубеже веков в связи с ментальными и цивилизационными особенностями русской интеллигенции. Обсуждаются возможные перспективы духовного развития российского общества. Выявляются исторические и социальные основания для особой роли и ответственности провинциальной интеллигенции.

ANNOTATIONS

«Over these years several generations of the intelligentsia researchers have formed...» (*E. M. Raskatova* interviews *V. S. Memetov*)

Key notions: intelligentsia, intelligentsia studies, intelligentsia researchers, the humanities, historical science, theory and methodology.

The interview covers a wide range of issues, such as the modern intelligentsia studies problems of development, methodological aspects of the intelligentsia studies. V. S. Memetov tells about his formation as the scientist and the researcher, about the turning points in his life, about people who have surrounded him during the various periods of his life. The interview is timed to the seventy-fifth anniversary of the scientist.

Inter-University scientific centers in the intellectual and educational sphere of the Post-Soviet Russia (Round table materials)

Key notions: intelligentsia, intelligentsia studies, the humanities, Inter-University scientific centers, theory and methodology.

The material includes a wide range of the opinions of the leading intelligentsia researchers on the problems of history, development, the place and the role of Inter-University scientific centers. The Round table was organized by the Prof. E. M. Raskatova and was held in the editorial office of «Intelligentsia i mir» journal. The well-known researchers of the intelligentsia genesis, formation, development, and activities participated in the Round table. The Prof. V. S. Memetov's contribution to the intelligentsia studies development was emphasized.

Budnik G. A. The area of creation (on the twentieth anniversary of the Problem Council «Intelligentsia. Culture. Power», and the Inter-University Center of the Russian Federation «Political culture of the intelligentsia, its place and role in the history of the Fatherland»)

Key notions: intelligentsia, intelligentsia studies, the humanities, the Problem Council, the Inter-University Center, scientific and theoretical conferences.

The article covers the history of foundation and activities of the Problem Council «Intelligentsia, culture, and the authorities», and the Inter-University Center of the intelligentsia studies. V. S. Memetov's contribution to their work is mentioned, the work of his colleagues, intelligentsia researchers from various Russian cities is analyzed.

Solodovnichenko L. Y., Shimelfenig O. V. The complex phenomenon of the intelligentsia studies school of Prof. V. S. Memetov

Key notions: intelligentsia, provincial intelligentsia, spirituality, spiritual traditions, world view, globalization, integration, science, religion, information technology, education, crisis, development strategies, models of the world.

The article is timed to the twenty-fifth anniversary since the first organization of international scientific conference on the issues of the intelligentsia studies on the base of Ivanovo State University. The authors consider the complex phenomenon of the scientific school founded by Prof. V. S. Memetov. 10 collections of the conferences work materials (2004—2013) are analyzed. The following directions are marked out: the role of provincial intelligentsia in the destinies of Russia; spiritual traditions as the basement of the common global world, and the typology of spirituality; integration of religion and science; the sphere of the virtual and the information technology as the key feature of the new global world; crises in the epoch of globalization; global development strategy on the base of various world models.

Memetov V. S., Komissarov V. V. The Soviet intelligentsia in the Soviet historiography: the problem of definitions

Key notions: intelligentsia, socialist intelligentsia, historiography, social and professional approach, Marxism, the Scientific-technical revolution.

The article analyses the Soviet stage of the intelligentsia historiography, points out several peculiarities of the scientific and reference literature of that period of history, specifies certain notions and provisions.

Soloviev A. A. The intelligentsia of Zemstvo of the Upper Volga region and its role in the public libraries opening in the late XIX — the early XX centuries

Key notions: intelligentsia of Zemstvo, public libraries, history of libraries, educational activities, the Upper Volga region.

The article considers the cultural and educational activities of the library intelligentsia of Zemstvo in the Upper Volga region on the example of its three outstanding representatives — F. K. Opochinin, M. M. Kalinin, and V. A. Pazukhin. The role of intelligentsia in the public libraries opening in the towns of the Upper Volga region is studied on the base of the printed athenaeum reports and the archive documents. The key statistic indices of the libraries work, and their influence on the local population are analyzed.

Pesterev E. V., Kondrashova M. I. The system of the workers nomination on the senior authority positions («vidvizhenchestvo») as a problem in the work of justice agencies of the Ural region in the 1920s

Key notions: juridical intelligentsia, justice agencies of the Ural region, «vidvizhenchestvo», intelligentsia and the authorities.

The article reveals the most urgent problems of the juridical intelligentsia of the Ural region on the base of the archive resources and the scientific literature. The article discloses the essence, the problems, and the role of «vidvizhenchestvo» in the formation and development of the Soviet justice agencies. The authors focus their attention on the party apparat efforts to the involvement of the workers in the judicial system of the young state. The issues of the workers preparations for the new activities, and their relations with the old specialists are described in the article. The conclusion is made that in 1920s an arrogant attitude of the authority representatives towards an old juridical intelligentsia was formed.

Velichko S. A. Intelligentsia in Siberia and the people's deputies elections in the USSR in 1989 (to the twenty-fifth anniversary of those events)

Key notions: perestroika, intelligentsia, democratization, monopoly on power, social movement.

The article covers the political struggle in the region of Siberia during the people's deputies of the USSR elections in 1989. The special attention is paid to the analyses of the leading role of intelligentsia in this process. The reasons of its success in the elections are considered.

Lapshina I. K., Ionova E. N. The Latin American intelligentsia in the United States Congress: evolution of the political participation (1980—1990s)

Key notions: the USA, Latin American intelligentsia, Spanish-speaking population, the Congress, Latino.

The authors research the Latin American intelligentsia activities in the United States Congress. The structure and the social and political features of this group, its contribution to the law-making process affecting the interests of the Latin American population, are revealed. The main attention is paid to the immigration law.

Polozova K. A., Fedotov A. A. The role of intelligentsia in the repressions against the church in 1958—1964

Key notions: Russian Orthodox Church, intelligentsia, repressions against church, atheism, legislation, religion, propaganda, ideology.

The article considers the role of intelligentsia in the repressions against church initiated by N.S. Khrushchev in the USSR in 1958—1964. The reasons for the appearance of a rather serious though spontaneous dissident movement after Khrushchev resignation are exposed.

Vasilyev N. N. Transformation of the brainpower representatives' world view key points at the turn of the century

Key notions: Soviet intelligentsia, scientific and technological revolution, brainpower, world view key points, cosmism, collegiality.

The article analyses the special features of the brainpower representatives' world view in the late XX century, and the character of its change at the turn of the century connected with the mental and civilization features of Russian intelligentsia. The author discusses the possible perspectives of the spiritual development of Russian society. The historic and social bases for the special role and responsibility of the provincial intelligentsia are revealed.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2014 № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 18.02.2014 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

